

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

*Научно-практический журнал
Учрежден Тюменским юридическим институтом
Министерства внутренних дел Российской Федерации
Издается с декабря 2006 года
Выходит ежеквартально*

№ 3 (9) 2009

Главный редактор
А.И. Числов

Редакционная коллегия:

Аксенов Р.Г., кандидат юридических наук, доцент; **Арямов А.А.**, доктор юридических наук, доцент; **Афанасьев В.С.**, доктор юридических наук, профессор; **Бражников Д.А.**, кандидат юридических наук, доцент; **Бутылин В.Н.**, доктор юридических наук, профессор; **Герасименко Ю.В.**, доктор юридических наук, профессор; **Григорьев О.Г.**, кандидат юридических наук, доцент; **Емельянов А.С.**, доктор юридических наук, доцент; **Киричек Е.В.**, кандидат юридических наук, доцент; **Комиссарова Е.Г.**, доктор юридических наук, профессор; **Кузакбирдиев С.С.** (заместитель главного редактора), кандидат юридических наук, доцент; **Лавров В.П.**, доктор юридических наук, профессор; **Мазунин Я.М.**, доктор юридических наук, профессор; **Ольков С.Г.**, доктор юридических наук, профессор; **Отческая Т.И.**, доктор юридических наук, профессор; **Петров А.А.**, кандидат юридических наук, доцент; **Сумачев А.В.**, доктор юридических наук, доцент; **Сергеев А.Б.**, доктор юридических наук, профессор; **Цишковский Е.А.** (ответственный секретарь), кандидат юридических наук, доцент; **Числов А.И.**, доктор юридических наук, профессор; **Шарапов Р.Д.**, доктор юридических наук, доцент; **Шеслер А.В.**, доктор юридических наук, профессор; **Юзиханова Э.Г.**, доктор юридических наук, доцент; **Яджин Н.В.**, кандидат юридических наук, доцент

*Редакторы Е.В. Карнаухова, Е.А. Пыжова, М.А. Лихачева
Технический редактор С.Ф. Ярославцев*

Адрес редакции:

625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75.

Тел. (3452) 59-85-16.

Тел./факс (3452) 30-68-69.

Эл. почта journal@naukatui.ru

Сайт <http://www.naukatui.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-27144 от 09.02.2007 г.
ISSN 1998-6963

Подписано в печать 21.09.2009. Формат 60x84/8. Усл. п. л. 12,67. Уч.-изд. л. 10,7.
Тираж 1000 экз. Заказ № 059. Цена свободная.

© Тюменский юридический институт МВД России, 2009

Содержание

Раздел 1. Методология, теория и история государственно-правового регулирования

| | |
|---|----|
| <i>Кузнецова О.А.</i> Юридическая сила общепризнанных принципов и норм международного права в российской правовой системе..... | 4 |
| <i>Карнаухова Е.В.</i> Принципы систематизации локальных нормативных правовых актов..... | 11 |

Раздел 2. Проблемы государственного и муниципального строительства

| | |
|--|----|
| <i>Ярославцева С.В.</i> К вопросу о понятии судебной деятельности..... | 19 |
|--|----|

Раздел 3. Частное право, договорное регулирование

| | |
|--|----|
| <i>Федчук В.Д.</i> Феномен групп компаний в праве Англии: факторы роста..... | 26 |
| <i>Силина Т.Б.</i> Правовое регулирование разграничения права государственной и муниципальной собственности на объекты культурного наследия..... | 32 |

Раздел 4. Уголовное законодательство и криминологическая наука

| | |
|---|----|
| <i>Баранчикова М.В.</i> Значение нормативности принципов уголовного права..... | 37 |
| <i>Ахметов Г.Б.</i> Решение криминологических задач на основе теории вероятностей..... | 40 |
| <i>Анисимов А.Г.</i> О репрезентативности выборки информационных центров МВД России..... | 44 |
| <i>Сорокин А.И.</i> Проблемы предупреждения рецидивной преступности..... | 47 |

Раздел 5. Совершенствование деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений

| | |
|---|----|
| <i>Карагодин В.Н., Коровин С.В.</i> Тактика проверки обоснованности подозрения в бандитизме..... | 52 |
| <i>Петров С.П.</i> Об отдельных вопросах проведения проверочной закупки наркотических средств и использования ее результатов в доказывании..... | 60 |

Раздел 6. Процессуальное право, юрисдикция, процедуры

| | |
|---|----|
| <i>Смахтин Е.В.</i> Соотношение криминалистики с уголовным и уголовно-процессуальным правом..... | 63 |
|---|----|

| | |
|---|----|
| <i>Половка В.В.</i> Взаимодействие подразделений уголовного розыска со следствием на первоначальном этапе раскрытия и расследования бандитизма..... | 68 |
|---|----|

Раздел 7. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

| | |
|---|----|
| <i>Васильева Д.Р.</i> Изучение данных о личности преступника, предшествующее вынесению приговора по делам об убийствах, совершенных из личных неприязненных отношений: криминалистический и правовой аспекты..... | 73 |
|---|----|

Раздел 8. Подготовка кадров для правоохранительных органов и научная жизнь высшей школы

| | |
|---|----|
| <i>Пегушин А.А.</i> Современные образовательные технологии как средство повышения эффективности обучения..... | 77 |
|---|----|

Раздел 9. Обзоры, рецензии, критика

| | |
|--|----|
| <i>Емельянов А.С.</i> О порочности концепции финансово-правовой ответственности (на примере автореферата диссертации Арсланбековой А.З. «Финансово-правовые санкции в системе мер юридической ответственности»)..... | 86 |
|--|----|

| | |
|----------------------|-----|
| <i>Summary</i> | 101 |
|----------------------|-----|

| | |
|---------------------------------|-----|
| <i>К сведению авторов</i> | 105 |
|---------------------------------|-----|

Раздел 1. Методология, теория и история государственно-правового регулирования

ЮРИДИЧЕСКАЯ СИЛА ОБЩЕПРИЗНАННЫХ ПРИНЦИПОВ И НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

О.А. Кузнецова

(профессор кафедры гражданского права и процесса Пермского государственного университета, доктор юридических наук, доцент; kuznetsova_psu@mail.ru)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 08-03-00011а

Статья посвящена иерархическому положению общепризнанных принципов и норм международного права в российском праве. Анализируются взгляды ученых на юридическую силу общепризнанных принципов и норм международного права, включенных в правовую систему Российской Федерации. Определяется место общепризнанных принципов и норм международного права среди российских правовых регуляторов.

Ключевые слова: *Общепризнанные принципы и нормы международного права; юридическая сила; правовая система РФ; международный договор; международно-правовой обычай; источники права.*

Дифференциация общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ, а также разрешение в Конституции РФ коллизии только между последними и внутренними нормативными актами поставили серьезную проблему определения места общепризнанных международно-правовых принципов и норм среди национальных правовых регуляторов. Н.Н. Черногор, рассматривая проблемы мониторинга Конституции РФ, справедливо заметил, что почти «никто не задается вопросом, насколько эффективен приоритет общепризнанных принципов и норм международного права над национальным законодательством» [1, с. 22]. Исследование эффективности такого приоритета, необходимое не только для конституционного права, но и для отраслевых наук, предполагает прежде всего определение юридической силы и иерархического положения общепризнанных принципов и норм международного права в правовой системе России.

Мнения ученых по этому вопросу нередко противоположны. В отечественной юридической литературе сложилось три основных подхода к соотношению юридической силы Конституции РФ, междуна-

родных договоров РФ и общепризнанных принципов и норм международного права.

1. Общепризнанные принципы и нормы международного права обладают большей юридической силой, чем международные договоры, но меньшей, чем Конституция РФ: «Положение о том, что если международные договоры устанавливают иные правила, то применяются правила договоров, распространяется и на общепризнанные принципы и нормы международного права, которые обладают большей юридической силой, чем договоры» [2, с. 34]. Приоритет Основному закону перед общепризнанными нормами международного права отдается и в других странах, например в Германии [3, с. 131; 4, с. 123]. Немецкий ученый Р. Арнольд пишет по этому поводу: «Ранг общих норм международного права, т.е. международного обычного права и международно-правовых общих принципов права, определяется по статье 25 Основного закона, которая предписывает для этого ранг сверхзакона. То есть общие нормы международного права стоят по рангу выше простых законов, но ниже конституции. Попытки признать за ними, хотя бы частично, конституционный ранг не имели успеха. Если закон наруша-

ет общую норму международного права – редкий случай! – то закон применять нельзя. Суд, занимающийся этим вопросом, должен решить эту коллизию; но если суд не уверен, существует ли определенная общая норма международного права или нет, и какой она имеет объем, то он должен подключить Федеральный конституционный суд и выяснить это путем процедуры представления в соответствие со статьей 100, абзац 2 Основного закона» [5, с. 193]. При этом в немецком правовом порядке международный договор имеет ранг простого федерального закона. В российском праве аналогичная аргументация была изложена С.А. Ивановым, который отметил, что согласно ч. 1 ст. 15 Конституции законы и иные акты, принимаемые в РФ, не должны противоречить Конституции РФ, а международные договоры принимаются в форме федеральных законов о ратификации [6, с. 92]. С позиций этого подхода иерархическое построение рассматриваемых источников выглядит следующим образом: Конституция РФ – общепризнанные принципы и нормы международного права – международные договоры.

2. Общепризнанные принципы международного права обладают большей юридической силой, чем нормы внутреннего законодательства, в том числе конституционные. Так, С.В. Бахин отмечает, что императивные нормы международного права занимают верхнюю ступень в иерархии правовых актов в любой правовой системе, в том числе и по отношению к конституции, и в случае противоречия такие нормы всегда будут иметь приоритет [7, с. 119-120]. М.А. Вкут и С.Ф. Афанасьев также пишут, что общепризнанные принципы международного права приоритетны даже перед принципами Конституции РФ [8, с. 43]. Такого же мнения придерживается Р.В. Винникова: «Общепризнанные принципы международного права имеют приоритет перед нормами национального происхождения, включая принципы Конституции» [9, с. 16]. Приоритет за общепризнанными принципами международного права перед любыми нормами признает Т.Н. Нешатаева [10, с. 89]. Иерархия ука-

занных правовых источников с точки зрения этого подхода такова: общепризнанные принципы международного права – Конституция РФ – международный договор.

3. Общепризнанные принципы и нормы международного права как составная часть российской правовой системы уступают в юридической силе Конституции РФ, но при этом они обладают одинаковой юридической силой с международными договорами и им должен отдаваться приоритет перед российскими законами [11, с. 31, 33]. Д.Г. Самхарадзе по этому поводу пишет: «Договор, как и обычай, создан соглашением субъектов. Они обладают одинаковой юридической силой» [12, с. 12]. Б.Л. Зимненко также делает вывод о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права, имеющие форму международного обычая, имеют одинаковый статус и силу с общепризнанными принципами и нормами, содержащимися в международном договоре, поэтому при противоречии норм общего права и внутреннего закона приоритет в применении должен быть отдан общепризнанным нормам международного права [13, с. 47]. А.Н. Талалаев отмечает, что общепризнанные принципы и нормы международного права «должны обладать тем же приматом, что и международные договоры РФ» [14, с. 66]. М.А. Амирова в подтверждение вывода о равной юридической силе общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров приводит положение Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации»: «Международные договоры Российской Федерации наряду с общепризнанными принципами и нормами международного права являются в соответствии с Конституцией Российской Федерации составной частью ее правовой системы» [15, с. 7]. Б.Л. Зимненко также отмечает: «Если международно-правовой обычай будет иметь юридическую силу меньшую, чем закон, это может привести к нарушению Российской Федерацией своих международных обязательств» [16, с. 113]. При этом подходе иерархическая лестница источников выглядит так: Конституция

РФ – общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ.

В международно-правовой науке отмечается также, что лишь некоторые общепризнанные принципы и нормы международного права имеют приоритет перед нормами внутреннего права. Так, С.Ю. Марочкин пишет, что в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ приоритет имеют только общепризнанные нормы, выраженные в международных договорах, а что касается иных общепризнанных принципов и норм международного права, «то Конституция не устанавливает соотношение их юридической силы и внутренних актов. Поэтому судьба тех, которые существуют в форме обычных норм, не определена. Можно предложить *de lege ferenda* закрепить приоритет над законодательством РФ норм *jus cogens*» [17, с. 22, 26]. Такое же мнение было высказано С.В. Черниченко, который считает, что «основные принципы международного права, занимающие ведущее место среди общепризнанных принципов и норм, являются императивными, т.е. нормами, отступление от которых невозможно в договорном порядке. Следовательно, в иерархическом отношении они стоят выше норм международных договоров. И в случае расхождения с правилами, устанавливаемыми российскими законами, естественно, именно этим принципам должен отдаваться приоритет» [18, с. 113]. Похожего мнения придерживается И.И. Лукашук, отметивший, что общепризнанные принципы и нормы обладают «не менее, а порой и более высокой обязательной силой, чем договоры» [19, с. 44].

В литературе представлены и особые мнения по исследуемому вопросу. Так, А.А. Малюшин полагает, что поскольку общепризнанные принципы и нормы международного права включены в правовую систему РФ наряду с международными договорами, то для своего непосредственного действия они должны быть официально опубликованы, так же как международные договоры и федеральные законы [20, с. 34]. М.Ш. Пацация утверждает, что общепризнанные принципы и нормы между-

народного права вообще лишены места в иерархии правовых источников и должны применяться субсидиарно с нормами международных договоров [21, с. 109].

В правовой науке сделана также попытка определить юридическую силу общепризнанных принципов и норм международного права по отношению к иным, помимо Конституции РФ, нормативным актам внутреннего законодательства. Но и здесь единообразный подход также не сложился.

Одни утверждают, что общепризнанные принципы и нормы международного права имеют приоритет перед федеральными конституционными и федеральными законами [22, с. 222]. Другие доказывают, что общепризнанные принципы и нормы международного права не имеют приоритета перед федеральным конституционным законом и соответственно стоят ниже в иерархической лестнице [23, с. 97].

Существуют и иные взгляды на эту проблему. Так, В.А. Толстик определяет иерархическое положение общепризнанных принципов и норм международного права в зависимости от того, в каком источнике они закреплены. На первое место он ставит Конституцию РФ, затем общепризнанные принципы и нормы международного права, закрепленные в федеральных конституционных законах, далее – в Уставе ООН, затем – в ратифицированных международных договорах РФ, затем – в федеральных законах, и наконец – в нормативных актах Президента РФ и Правительства РФ. Относительно иных общепризнанных принципов и норм международного права он пишет следующее: «Общепризнанные принципы и нормы международного права, существующие в форме международного обычая и не имеющие закрепления в писаных источниках российского права, могут выступать в качестве вспомогательного источника и быть использованы российскими субъектами правоприменения при пробелах в нормативно-правовом и договорном регулировании. Этим обстоятельством и предопределяется их место в иерархической структуре российского законодательства» [24, с. 57, 61].

Нерешенность указанных вопросов в международно-правовой науке неизбежно повлекла сложности с определением юридической силы общепризнанных принципов и норм международного права в отраслевых науках. Проиллюстрируем отмеченное на примере цивилистики.

В.П. Мозолин считает, что общепризнанные принципы и нормы международного права имеют приоритет по отношению к противоречащим им нормам внутреннего права [25, с. 46]. Б.М. Гонгало [26, с. 28] и Ю.К. Толстой [27, с. 47] говорят о приоритете над внутренним правом только норм международных договоров РФ, а о статусе общепризнанных принципов и норм международного права вообще не упоминают. В.В. Пиляева прямо заявляет, что только нормы международных договоров имеют преимущественную силу перед законами, а общепризнанные принципы и нормы такого преимущества не имеют [28, с. 23].

Безусловно, указанные доктринальные проблемы мешают широкому использованию общепризнанных принципов и норм международного права российскими правоприменителями.

На наш взгляд, если учитывать принцип суверенного равенства государств, то конституционным нормам следует отдать приоритет перед международно-правовыми нормами, в том числе общепризнанными: «Если возникает противоречие между самой Конституцией и нормой международного права, то надо отбросить норму международного права и руководствоваться только Основным Законом. Это продиктовано самим ее содержанием, тем, как она сформулирована: если мы отойдем от этого, мы нарушим Конституцию, и этот круг замкнется...» [29, с. 179]. На это же обстоятельство обратил внимание Б.С. Эбзеев: «...общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы, а в рамках этой единой правовой системы нет актов, которые по своей юридической силе стояли бы выше Основного Закона» [30, с. 8].

Другая сложность с определением иерархического места общепризнанных

принципов и норм международного права связана с отсутствием в российском праве их перечня и с неясностью их источниковой базы.

В Германии Федеральный Конституционный суд принял постановление, в котором назвал 15 общепризнанных принципов и норм международного права, которые государство признает для себя обязательными. Вероятно, именно поэтому немецкие правоведы смело ставят эти принципы и нормы в юридической иерархии сразу после Основного Закона. Но в Российской Федерации такой перечень отсутствует. О.И. Тиуновым в связи с этим было высказано мнение, что официальный перечень общепризнанных принципов и норм международного права в РФ и не нужен, а «можно воспользоваться Хельсинским заключительным актом, в котором подобный перечень прекрасно сформулирован» [29, с. 177].

Действительно, ст. 2 Устава ООН от 26 июня 1945 г. и Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, от 24 октября 1970 г. провозгласили 7 основных принципов международного права: неприменение силы или угрозы силой; мирное разрешение международных споров; невмешательство в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государства; сотрудничество государств друг с другом в соответствии с Уставом ООН; равноправие и самоопределение народов; суверенное равенство государств; добросовестное выполнение международных обязательств. В Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Заключительный акт ОБСЕ), принятом в Хельсинки 1 августа 1975 г., были сформулированы еще три основных принципа международного права: территориальной целостности государства; нерушимости государственных границ; всеобщего признания и защиты прав человека. Именно об этих 10 основных принципах международного права ведет речь О.И. Тиунов. Однако возникает известная сложность с проеци-

рованием основных международно-правовых принципов на гражданско-правовые и другие внутрисударственные отношения. Указанные принципы создавались и применяются как нормы, регулирующие отношения между публично-правовыми субъектами – государствами преимущественно по межгосударственным вопросам. Возникает серьезный вопрос о необходимости и возможности использования указанных принципов, например, в гражданском праве. Статья 7 ГК РФ содержит ссылку на возможность регулирования гражданских отношений именно общепризнанными принципами и нормами международного права. Безусловно, некоторый гражданско-правовой смысл основные принципы международного права имеют. Так, суверенитет государства предполагает недопустимость издания актов гражданского законодательства иными субъектами, возможность использования государством иммунитетов. Кроме того, каждая отрасль международного права может иметь свои общепризнанные принципы (морское, гуманитарное право, посольское право и др.), которые также могут иметь определенное значение для отдельных отраслей внутреннего права. Однако была ли необходимость в этих случаях упоминать о действии общепризнанных международно-правовых норм почти в каждом российском кодексе? На наш взгляд, для применения основных принципов международного права было бы достаточно и ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Думается, закрепляя категорию «общепризнанные принципы и нормы международного права» во внутренних кодифицированных и иных актах, законодатель имел в виду действие других, помимо основных, международно-правовых общепризнанных принципов и норм. Основные принципы, как разновидность общепризнанных принципов международного права, по юридической силе должны следовать за Конституцией РФ.

Вопрос о иерархическом положении иных общепризнанных принципов и норм международного права должен решаться с учетом источника их закрепления. Общепризнанные принципы и нормы междуна-

родного права, закрепленные в международном договоре РФ, будут действовать так же, как международный договор. В Конституции РФ предусмотрено, что при противоречии правил международного договора нормам внутреннего права приоритет отдается международному договору.

Что касается общепризнанных принципов и норм международного права, имеющих форму правового обычая, то следует отметить, что по юридической силе их нельзя ставить ниже договорно-правовых норм. Как справедливо отметил Г.М. Даниленко, «в связи с тем что международный договор и международный обычай основаны на соглашении государств, наличие и содержание которого могут быть объективно установлены, договорные и обычные нормы обладают равной юридической силой» [31, с. 175]. Обладая одинаковой юридической силой, они должны применяться в случае коллизии с национальным правом. Однако следует отметить, что некоторые документы, закрепляющие международно-правовые обычаи и содержащие общепризнанные нормы, регламентируют и правила об их действии при противоречиях с внутрисударственными источниками права. Например, в Принципах международных коммерческих договоров УНИДРУА указывается, что частные лица могут соглашаться их применение к чисто внутренним договорам. Однако такое применение может быть ограничено императивными нормами внутреннего права, регулирующего договор (п. 3 Преамбулы). Это положение будет иметь решающее значение при выборе подлежащей применению нормы в случае коллизии.

Право определять место общепризнанных принципов и норм международного права в иерархии правовых регуляторов принадлежит самому государству. В США, например, установлено, что общепризнанные международно-правовые нормы уступают в юридической силе актам парламента и судебным решениям высших судебных инстанций [32, с. 126]. В Российской Федерации необходимо принятие акта, определяющего действие в ее право-

вой системе общепризнанных принципов и норм международного права.

1. Черногор Н.Н. Мониторинг Конституции РФ и его инструментальная роль // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2008. № 3 (6). С. 20-25.

2. Ищенко О.А., Ищенко Е.Г. Проблемы реализации норм международного права в российском законодательстве // *Международное публичное и частное право*. 2008. № 3. С. 34-38.

3. Герасимова Е.В. Практика Европейского суда по правам человека и защита прав и свобод человека конституционными судами ФРГ и РФ // *Правоведение*. 2007. № 5. С. 130-134.

4. Лазарев В.В., Мурашова Е.Н. Место решений Европейского суда по правам человека в национальной правовой системе // *Журнал российского права*. 2007. № 9. С. 110-124.

5. Арнольд Р. Международное право в немецком правопорядке // *Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия: Материалы Всероссийского совещания / под ред. М.А. Митюкова, С.В. Кабышева, В.К. Бобровой, А.В. Сычевой*. М.: *Междунар. отношения*, 2004. С. 193-199.

6. Иванов С.А. Формальное закрепление юридической силы нормативных актов // *Государство и право*. 2007. № 12. 92-98.

7. Бахин С.В. Международная составляющая правовой системы России (статья вторая) // *Правоведение*. 2008. № 1. С. 117-132.

8. Вкут М.А., Афанасьев С.Ф. К вопросу о реализации части 4 статьи 15 Конституции РФ в сфере гражданского судопроизводства (проблемы теории и практики применения) // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2005. № 3. С. 36-44.

9. Винникова Р.В. Имплементация норм международного права в арбитражном процессе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. 33 с.

10. Нешатаева Т.Н. Международное право в судебной практике арбитражных судов // *Закон*. 1998. № 7. С. 87-96.

11. Бабай А.Н., Тимошенко В.С. Общепризнанные принципы и нормы международного права как составная часть российской правовой системы // *Международное публичное и частное право*. 2006. № 6. С. 30-33.

12. Самхарадзе Д.Г. Источники современного международного права // *Международное публичное и частное право*. 2006. № 5. С. 11-17.

13. Зимненко Б.Л. Нормы международного права в судебной практике Российской Федерации: пособие для судей. М.: РАП, 2003. 188 с.

14. Талалаев А.Н. Два вопроса международного права в связи с Конституцией РФ // *Государство и право*. 1998. № 3. С. 64-70.

15. Амирова М.А. Понятие «общепризнанные принципы и нормы международного права» в целях применения для защиты прав человека в Российской Федерации // *Международное публичное и частное право*. 2006. № 4. С. 7-11.

16. Зимненко Б.Л. Нормы международного права в правовой системе Российской Федерации // *Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия: Материалы Всероссийского совещания / под ред. М.А. Митюкова, С.В. Кабышева, В.К. Бобровой, А.В. Сычевой*. М.: *Междунар. отношения*, 2004. С. 109-121.

17. Марочкин С.Ю. Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1998. 44 с.

18. Цит. по: Каламкарян Р.А. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Воспитание поколения XXI в. (материалы международного симпозиума) // *Государство и право*. 1998. № 7. С. 109-122.

19. Лукашук И.И. Конституция России и международное право // *Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры в*

практике конституционного правосудия: Материалы Всероссийского совещания / под ред. М.А. Митюкова, С.В. Кабышева, В.К. Бобровой, А.В. Сычевой. М.: Междунар. отношения, 2004. С. 43-47.

20. Малюшин А.А. Нормы международного права как источники правотворчества // Международное публичное и частное право. 2007. № 3. С. 34-35.

21. Цит. по: Щербакова Н.В., Лукьянова Е.Г., Скурко Е.В. Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции (обзор материалов круглого стола) // Государство и право. 2004. № 11. С. 102-109.

22. Невинский В.В. Общеизвестные принципы и нормы международного права в деятельности Конституционного суда Российской Федерации по защите прав человека: проблемы применения // Общеизвестные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия: Материалы Всероссийского совещания / под ред. М.А. Митюкова, С.В. Кабышева, В.К. Бобровой, А.В. Сычевой. М.: Междунар. отношения, 2004. С. 221-224.

23. Бабай А.Н., Тимошенко В.С. Роль общеизвестных принципов и норм международного права в правовой системе России // Закон. 2006. № 11. С. 95-100.

24. Толстик В.А. Международное право в правовой системе России: проблема включения и иерархического размещения // Общеизвестные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия: Материалы Всероссийско-

го совещания / под ред. М.А. Митюкова, С.В. Кабышева, В.К. Бобровой, А.В. Сычевой. М.: Междунар. отношения, 2004. С. 55-59.

25. Гражданское право. Часть первая: учебник / отв. ред. В.П. Мозолин, А.Н. Масляев. М.: Юристъ, 2003. 719 с.

26. Гражданское право: учебник / С.С. Алексеев, Б.М. Гонгалов, Д.В. Мурзин; под общ. ред. С.С. Алексеева. М.: ТК ВЕЛБИ; Екатеринбург: Институт частного права, 2007. 480 с.

27. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. М.: ТК Велби, Проспект, 2006. 776 с.

28. Пиляева В.В. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (постатейный). М.: ТК ВЕЛБИ, 2003. Ч. 1. 864 с.

29. Тиунов О.И. Интерпретация норм европейского гуманитарного права в российской правовой системе // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации: сб. статей / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2003. С. 167-185.

30. Эбзеев Б.С. Конституция Российской Федерации: прямое действие и условия реализации // Государство и право. 2008. № 7. С. 5-15.

31. Даниленко Г.М. Обычай в современном международном праве. М.: Наука, 1988. 192 с.

32. Гаврилов В.В. Действие норм международного права в правовой системе США // Журнал российского права. 2003. № 2. С. 117-127.

ПРИНЦИПЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЛОКАЛЬНЫХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Е.В. Карнаухова

(научный сотрудник Тюменского юридического института МВД России;
8 (3452) 59-84-84)

Статья посвящена рассмотрению правил, которым необходимо следовать при систематизации внутриорганизационного нормативно-правового материала. В ней дано определение и выделены три группы принципов систематизации локальных нормативных правовых актов. Сделан вывод о том, что тема требует дополнительного исследования.

Ключевые слова: *принципы, система, систематизация, локальный нормативный правовой акт.*

Осуществление любого вида человеческой деятельности подчинено определенным принципам, или правилам, в которых сконцентрирован накопленный теоретический и практический опыт. Это позволяет оптимизировать выполнение тех или иных повторяющихся действий.

Одним из важных направлений юридической деятельности является систематизация нормативных правовых актов (далее – НПА), то есть приведение НПА и правовых норм, в них содержащихся, в определенную систему с целью обеспечения возможности более полной реализации права, улучшения качества правотворчества.

Особое место среди объектов систематизации занимают локальные НПА, или внутриорганизационные подзаконные нормативные акты. К таковым относятся письменные документы, исходящие от компетентных субъектов правотворчества организации (учреждения, предприятия), отличающиеся оперативностью принятия, представляющие собой подзаконные акты, содержащие правовые нормы, предназначенные для регулирования внутриорганизационных отношений.

Главной особенностью систематизации локальных НПА является то, что в ней заинтересованы и ее осуществляют собственными силами (если исключить возможность привлечения специалистов на коммерческой основе) лишь те организации, учреждения, предприятия, в которых данные акты приняты и действуют.

Систематизируя НПА, в том числе локальные, необходимо следовать соответствующим принципам. Однако в теории

права вопрос о принципах систематизации НПА в целом и локальных, в частности, остается недостаточно разработанным, несмотря на то, что многие авторы посвящали свои труды различным аспектам данного вопроса. Так, А.С. Пиголкиным выделены основные принципы организации учета законодательства [1, с. 440]. Значительно раньше им же в соавторстве с Г.Т. Чернобелем были рассмотрены основные принципы формирования Свода законов СССР [2, с. 27-39; 3, с. 70-84]. Не обошли вниманием ученые и практики принципы формирования Свода законов РФ [4, с. 14-16; 5, с. 15].

В.Э. Краснянский предложил считать правила деления объема понятия (деление должно быть соразмерным, непрерывным, производиться по одному основанию, а его члены должны исключать друг друга) формально-логическими принципами классификации, так как они содержат требования к процедуре и касаются формы мыслительного процесса [6, с. 389]. Впоследствии данные принципы воспроизвел в диссертационном исследовании, посвященном систематизации российского законодательства, В.В. Ксенофонов, назвав их принципами систематизации законодательства [7, с. 31-32].

В.А. Сивицким выделены две группы требований (принципов) систематизации: требования к результату систематизации и требования к процессу систематизации. «Требованиями к результату систематизации – пишет он, – являются полнота, подробность и понятность регулирования, удобство пользования системой НПА и

правовых норм, единство массива НПА, отсутствие в нем противоречий; требованиями к процессу систематизации – плановость, единовременность, нормативное регулирование процесса, организационная и финансовая обеспеченность, политическое согласие, наличие идеологической составляющей» [8, с. 52]. При этом автор подчеркивает, что все принципы систематизации тесно связаны между собой и их невозможно реализовывать отдельно друг от друга [8, с. 53].

Ю.С. Васильев, М.П. Евтеев, а также В.К. Гришук предложили перечни основных принципов, присущих советскому кодификационному процессу [9, с. 12; 10, с. 14]. В.М. Баранов и В.Н. Карташов дали определение понятия и характеристику принципов правокодифицирующей практики [11, с. 68-69]. В.П. Рябцевым и А.Ю. Блиновой на примере органов прокуратуры рассмотрены общетеоретические принципы систематизации ведомственных НПА [12, с. 38]. М.В. Костенников и А.В. Куракин посвятили свое исследование принципам кодификации административного права [13, 41-45], Н.А. Лопашенко и Т.В. Кленова – уголовного права [14; 15; 16].

Важность приведенных выше исследований не вызывает сомнений. Однако представляется необходимым, говоря о принципах систематизации НПА, в том числе локальных, использовать системный подход.

Прежде всего обратимся к этимологии понятия «принцип». Оно происходит от латинского слова «*principium*» – основа, начало и используется в нескольких значениях: 1) основное, исходное положение какой-либо теории, учения и т.д., руководящая идея, основное правило деятельности; 2) внутреннее убеждение, взгляд на вещи, определяющие норму поведения; 3) основа устройства, действия какого-либо механизма, прибора, установки [17, с. 400]. В Словаре русского языка дается аналогичное толкование данного понятия [18, с. 428]. Применительно к систематизации НПА понятие «принцип» используется в значении руководящего положения, основного правила, установки для данной

деятельности. Как заметила Е.Г. Комиссарова, «...трудно найти в русском языке столь многозначный и столь же часто употребляемый термин... Многозначность или универсальность, сопутствующие термину “принцип” за пределами юридического быта, в правовой сфере становятся не благом, а проблемой. Точность понятий, используемых в праве, – это то, к чему необходимо стремиться» [19, с. 15-16].

Определяя принципы систематизации локальных НПА, необходимо, на наш взгляд, исходить из следующего.

1. Систематизация НПА – деятельность сложная и многогранная, вследствие чего она подразделяется на виды. Вопрос о видах до сих пор остается дискуссионным. Однако он не составляет предмет рассмотрения данной статьи, поэтому ограничимся указанием на то, что разделяем точку зрения авторов, выделяющих четыре вида систематизации НПА – учет, инкорпорацию, консолидацию и кодификацию [20, с. 123; 21, с. 123, 124; 22, с. 13, 22; 23, с. 447, 448; 1, с. 439]. Представляется, что необходимо различать принципы систематизации в целом, отдельных ее видов, а также особенные принципы, которыми следует руководствоваться наряду с общими и частными принципами для решения определенной задачи (например, при организации систематизированного учета, подготовке сборника НПА, укрупненного акта).

2. Поскольку систематизация локальных НПА – одна из составляющих систематизации в праве, то она должна осуществляться в соответствии с общими и частными принципами данной деятельности. А особенные принципы определяются поставленной задачей, условиями и возможностями организации, учреждения, предприятия. Можно сказать, что принципы систематизации локальных НПА – это система, то есть множество правил, находящихся в отношениях и связях друг с другом и образующих определенную целостность, единство [24, с. 99]. Гибкость системы обеспечивает систематизаторам возможность избирательного подхода к частным и особенным принципам.

3. Трудно переоценить роль, которую играет в систематизации классификация – особый вид деления – логической операции, раскрывающей объем понятия. По справедливому замечанию Е.В. Чуманова, классификация закладывает основы кодификационной деятельности, служит базой для разработки схем систематических собраний (сводов) законодательства, играет существенную роль в работе по учету НПА, помогает осуществлять полный и достоверный поиск правовой информации [25, с. 103]. Поэтому принципы классификации представляется необходимым отнести к общим принципам систематизации.

4. Консолидация является не только видом систематизации, но и правотворческим приемом, а кодификация – высший вид систематизации и правотворчества. С.И. Архипов предложил использовать логическое расчленение кодификации на две составные части, а критерием отграничения систематизации от правотворчества при этом считать конкретную цель деятельности органа: либо приведение в систему, упорядочение действующих, а также разрабатываемых нормативных предписаний; либо осуществление нормативной регламентации отношений, их правовое урегулирование [26, с. 59, 61]. Соглашаясь с обоснованностью выделения двух составляющих кодификационной деятельности, следует отметить, что цель у правотворческого органа в данном случае одна, но она может быть достигнута только сочетанием методов и приемов названных видов юридической деятельности. Поэтому осуществление «систематизации» при кодификации и консолидации не может быть автономным, безотносительным к принципам правотворчества. Можно ли, например, говорить о достижении цели систематизации, если в нарушение правотворческого принципа законности кодификационный или консолидированный акт принят неправомочным органом, или с нарушением процедур, или противоречит действующему законодательству?

5. Содержание, сущность и назначение права в обществе характеризуют принципы права. Их принято подразделять на

нормы-принципы, содержащиеся в НПА, и идеи-принципы, которые выводятся из смысла законов. Объектом систематизации являются НПА, заключающие в себе правовые нормы. Поэтому систематизация в праве не может осуществляться безотносительно к принципам права.

Особое значение имеет соотношение принципов права и принципов кодификации. Применительно к уголовному праву Т.В. Кленова сделала вывод, который может быть распространен и на другие отрасли права: «...если принципы права определяют общую направленность уголовно-правового регулирования, систему и содержание уголовно-правовых норм, то принципы кодификации предопределяют, как следует выражать их в законодательстве, чтобы добиться наилучших правовых результатов» [16, с. 57].

Таким образом, принципы систематизации локальных НПА – это единство общих, частных и особенных правил приведения в определенную систему внутриорганизационных подзаконных нормативных правовых актов и правовых норм. Это общие правила систематизации; правила, распространяющиеся на ее отдельные виды; особенные правила, определяемые в каждом конкретном случае осуществления систематизационной деятельности с учетом условий и возможностей организации, учреждения, предприятия.

Рассмотрим общие принципы, действующие независимо от вида систематизации, которые можно подразделить на две подгруппы: 1) принципы, относящиеся к организации и сущности деятельности; 2) формально-логические принципы классификации.

Итак, к первой подгруппе общих принципов относятся следующие:

– законность. Применительно к систематизации данный принцип включает прежде всего следующее: а) требование к консолидации и кодификации локальных НПА – соответствие Конституции РФ (в литературе иногда называют отдельно принцип конституционности) и другим законам и подзаконным НПА; б) принятие консолидированных и кодификационных

актов компетентными субъектами в соответствии с установленными процедурами. Кроме того, НПА различной юридической силы регламентируют порядок осуществления систематизированного учета [27], а на изданный правотворческим органом сборник НПА можно ссылаться при разрешении споров и иных юридических вопросов как на источник официального опубликования НПА;

– научность. Данный принцип предполагает использование достижений различных наук, прежде всего юридических – теории государства и права, трудового, административного, гражданского, финансового права, а также неюридических – логики, информатики. Он подразумевает и привлечение ученых к систематизации (особенно к такому ее виду, как кодификация), однако на локальном уровне это используется редко;

– плановость. Говоря о систематизации российского законодательства, В. Свицкий отметил следующее: «Сначала нужно решить, какие направления и способы систематизации являются приоритетными. Необходимо, чтобы план систематизации был официально утвержден. Он должен устанавливать конкретные сроки, органы, ответственные за систематизацию, и т.д.» [28, с. 39]. Полагаем, что данному принципу можно и нужно следовать в организации, учреждении, на предприятии. Невозможно упорядочить НПА, действуя хаотично, несогласованно, от случая к случаю;

– демократизм. Он проявляется, во-первых, в том, что одна из целей систематизации – обеспечить для всего трудового коллектива доступность и удобство в использовании локальных НПА, а во-вторых, в участии членов коллектива в осуществлении систематизации. Например, к подготовке сборников и проектов консолидированных и кодификационных локальных НПА привлекаются сотрудники соответствующих подразделений;

– объективность. Потребность в учете, инкорпорации возникает естественным образом с увеличением количества локальных НПА, что обусловлено приведением внутриорганизационных подзаконных ак-

тов в соответствие с законодательством, развитием новых направлений деятельности организации, учреждения, предприятия, созданием новых подразделений и т.д. Необходимость консолидации также определяется увеличением количества локальных НПА, но регулирующих отношения в какой-либо одной сфере, дублирующих друг друга. Необходимость комплексного регулирования определенной группы общественных отношений, внесения существенных изменений в его содержание, а также принятия сводного документа приводит к началу кодификационных работ. Таким образом, вид систематизации, объем, критерии обуславливаются реальными итогами локального правотворчества, потребностями его дальнейшего развития и реализации права;

– профессионализм. Данный принцип важен в систематизации локальных НПА, как и в любой другой деятельности. Систематизация локальных НПА – один из видов юридической деятельности. Однако, как отмечалось выше, к ее осуществлению привлекаются сотрудники и неюридических подразделений. А наличие юридического образования не является гарантией достаточных знаний и навыков в области систематизации. Выход видится, с одной стороны, в улучшении качества подготовки специалистов с юридическим образованием (например, посредством увеличения количества часов, отведенных на изучение данной темы в рамках дисциплины «Теория государства и права», и введения соответствующего спецкурса), а с другой – в соблюдении принципа преемственности, с которым корреспондирует принцип профессионализма;

– преемственность. Представляется необходимым выделение двух аспектов данного принципа. Во-первых, он способствует реализации принципа профессионализма, когда сотрудники со стажем обучают «новичков» технике и методике ведения систематизации, делятся опытом, накопленным в конкретной организации. Во-вторых, можно говорить о взаимосвязи видов систематизации. Использование этого свойства обеспечивает преемственность.

Так, учет лежит в основе инкорпорации, консолидации, кодификации. Инкорпорация – в основе консолидации и кодификации. Консолидация и кодификация могут предварять инкорпорацию (последнее, на наш взгляд, не играет существенной роли при систематизации на локальном уровне). В свою очередь, результаты инкорпорации, консолидации и кодификации отражаются при осуществлении учета;

– системность – принцип, относящийся к результатам систематизации, – сформированному фонду, подготовленному сборнику локальных НПА, сводному консолидированному или кодификационному акту. Обеспечивается внутренней согласованностью и непротиворечивостью как систематизированных локальных правовых норм, так и НПА.

Ко второй подгруппе общих принципов относятся следующие [29, с. 56-57; 30, с. 389]:

– объем членов деления (подмножеств) должен равняться объему всего классифицируемого множества (правило соразмерности деления). Общее количество взятых на учет локальных НПА должно соответствовать количеству документов, объединенных по определенному критерию в различные разделы;

– при одном и том же делении необходимо применять одно и то же основание. Например, при составлении хронологического сборника действующих локальных НПА документы располагаются в соответствии с датами их принятия, вне зависимости от субъекта правотворчества, области регулируемых общественных отношений и т.д.;

– члены деления (подмножества) должны взаимно исключать друг друга. Данный принцип связан с предыдущим. Он нарушается, если при делении используется не одно основание. Так, в сборнике локальных НПА, составленном в соответствии с предметным принципом, недопустимо выделение, например, раздела «Нормативные правовые акты руководителя организации»;

– подразделение на подмножества должно быть непрерывным. «В процессе

деления родового понятия нужно переходить к ближайшим видам, не пропуская их... Каждый из этих видов в свою очередь может быть разделен на виды» [29, с. 57]. Здесь показателен пример с рубрикатором, составляемым при создании справочного аппарата к фонду локальных НПА; с разработкой структуры предметно-тематического сборника НПА; сложноструктурированных консолидированных и кодификационных актов.

Говоря о частных принципах систематизации, следует отметить, что они распространяются на отдельные виды систематизации локальных НПА. Их можно также подразделить на подгруппы: 1) принципы учета и инкорпорации; 2) принципы кодификации и консолидации. Кроме того, предлагается выделить принцип, общий для учета, инкорпорации и консолидации, и принцип кодификации.

К первой подгруппе частных принципов относятся следующие:

– полнота информационного массива, обеспечивающая фиксацию и выдачу всего объема справочной информации, отсутствие пробелов и упущений в информационном массиве (в отношении инкорпорации данный принцип действует в рамках избранных критериев отбора НПА);

– достоверность информации, основанная на использовании официальных источников опубликования нормативных актов, а также на своевременной фиксации внесенных изменений включенных в информационный фонд актов;

– удобство пользования, необходимое для оперативного и качественного поиска нужных сведений о праве. Указанные принципы А.С. Пиголкин выделял применительно к учету. Однако они в полной мере относятся и к инкорпорации [1, с. 440].

Ко второй подгруппе частных принципов систематизации локальных НПА относятся:

– техническое совершенство принимаемых актов – принцип, предусматривающий широкое использование «...выработанных юридической наукой и апробированных практикой способов и приемов подготовки нормативных текстов, правил

законодательной техники, которые должны быть обязательны для законодателя» [30, с. 31]. Представляется, что техническое совершенство – идеал, к которому следует стремиться всем субъектам правотворчества, и не только локального уровня;

– прогнозирование. Данный принцип, на наш взгляд, в большей степени относится к кодификации, чем к консолидации. До принятия решения о создании консолидированного акта необходимо оценить, достаточно ли будет объединения действующих норм в сводный акт для полноценного регулирования внутриорганизационных отношений, или требуется содержательное обновление правового материала. Разработка кодификационных актов более сложна ввиду их значительного объема, многоуровневой структуры, подготовительных работ (приводятся в систему не только имеющиеся нормы права, но и разрабатываемые), временных и материальных затрат, как правило, более сложной по сравнению с другими локальными НПА процедурой принятия. Кроме того, такой кодификационный акт, как устав, а также изменения и дополнения к нему в обязательном порядке подлежат государственной регистрации. Прогнозирование позволяет рациональнее использовать время и силы специалистов, соединить в локальных нормах динамичность и стабильность.

В группу частных принципов необходимо включить еще два, касающиеся содержания НПА. Во-первых, это сохранение неизменным нормативного содержания систематизируемых актов при учете, инкорпорации и консолидации, а во-вторых – внесение изменений в правовое регулирование в процессе кодификации. Оно достигается посредством упорядочения не только наличного правового материала, но и потенциального, который станет таковым после принятия кодификационного акта.

Затрагивая особенные принципы систематизации локальных НПА, необходимо отметить, что систематизаторы в той или иной организации, учреждении, на предприятии самостоятельно определяют их при решении конкретной задачи. Приступая к систематизации локальных НПА,

необходимо принимать во внимание следующее: качественные и количественные характеристики внутриорганизационного подзаконного массива документов; количество и подготовленность сотрудников, которые будут заниматься систематизацией; материальные ресурсы (возможность тиражирования сборников, создания или приобретения программы для организации компьютерного учета НПА и т.д.); виды и формы систематизации, необходимые и достаточные на данный момент в организации, учреждении, на предприятии. Особенности принципы систематизации локальных НПА дополняют, конкретизируют общие и частные принципы систематизации. Например, определяя принципы отбора материала при подготовке сборника локальных НПА, систематизаторы решают, следует ли включать в него общие и ведомственные НПА или извлечения из них.

Подведем итоги рассмотрения вопроса о принципах систематизации локальных НПА. Проанализировав имеющиеся подходы, а также учитывая разнообразие видов систематизации, неодинаковые условия и возможности организаций, учреждений и предприятий, осуществляющих данный вид юридической деятельности, необходимо выделить принципы систематизации локальных НПА различной степени общности, а именно:

– общие принципы систематизации локальных НПА, среди которых различаются принципы, относящиеся к организации и сущности рассматриваемой деятельности (законность, научность, плановость, демократизм, объективность, профессионализм, преемственность, системность), и формально-логические принципы деления (деление должно быть соразмерным, непрерывным, производиться по одному основанию, члены деления должны исключать друг друга);

– частные принципы систематизации локальных НПА, присущие ее отдельным видам. Для учета и инкорпорации – это полнота информационного массива, достоверность информации, удобство пользования; для консолидации и кодификации – техническое совершенство принимаемых

актов, прогнозирование. Кроме того, сюда относится принцип сохранения неизменным нормативного содержания систематизируемых НПА (при учете, инкорпорации и консолидации) и принцип внесения изменений в правовое регулирование (при кодификации);

– особенные принципы систематизации локальных НПА, дополняющие общие и частные, позволяющие учитывать особенности конкретной организации, учреждения, предприятия.

Думается, что вопрос о принципах систематизации НПА должен стать объектом полноценного, посвященного только этой проблеме исследования.

1. Теория государства и права: учебник / под ред. А.С. Пиголкина. М.: Юрайт Издат, 2005. 613 с.

2. Пиголкин А.С., Чернобель Г.Т. Основные принципы формирования Свода законов СССР // Проблемы совершенствования советского законодательства: труды. М., 1978. Вып. 12. С. 27-39.

3. Свод законов Советского государства: Теоретические проблемы: монография. М.: Юрид. лит., 1981. С. 70-84.

4. Юткин В. Некоторые проблемы формирования Свода законов Российской Федерации // Российская юстиция. 1997. № 8. С. 14-16.

5. Поленина С., Колдаева Н. Свод законов РФ как форма систематизации нормативных актов // Российская юстиция. 1996. № 12. С. 13-15.

6. Теория государства и права: учебник / отв. ред. А.И. Королев, Л.С. Явич. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 550 [2] с.

7. Ксенофонов В.В. Систематизация российского законодательства: Принципы и процедуры: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 167 с.

8. Сивицкий В.А. Систематизация конституционно-правовых актов РФ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 196 с.

9. Васильев Ю.С., Евтеев М.П. Кодификация и систематизация законодательства // Советское государство и право. 1971. № 9. С. 11-20.

10. Грищук В.К. История кодификации законодательства развитого социализма (на материалах Украинской ССР): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1985. 19 с.

11. Баранов В.М., Карташов В.Н. Юридические принципы технологии правовой кодификации // Кодификация законодательства: Теория, практика, техника: материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 25–26 сентября 2008 г.) / под ред. В.М. Баранова, Д.Г. Краснова. Н. Новгород, 2009. С. 60-73.

12. Рябцев В.П., Блинова А.Ю. Ведомственные нормативные правовые акты: проблемы систематизации (на примере прокуратуры РФ) // Журнал российского права. 2002. № 10. С. 34-40.

13. Костенников М.В., Куракин А.В. Принципы кодификации норм административного права // Государство и право. 2006. № 8. С. 38-45.

14. Лопашенко Н.А. Принципы кодификации уголовно-правовых норм: монография / под ред. Н.С. Шостака. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1989. 95 [2] с.

15. Кленова Т.В. Принципы кодификации уголовно-правовых норм // Кодификация законодательства: Теория, практика, техника: материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 25–26 сентября 2008 г.) / под ред. В.М. Баранова, Д.Г. Краснова. Н. Новгород, 2009. С. 834-856.

16. Кленова Т.В. Принципы уголовного права и принципы кодификации в уголовном праве // Государство и право. 1997. № 1. С. 54–59.

17. Словарь иностранных слов. 13-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1986. 608 с.

18. Словарь русского языка: В 4 т. Т. 3. П–Р. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1987. 750 с.

19. Комиссарова Е.Г. Об основных началах гражданского законодательства // Журнал российского права. 2001. № 5. С. 13-21.

20. Бабаев В.К., Баранов В.М., Толстик В.А. Теория права и государства в

схемах и определениях: учеб. пособие. М.: Юристъ, 2002. 256 с.

21. Демин А.В. Теория государства и права: курс лекций. М.: Инфра-М, 2002. 184 с.

22. Кудешкина О.Б. Систематизация отечественного законодательства: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2002. 147 с.

23. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства: учебник. М.: Издат. группа «Норма–Инфра-М», 1999. 552 с.

24. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. С–Я. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1988. 795 [1] с.

25. Чуманов Е.В. Классификация в российском законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. 199 с.

26. Архипов С.И. Систематизация локальных норм советского права: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1987. 176 с.

27. Об утверждении Инструкции о юридическом учете нормативных и иных правовых актов в ФТС России: приказ Федеральной таможенной службы РФ от 28 апреля 2005 г. № 382. URL: [http://www/tks.ru/news/law/2005/05/11/0006](http://www.tks.ru/news/law/2005/05/11/0006) (дата обращения: 20.11.2007).

28. Сивицкий В. Как систематизировать российское законодательство // Российская юстиция. 1999. № 8. С. 39-40.

29. Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика: учебник для юрид. вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2007. 256 с.

30. Соловьев А.А. Правотворческая деятельность органов внутренних дел субъектов РФ: На материалах ГУВД Московской области: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 236 с.

Раздел 2. Проблемы государственного и муниципального строительства

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С.В. Ярославцева

(помощник судьи Арбитражного суда Тюменской области; svetvik@tyumenarbitr.ru)

В статье автором предпринята попытка рассмотреть понятие судебной деятельности с точки зрения теории права, не только исходя из основной функции судебной власти – осуществления правосудия, но и учитывая иные немаловажные функции, реализуемые судебной системой, без которых невозможно полноценное выполнение судебной властью возложенных на нее задач.

Ключевые слова: суд, судебная деятельность, юридическая деятельность, судебная власть, правосудие, правоприменение.

В соответствии со статьей 10 Конституции государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную.

Сильная и независимая судебная власть является важнейшей гарантией формирования правового государства и гражданского общества. В правовом государстве обеспечивается верховенство закона, незыблемость основных прав и свобод человека, осуществляется охрана прав и интересов личности, защита общества от произвола властей [1, с. 6].

Таким образом, судебная деятельность, то есть деятельность органов судебной власти – один из основополагающих видов деятельности государства, без реализации которого не мыслимо существование ни одного общественного строя.

В данной статье автор предлагает рассмотреть понятие судебной деятельности относительно иных существующих мнений по этому вопросу, поскольку без понимания смысла и содержания судебной деятельности невозможно оценить эффективность функционирования судебной власти, понять ее отличие от власти законодательной и исполнительной, кроме того, в условиях осуществляемой правовой реформы также существует необходимость комплексного изучения судебной деятельности.

Для начала обратимся к Конституции РФ, в главе 7 которой регламентированы основные правоотношения, связанные с

образованием, устройством и деятельностью судебной власти.

В частности, статья 118 устанавливает, что правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом, судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Судебная система Российской Федерации устанавливается Конституцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом. Создание чрезвычайных судов не допускается.

В соответствии со статьей 124 Конституции РФ финансирование судов производится только из федерального бюджета и должно обеспечивать возможность полного и независимого осуществления правосудия согласно федеральному закону.

В статьях 119–122 Конституции РФ содержатся нормы правовой регламентации деятельности судей. Отдельно указанными статьями закрепляются принципы независимости судей, неприкосновенности и несменяемости, подчинения их только Конституции Российской Федерации и федеральному закону.

М.И. Клеандров отмечает, что «независимость судьи служит краеугольным камнем независимости судебной власти как составной части государственной власти» [2, с. 35], и выделяет две стороны принципа независимости судей: «а) судья независим при осуществлении правосудия; б) судья одновременно зависим от необходимости при осуществлении правосудия

строго соблюдать действующее законодательство» [2, с. 37].

Таким образом, можно сделать вывод, что основной признак судебной власти – это ее самостоятельность и независимость, чего нельзя сказать о законодательной и исполнительной власти. Что касается последних, то субординация, подчинение нижестоящих вышестоящим, обязательность указаний руководства для подчиненных считаются обязательными признаками деятельности исполнительных органов. Не могут в своей деятельности быть ограниченными от влияния извне и органы законодательной власти, так как при принятии нормативных актов они обязаны прислушиваться к публичному мнению, мнению политических партий, органов исполнительной и судебной власти, учитывать заключения экспертов и научной общественности.

Принцип разделения властей важен для того, чтобы взаимный контроль и сбалансированность полномочий не привели к присвоению полномочий судебной власти какой-либо другой властью. Судить не вправе ни органы законодательной, ни органы исполнительной власти. Вместе с тем судебная практика, безусловно, влияет на направление законодательной деятельности, а также исправляет многие ошибки органов исполнительной власти; более того, своим толкованием права в процессе его применения суды выявляют подлинное содержание правовых норм, часто отличное от первоначальных целей [3, с. 617].

Однако означенное не свидетельствует о том, что судебная деятельность существует «сама по себе», в отрыве от деятельности других ветвей власти. Составляя одно целое – государственную власть – все три ее ветви – законодательная исполнительная и судебная – должны действовать слаженно, выполняя в то же время каждая свои функции.

Например, Федеральное Собрание РФ, олицетворяющее законодательную власть, издаёт законы, обязательные для исполнения всеми, в том числе судами и судьями, учреждает и упраздняет конкретные суды (кроме тех, которые образованы

на основании прямых указаний Конституции РФ), определяет в рамках, установленных Конституцией РФ, финансирование судов. Суды же в рамках предоставленных им полномочий могут влиять на содержание деятельности законодательных (представительных) и иных органов. Они вправе признать закон неконституционным, а решение исполнительного органа – незаконным. Это влечет за собой неприменение закона либо обязывает соответствующие органы не претворять в жизнь незаконное решение, рассмотреть вопрос вновь или пересмотреть данное решение, вынести новое. С другой стороны, реализация судебных решений практически полностью зависит от исполнительных органов, прежде всего юстиции РФ и подчиненных ему органов и учреждений [4, с. 51-52].

Спецификой судебной правоприменительной деятельности является также и то, что она четко регламентирована процессуальными правовыми нормами, в отличие от деятельности законодательных и исполнительных органов власти. Установленные для законодательных и исполнительных органов власти процедуры (регламенты, правила) не обладают той тщательностью и обязательностью, которая характерна для правоприменительной деятельности судов.

Также для более полного раскрытия понятия судебной деятельности проанализируем основные подходы к пониманию категории «юридическая деятельность» как родового понятия по отношению к судебной деятельности.

В юридической литературе достаточно подробно рассмотрены основные характеристики юридической деятельности [5, с. 37-38; 6; 7, с. 37; 8; 9]. Прежде всего отметим, что юридической деятельности присущи основные признаки, характеризующие человеческую деятельность в общем смысле: предметность, осознанность, целесообразность, избирательность, коллективность, самоорганизованность, детерминированность, социально-преобразующая направленность и др. [10; 11; 12].

В научных исследованиях юридическая деятельность представляется как один

из видов социальной деятельности и характеризуется всеми ее признаками. Содержание юридической деятельности определяется спецификой ее объекта, в качестве которого выступает право во всем многообразии конкретных проявлений правовых норм, правоотношений, правового сознания и правового регулирования. При этом деятельность признается юридической не только потому, что она направлена на право, а потому, что приводит к юридически значимым результатам, определенным образом меняет, либо, наоборот, сохраняет наличное бытие правовой реальности [13, с. 166-167].

В.П. Беляев указывает на то, что юридическую деятельность следует рассматривать как диалектическое единство ее содержания и формы. При этом считает оправданным мнение ученых-юристов, которые к формам юридической деятельности относят лишь правовые акты, в которых проявляются и закрепляются юридические действия, способы и средства их осуществления; вынесенные решения [14, с. 47-51].

Формы юридической деятельности являются способами ее внутренней организации и внешнего выражения. Поэтому будем различать ее внутренние и внешние формы. Следует согласиться с В.М. Карташовым, который к внутренней форме, внутренней связи элементов ее содержания относит процессуальную («процедурно-организационную», «процедурно-процессуальную») форму юридической деятельности, а к внешней форме юридической деятельности – правовые акты [15, с. 70]. Кроме того, Э.Р. Чернова отмечает, что общей внешней формой, в которую обличены все виды юридической деятельности, являются правовые отношения.

Сказанное в полной мере можно отнести к судебной деятельности, которая является одним из видов юридической деятельности. Таким образом, внутренней формой судебной деятельности является процедурно-процессуальная форма, а внешней – правоотношения по разрешению и выносимые по конкретным делам судебные акты.

Однако считаем необходимым отметить и отличия юридической деятельности от судебной. Одним из таких отличий является, несомненно, их субъектный состав. На сегодняшний день нам известно два подхода в определении субъектов юридической деятельности. Одни к субъектам юридической деятельности относят лишь компетентные органы государства, наделенные государственно-властными полномочиями [15, с. 32-35].

Другие отмечают, что субъектами юридической деятельности, кроме государственных органов и органов местного самоуправления, являются также их должностные лица – носители правосубъектности в виде компетенции, граждане (в случае референдума) и должностные лица организаций и предприятий (прием на работу, наложение дисциплинарных взысканий) [16, с. 17], также некоторые авторы в качестве субъектов юридической деятельности выделяют ученых-юристов, политических и общественных деятелей, журналистов [13, с. 167].

Существование неоднозначных подходов к определению субъектов юридической деятельности оправдывается тем, что, в отличие от судебной деятельности, круг субъектов юридической деятельности законодательно не определен, так же как и само понятие юридической деятельности. На сегодняшний день о данной проблематике можно судить, исходя лишь из мнений различных авторов юридической литературы, ученых-правоведов.

Как уже было сказано выше, судебная деятельность четко регламентирована нормами права, в соответствии с которыми субъектами судебной деятельности являются только суды, судьи и работники аппаратов судов.

Таким образом, субъектами судебной деятельности, в отличие от иных видов юридической деятельности, не могут являться граждане, журналисты, должностные лица иных организаций и предприятий и т.п.

Если предметом юридической деятельности могут быть любые правоотношения, требующие юридического упорядочения, то к предмету судебной

деятельности относится лишь применение норм права для урегулирования спорных правоотношений и восстановления нарушенных прав и законных интересов граждан, организаций, иных лиц.

Считаем, что нельзя не согласиться с В.М. Сырых, который, классифицируя юридическую деятельность по субъектам ее осуществления, выделяет две большие сферы: 1) юридическую деятельность государства; 2) юридическую деятельность граждан. В свою очередь, юридическую деятельность государства подразделяет на четыре вида: 1) правотворческую, 2) информационную, 3) правоприменительную, 4) деятельность в сфере социально-правового контроля [13, с. 177].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что судебная деятельность является подвидом юридической деятельности государства с присущими ей чертами, но в то же время обладает такими характеристиками, которые присущи только судебной деятельности и которые отличают ее от иных видов юридической государственной деятельности.

Учитывая вышеизложенное, сформулируем основные признаки судебной деятельности, которые, на наш взгляд, должны отражать следующее:

1) судебная деятельность – деятельность государственная, то есть в соответствии с нормами Конституции может выполняться только органами судебной власти, созданными и функционирующими на основании Закона. При этом Конституция не допускает создание чрезвычайных судов. Не считается также судебной деятельностью деятельность третейских, товарищеских и подобных им судов. В Толковом словаре русского языка «суд» определяется как «государственный орган, ведающий разрешением гражданских (между отдельными лицами, учреждениями) споров и рассмотрением уголовных дел» [17, с. 766]. Толковый юридический словарь определяет понятие слова «суд» как «специальный орган государства, осуществляющий правосудие и выполняющий свои функции в форме разрешения уголовных дел, гражданских, трудовых и

иных споров, административных и других правонарушений в установленном законом порядке» [18, с. 426];

2) судебная деятельность как разновидность юридической деятельности является деятельностью профессиональной [19, с. 12], кроме того, в соответствии с законодательством ее могут осуществлять только специальные субъекты (судьи, работники аппаратов судов);

3) судьи в отличие от иных субъектов юридической деятельности государства (депутатов, должностных лиц органов власти) в осуществлении своей деятельности независимы согласно статье 120 Конституции РФ; при этом существует законодательно установленная юридическая ответственность за нарушение этого принципа;

4) судебная деятельность по отправлению правосудия в отличие от иных видов юридической государственной деятельности (например, деятельность ОВД и прокуратуры по расследованию преступлений) осуществляется на основе принципов прозрачности и гласности;

5) судебная деятельность четко регламентируется процессуальными правовыми нормами, регламентами и положениями, принимаемыми в соответствии с законодательством;

6) основная цель судебной деятельности – защита прав и интересов граждан, их объединений, различных форм собственности, общественного и государственного строя; сопутствующая и неотъемлемая цель судебной деятельности – повышение уровня правосознания, правовой культуры и юридической грамотности населения.

Для уточнения категорийного аппарата считаем также немаловажным отграничить судебную деятельность от смежных правовых понятий «правосудие» и «правоприменительная деятельность», поскольку считаем их не равнозначными, но схожими по своей правовой природе.

Что касается легального определения понятия «правосудие», то существующее на сегодняшний день российское законодательство его не дает, поэтому в право-

вой литературе устоялись разнополярные взгляды на этот термин.

В.П. Кашепов считает, что правосудие как специфическое направление реализации государственной власти отличается от иных функций правоохранительных органов рядом признаков: оно представляет собой ведущую форму реализации судебной власти и осуществляется посредством соблюдения строго регламентированного законом порядка и норм судопроизводства [20, с. 510].

Если мыслить абстрактно, то думается, что правосудие и судебная деятельность соотносятся как часть и целое. В данном случае будем понимать правосудие как правоприменительную деятельность суда. При этом нельзя не признать, что правосудие является основным видом судебной деятельности, но, между тем оно не охватывает всего того смысла, который вкладывается в понятие судебной деятельности.

В подтверждение своего довода приведем такой аргумент: в современной юридической энциклопедической литературе под правосудием (англ. justice) понимается особый вид государственной (публичной) деятельности, состоящий в том, что независимый, беспристрастный и справедливый суд на основе закона рассматривает и разрешает правовые споры и дела, отнесенные к его ведению в установленных законом правовых формах; при этом различают гражданское, уголовное, административное, арбитражное и конституционное судопроизводство [21, с. 821-822]. Подобный подход существует и в других источниках энциклопедической юридической литературы [22, с. 1054; 23, с. 347]. Так, юридическая энциклопедия (изд. Тихомирова М.Ю.) трактует правосудие как совершаемую в процессуальном порядке правоприменительную деятельность суда по рассмотрению и разрешению гражданских и уголовных дел, а также экономических споров в целях охраны прав и интересов граждан, организаций и государств [24, с. 347].

Правовед М.Н. Маршунов придерживается такого же взгляда на институт правосудия [25, с. 27]. Профессор А.Д. Бойков

дает более развернутое определение этого понятия, указывая, что правосудие – основная функция судебной власти, осуществляемая ее органами – судами, судьями, наделяемыми в порядке, установленном Конституцией РФ и Законом «О судебной системе Российской Федерации». Сущность правосудия состоит в рассмотрении отнесенных к компетенции судов правовых конфликтов (экономических споров по вопросам гражданского права, споров о соответствии законов Конституции РФ), дел об уголовных преступлениях и административных правонарушениях и принятии решений, имеющих общеобязательное значение и подлежащих в необходимых случаях исполнению с применением государственного принуждения. Конституция РФ устанавливает, что правосудие в РФ осуществляется только судом (ст. 118). Оно имеет и ряд других признаков, кроме признаков органа, его осуществляющего (равно как и понятие судебной деятельности нельзя сводить к функции правосудия) [26, с. 762-763].

Между тем многими авторами-правоведами сущность судебной деятельности сводится только к правоприменительной деятельности судов, то есть – к правосудию, что, на наш взгляд, неоправданно сужает смысл понятия «судебная деятельность», нивелирует все те функции, которые выполняют органы судебной власти помимо осуществления функции правосудия.

Например, согласившись с Е.В. Рябцевой [27, с. 8] в том, что «судебная деятельность представляет собой форму проявления, осуществления судебной власти», считаем, что при определении теоретических основ судебной деятельности приведенные в работе автора три вида судебной деятельности – судебный контроль, судебное санкционирование и правосудие – являются подвидами лишь одного вида судебной деятельности – правоприменительной.

Такое подразделение судебной деятельности на виды представляется не совсем корректным (не совсем полным). Определение третьего вида судебной деятельности как правосудия было бы более

логичным назвать «рассмотрением или разрешением судебных дел», а все три вида объединить как виды не судебной деятельности, а судебной правоприменительной деятельности.

В обоснование этого мнения приведем довод о том, что при осуществлении каждого из вышеперечисленных видов деятельности суд (в лице судьи или состава судей) не выходит за рамки правоприменительной деятельности, так как результатом каждого из этих видов судебной деятельности является судебный акт с мотивированным решением и обязательной ссылкой на нормы права. Разницу составляет лишь предмет правоприменения – правоотношения, в рамках которых осуществляется процессуальная деятельность суда.

Считаем, что понятие «судебной деятельности» гораздо шире вкладываемого обычно в этот термин смысла правосудия (правоприменительной деятельности), и виды ее обусловлены теми задачами, которые ставятся перед судебной системой, перед органами судебной власти для реализации возложенных на них государством функций и в рамках их компетенции.

Например, нам представляется, что является судебной деятельностью и не является правосудием деятельность судей и работников аппаратов судов по проведению конференций и совещаний по вопросам судебной проблематики, по подготовке обзоров и обобщений судебной практики, статистической отчетности, информационно-правовых материалов по результатам рассмотрения судебных дел, по опубликованию в средствах массовой информации и на электронных ресурсах сети «Интернет» текстов судебных актов, иных информационно-правовых судебных материалов. Также можно назвать судебной деятельностью, не относящейся к правосудию, деятельность субъектов судебной власти по обеспечению судов информационно-правовыми, материально-техническими, финансовыми, кадровыми ресурсами и т.п.

Исходя из критерия «пределы осуществления», судебную деятельность будем понимать как деятельность, производимую субъектами судебной системы

как для судебных органов, так и для иных субъектов (участников судебных процессов, заинтересованных лиц, юридической общественности и др.).

Таким образом, с учетом изложенного выше, предлагаем формулировать понятие судебной деятельности следующим образом:

Судебная деятельность – профессиональная юридическая деятельность государства, осуществляемая судьями на основе принципов независимости и гласности, а также работниками аппаратов судов, четко регламентированная нормами права, имеющая своей целью защиту прав и интересов граждан, общественного и государственного строя.

1. Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992.

2. Клеандров М.И. Судебная система современной России. Тюмень, 2002.

3. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. М.: Изд. группа «НОРМА–ИНФРА-М», 1998.

4. Гуценко К.Ф., Ковалев М.А. Правоохранительные органы. М., 2002.

5. Теория юридического процесса / под общ. ред. Горшенева. Харьков, 1985.

6. Карташов В.Н. Юридическая деятельность в социалистическом обществе. Ярославль, 1987.

7. Вершинин А.П. Соотношение категорий «правовое поведение» и «правовая деятельность» // Юридическая деятельность: сущность, структура, виды. Ярославль, 1989.

8. Шагиев Б.В. Юридическая деятельность в современном российском обществе (теоретико-правовой аспект). М., 2002.

9. Шагиев Б.В. Виды юридической деятельности. М., 2002.

10. Каган М.С. Человеческая деятельность: Опыт системного анализа. М., 1974.

11. Фофанов В.П. Социальная деятельность как система. Новосибирск, 1981.

12. Суходольский Г.Н. Основы психологической теории деятельности. Л., 1988.

13. Сырых В.М. Социология права: учеб. пособие. М., 2001.

14. Беляев В.П. О процессуальной форме юридической деятельности // Юрист. 2005. № 8.
15. Карташов В.Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. Саратов, 1989.
16. Чернова Э.Р. Юридическая деятельность в механизме правового регулирования (на примере деятельности органов внутренних дел МВД РФ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007.
17. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995.
18. Баскакова М.А. Толковый юридический словарь: бизнес и право. М., 1998.
19. Юридическая деятельность: сущность, структура, виды: сб. науч. тр. Ярославль, 1989.
20. Кашепов В.П. Комментарий к гл. 7 Конституции РФ // Комментарий к Конституции Российской Федерации. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; БЕК, 1996.
21. Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б.Н. Топорнин. М.: Юристъ, 2001.
22. Популярный энциклопедический словарь / председ. науч.-ред. совета изд-ва А.М. Прохоров. М.: Большая российская энциклопедия, 1989.
23. Тихомирова Л.В., Тихомирова М.Ю. Юридическая энциклопедия / под общ. ред. М.Ю. Тихомирова. М., 1997.
24. Юридическая энциклопедия. (Изд. Тихомирова М.Ю.) М.: Юринформцентр, 1997.
25. Маршунов М.Н. Комментарий к законодательству о судостроительстве РФ. М.; СПб.: Герда, 1998.
26. Бойков А.Д. Комментарий «Правосудие» // Российская юридическая энциклопедия / под общ. ред. А.Я. Сухарева. М.: ИНФРА-М, 1999.
27. Рябцева Е.В. Деятельность и положение суда в состязательном уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2005.

Раздел 3. Частное право, договорное регулирование

ФЕНОМЕН ГРУПП КОМПАНИЙ В ПРАВЕ АНГЛИИ:
ФАКТОРЫ РОСТА

В.Д. Федчук

(заместитель начальника экономического отдела
Торгового представительства России в Италии; кандидат юридических наук,
профессор, г. Рим, Италия; fedchuk_valerii@bk.ru)

Ведущими игроками современного рынка Англии являются группы компаний. Такая организация деятельности крупных компаний практически оправдана как с экономической, так и с юридической точки зрения. Несмотря на достаточно широкое распространение механизма группы компаний, право компаний Англии по-прежнему продолжает опираться, за редкими исключениями, на классические принципы самостоятельного образования и ограниченной ответственности.

Ключевые слова: компания, банкротство, ассоциированная компания, группа компаний, связанная компания, холдинговая компания, проникновение за корпоративный занавес, слияния и поглощения, холдинги.

Объективные процессы концентрации капиталов, а также централизации управления ими привели к смене ведущих лиц на национальных и международных рынках; по образному выражению М. Дирборн (M. Dearborn), «весь современный мир покрылся глобальными корпоративными паутинами» [1, с. 208]. Экономика Англии не является исключением, поскольку на ее рынке широко представлены крупные компании, осуществляющие свою деятельность через многочисленные связанные компании [2, с. 181]*. И хотя масштабы распространения здесь групп компаний несравнимы с существующими реалиями Германии**, все же они достаточно внушительны, и к тому же имеют ярко выраженную тенденцию к росту [3, с. 11; 4, с. 305].

Как ни странно, но широкое признание в Англии практической значимости феномена группы компаний не привело к росту числа исследований, специально направленных на изучение особенностей ее механизма; в частности, правовые ис-

следования здесь не проводились вообще. Из близких по тематике исследований наибольшего внимания заслуживает анализ структуры компаний, проводившийся на примере компаний, занимающих первые 1000 позиций листинга Лондонской фондовой биржи («Top Industrial»); особое внимание было уделено исследованию компаний, занимающих места с 1 по 100 и с 401 по 500 [5, с. 54]. Согласно полученным результатам, каждая из первых 50 компаний листинга имела в среднем около 230 дочерних компаний***.

Важным представляется тот факт, что, по сути, впервые в истории групп компаний в рамках данного исследования был поставлен вопрос об определении глубины структуры группы компаний или, иными словами, того «расстояния», на которое материнская компания обычно отдаляет от себя свои дочерние компании. Ответ на этот вопрос позволил бы радикально подойти к решению двух принципиальных правовых вопросов:

1. Какая из компаний группы компаний является материнской компанией?

* Понятие «связанные компании» позаимствовано из права концернов Германии и используется в настоящей статье как обобщающее понятие для обозначения всех компаний, входящих в группы компаний (прим. автора).

** По утверждению автора, согласно статистическим данным по состоянию на 2004 г. почти 80 % коммерческой деятельности в Германии осуществлялось обществами, входящими в состав концернов.

*** Фактически этот показатель намного выше, поскольку в листинге отсутствовали частные компании, зачастую обладающие крупными активами и использующие в организации своей деятельности схему группы компаний (прим. автора).

2. Какая из материнских компаний, конечная или промежуточная, должна нести ответственность по долгам дочерней компании?

Окончательные ответы на данные вопросы не получены до сих пор, хотя весьма пристальное внимание им было уделено уже в деятельности Комитета Корка. Выводы Комитета, сформулированные в отчете [4, с. 17], послужили базисом для проведения радикальной реформы права несостоятельности Англии и получили непосредственное отражение в Акте о несостоятельности 1986 г. Произведенный в отчете анализ всего многообразия существовавших фактических обстоятельств позволил членам Комитета обозначить два возможных подхода к решению вопроса об ответственности группы компаний по долгам ее несостоятельных участников, а именно:

– возложение ответственности на все или некоторые другие компании, входящие в ту же группу компаний, что и несостоятельная компания;

– возложение ответственности на какую-либо одну материнскую, конечную или промежуточную, компанию [4, с. 17].

Для целей настоящей статьи результаты указанного исследования не имеют особого значения, поскольку преследовали сугубо экономические цели. Вместе с тем они полностью подтвердили справедливость идеи о достаточности фактических полномочий материнской компании для решения вопроса об определении места и роли каждой из дочерних компаний в группе компаний в полном соответствии с ее (материнской компании) интересами. К числу положительных аспектов данного исследования следует отнести также признание Комитетом высокой степени актуальности вопроса о проведении специального юридического исследования феномена группы компаний [5, с. 54]. Достоверность отдельных выводов, сделанных в рамках этого исследования, в частности, относительно масштабов распространения групп компаний, глубины их структуры и многочисленности состава участников получила подтверждение в еще одном исследовании, проводившемся на примере компании «Бритиш Петролеум»;

согласно утверждению Хаддена, эта компания имела «1300 дочерних компаний в Англии и за ее пределами» [3, с. 8]; Трикером указаны несколько иные показатели – 858 [5, с. 55]. Кроме того, в рамках этого исследования была отмечена высокая актуальность современной тенденции к интернационализации бизнеса и, что имеет особую важность, напрямую вытекающих из нее вопросов о том, насколько часто деятельность компаний, входящих в группы компаний, выходит за рамки одной страны, и какие факторы влияют на алгоритм такого размещения.

Представители научной доктрины Англии, несмотря на многочисленность предпринимавшихся попыток, до сих пор не смогли дать однозначное объяснение столь широкому распространению групп компаний в английской экономике. Вместе с тем имеющиеся материалы и мнения позволяют определить основные факторы, оказывающие непосредственное влияние на развитие этого процесса. Представляет интерес тот факт, что эти факторы в самом общем плане могут быть распределены между двумя основными тенденциями в развитии права компаний Англии:

– общее упрощение доступа к корпоративной форме;

– усложнение доступа к корпоративной форме для определенных ситуаций.

Первая из целей достигается посредством сокращения числа формальных требований, предъявляемых законодателем к процедуре регистрации компаний, вторая – введением законодательного требования об обязательности использования корпоративной формы для отдельных конкретных ситуаций. При общей разнонаправленности оба этих направления объединены в конечном счете единой целью, а именно созданием условий для роста заинтересованности деловых кругов в организации своего дела через многочисленные связанные компании, т.е. в создании групп компаний.

К определяющим факторам в той или иной степени могут быть отнесены нижеизложенные факторы.

В настоящее время процедура регистрации компании в Англии предельно до-

ступна, ее законодательно определенные элементы отличаются низким уровнем формализма и относительной дешевизной. На практике же регистрация зачастую сводится к одной-единственной обязанности, состоящей в передаче Регистратору компаний учредительных документов (конституции) компании [7, §§ 1, 7, 8]. При этом, что немаловажно, в настоящее время отсутствуют ограничения минимального числа учредителей, вследствие чего получила широкое распространение практика регистрации частных компаний с одним учредителем [7, § 1 (3А)].

В праве компаний Англии зарегистрированная компания не обязана приступать к осуществлению деятельности немедленно, т.е. сразу же после регистрации. Указанная особенность способствует развитию практики регистрации «полочных» компаний; агенты по регистрации компаний, адвокатские или аудиторские фирмы регистрируют компании без каких-либо конкретных целей, т.е. как бы впрок; учредительные документы и печать таких компаний «помещаются на полки» и используются по мере возникновения необходимости. Наибольшим спросом эта практика пользуется в сфере офф-шорного бизнеса, где цели оперативности требуют предельного сокращения сроков создания компаний; их продолжительность сводится фактически до времени, достаточного для того, чтобы «снять компанию с полки» и передать заказчику [8, с. 58]. Помимо простоты создания, такие компании представляют интерес также с точки зрения налогообложения, поскольку неиспользуемая компания практически не имеет долгов и освобождается от выполнения ряда обязанностей, в частности от бухгалтерской отчетности и аудиторских проверок [9, с. 52].

Инкорпорация компании означает создание компании как законного средства осуществления деятельности и практически исключает вопрос о «дефектности» статуса компании. Согласно положениям Акта о компаниях 1985 г. [7, § 13 (7)] сертификат об инкорпорации, выданный Регистратором компаний, является первостепенным доказательством того, что компания

зарегистрирована в полном соответствии с законодательными требованиями. Единственное лицо в государстве, имеющее право поставить факт инкорпорации под сомнение, – Генеральный Атторней – пользуется им крайне редко [10, с. 476].

В ряде случаев инкорпорация законодательно признана обязательной, что дает повод именовать ее в доктрине не иначе как принудительной инкорпорацией. Так, например, ст. 716 (1) Акта о компаниях 1985 г. предусмотрена обязательная регистрация в качестве юридического лица любого образования, «состоящего из более, чем 20 лиц, и имеющего намерение осуществлять деятельность, направленную на получение прибыли, лично или через своих членов». Исключение из указанного правила составляют партнерства профессионалов, например, юристов и бухгалтеров (§ 716 (2) Акта о компаниях 1985 г.). Посредством введения в 1862 г. этого требования английскому законодателю удалось решить сразу две правовые проблемы – материальную и процессуальную:

– проблему определения конкретных требований кредиторов самой группы компаний и кредиторов ее отдельных членов (в случае банкротства неинкорпорированной ассоциации с большим числом участников);

– проблему отсутствия в английском процессуальном праве практически эффективного представительского иска (representative action) или иска, который может быть предъявлен к группе лиц или в защиту интересов группы лиц.

Как следует из позиции, занимаемой судами, результатом нарушения положений указанной статьи может быть признание ассоциации незаконной и, впоследствии, невозможность предъявления иска к ней или от ее имени [11, с. 469]. При организации коммерческой деятельности через группу компаний необходимость регистрации компании в соответствии с положениями ст. 716 Акта 1985 г. предопределяется двумя факторами: обязательностью исполнения указанного положения и наличием стимулов, предусмотренных для надлежаще зарегистрированных компаний.

Приверженность английских судей доктрине самостоятельного юридического лица и их нежелание принимать решение о проникновении за корпоративный занавес ведет к тому, что группа компаний превращается в удобное средство освобождения материнской компании и, более того, также ее акционеров от ответственности по долгам ее дочерних компаний. Тем самым доктрина ограниченной ответственности продолжает играть роль одного из наиболее решающих стимулов развития коммерческой деятельности в указанном направлении.

Согласно мнению Д. Прентиса, история по большому счету не знает случаев введения законодательных запретов на держание одними компаниями акций других компаний [4, с. 309]. Имевшиеся сложности, в частности, наличие законодательного требования об обязательном наличии у публичной компании не менее 7 акционеров*, легко преодолевались посредством назначения лиц, действовавших от имени других лиц (номини) [12, с. 608], а также через выполнение одними компаниями функций директоров других компаний [13, с. 458].

Важная роль в исследуемом аспекте права компаний принадлежит временно-му фактору, а именно времени появления основных взаимосвязанных правовых доктрин и получения ими широкого признания. Доктрина ограниченной ответственности, появившаяся в период существования простых компаний, идеально соответствовала целям первичного накопления капитала; она, однако, оказалась неспособной объяснить и обосновать отношения зависимости, существующие между участниками групп компаний. Более того, ее инструментарий недостаточен для понимания того, что использование групп компаний создает, в ущерб интересам кредиторов, целых «два уровня ограниченной ответственности, прикрывающие не только материнскую корпорацию, но также ее акционеров» [6, para 1922]. В исторически известном отчете Комитета Корка указывалось, что разработанные еще в 19 веке положения английского права компаний и

права несостоятельности «...не в полной мере учитывают современные коммерческие особенности предприятий, представляющих собой группы компаний» [6, para 1922]. Именно это некоторое несоответствие действующих норм права существующим экономическим реалиям позволяет крупному капиталу, использующему схему группы компаний, получать преимущества, далеко не очевидные внешне, однако достаточно значимые по своей сути.

Одним из наиболее эффективных средств приобретения контроля одних компаний над другими компаниями являются слияния компаний, причем как мирные, так и враждебные. Всякое слияние компаний неизбежно ведет к созданию сложных отношений, в рамках которых становится возможным приобретение компанией одной группы компаний контроля над какой-либо из компаний из другой группы компаний; иногда таковой может быть даже материнская компания. При этом, как отмечалось в научной доктрине, одной из наиболее характерных особенностей комплексных корпоративных структур Англии, отличающей ее от других стран – членов ЕС, является существенное преобладание враждебных поглощений [4, с. 36].

Недостаточная урегулированность в праве Англии вопроса о деятельности групп компаний, а также потенциальные возможности, предоставляемые их механизмом, ведут на практике к злоупотреблениям корпоративной формой. Показательным примером этой практики является передача материнской компанией по своему усмотрению активов от одной дочерней компании к другой (другим) или обеспечение ею совершаемых сделок. В тех случаях, когда обеспечение покрывает все имущество компании или какую-либо значительную его часть, держатель обеспеченного требования наделяется полномочиями по назначению управляющего (*administrative receiver*), что, естественно, в значительной степени снижает шансы других кредиторов [14, § 29 (2)]. Тем самым на практике соответствующие положения законодательства Англии, перенасыщенные общими и «туманными» формулиров-

* Было отменено лишь в 1980 г. (прим. автора).

ками, создают условия для осуществления своеобразного «планирования» в аспекте определения направлений и масштабов размещения активов компаний, входящих в группу компаний, а также для определения компаний, обладающих привилегированными требованиями.

И, конечно же, нельзя не учитывать влияния, оказываемого на процесс формирования групп компаний налоговым правом, одним из ведущих элементов которого является институт резидентства. Механизм группы компаний позволяет выводить компании, входящие в эту группу компаний, из-под действия налогового режима Англии. Реализация указанной возможности осуществляется посредством признания компаний, инкорпорированных в Объединенном Королевстве, резидентами других стран, что становится возможным в случае применения, в целях определения резидентства, критерия места нахождения центра управления компанией [15, pt. II].

Изложенный перечень не претендует на роль исчерпывающего; в праве Англии имеются и другие факторы, способствующие распространению групп компаний. К их числу относятся, в частности, отсутствие в праве Англии упрощенной процедуры поглощения материнской компанией ее дочерней компании; таковая, например, имеется в праве Австралии и ряда штатов США. Осуществление такого поглощения возможно лишь в соответствии с достаточно сложной процедурой, определенной положениями Акта о дерегулировании и контрактах 1994 г. [16, ch. 40, § 13]. Кроме того, нередко базисом принятия решения о создании сети дочерних и иных связанных компаний выступают так называемые регулятивные соображения (*regulatory justification*), в частности: обеспечение транспарентности бизнеса, скрытие фактов взаимного участия компаний в капитале друг друга, отделение различных видов деятельности компании друг от друга и т.д.

Анализ существующей практики и норм права Англии, регламентирующих отношения связанных компаний, позволяет прийти к выводу о том, что английское государство в целом поощряет применение

этой схемы ведения бизнеса. Свидетельством этого являются уровень и темпы концентрации капитала, а также отсутствие практически эффективных мер контроля за слияниями и поглощениями, в особенности злостными поглощениями, столь характерными для экономики Англии.

Кроме того, здесь до сих пор не выработан единый правовой подход к оценке феномена группы компаний; правовой режим групп компаний определяется не нормами, включенными в какой-либо специальный блок, посвященный группам компаний, а отдельными разрозненными, а иногда и разноотраслевыми нормами права. Видимо, крупные компании, которые уже располагают достаточными фактическими возможностями для управления связанными (подконтрольными, зависимыми, аффилированными и т.д.) компаниями в соответствии со своими собственными интересами, вполне устраивает действие классических принципов самостоятельного юридического лица и ограниченной ответственности. И это закономерно, ведь разработка более четкого статуса групп компаний может привести к серьезным ограничениям свободы их действий и, что весьма чувствительно, возможности извлечения выгоды из действия фактически «двойного» ограничения ответственности: самой материнской компании и ее акционеров. В отсутствие же конкретных норм многочисленность и «туманный» характер формулировок позволяет им осуществлять своеобразное «планирование» направлений и масштабов размещения активов связанных компаний, а также договорное «назначение» компаний, обладающих привилегированными требованиями. По всей видимости, именно в этом аспекте интересы крупного бизнеса, и не только английского, не совпадают с буквой и духом соответствующих директив ЕС по праву компаний. Не этим ли объясняется неспособность последних выйти за рамки уровня проектов?!

В известной степени изложенный вывод применим к российской действительности. Российское государство, как представляется, принципиально поддерживает концентрацию и централизацию капитала

или, по крайней мере, не предпринимает активных мер по его урегулированию. В результате многочисленных слияний и поглощений компаний, темпы которых не снижаются, российский рынок оказался распределенным между немногочисленными группами компаний, статус которых в российском законодательстве по-прежнему не определен. Более того, шаги реформы права компаний свидетельствуют, что российский законодатель, игнорируя существующие экономические реалии, не стремится к осуществлению радикальной реформы соответствующих норм гражданского права. Акцент сделан на создание различного рода контролируемых механизмов в нормах ряда отраслей публичного права. А жаль! Ведь исторический опыт подсказывает целесообразность замены, хотя бы в исключительных случаях, метода императивного запрета на метод регулирования.

Как представляется, богатый английский опыт решения проблем, связанных с деятельностью групп компаний, предоставляет для российской правовой доктрины и законодателя широкие возможности в части проведения исследований, а может быть и творческого заимствования. В этой связи могут представлять практический интерес нормы английского права компаний, касающиеся формирования элементов понятий группы компаний и проникновения за корпоративный занавес, определения порядка предъявления требований кредиторов и их очередности, защиты интересов миноритарных акционеров и ответственности директоров компаний, принимающих решения в ущерб интересам своих компаний.

1. Dearborn M. Enterprise Liability: Reviewing and Revitalizing Liability for

Corporate Groups. *California Law Review*, Vol. 97, feb. 2009, No 1. P. 195-232.

2. Gerhard Wirtl & Michael Arnold, *Corporate Law in Germany* 181 (2004). P. 341.

3. Hadden T. *The Control of Corporate Groups* 1, 11 (1983). P. 234.

4. Prentice D.D. *Some Aspects of the Law relating to Corporate Groups in the United Kingdom*. 13 *Conn. J. Int.'l L.* P. 305-328 (1998-1999).

5. Tricker R.I., *Corporate Governance*. Ch. 5. P. 467.

6. Report of the Review Committee on Insolvency Law and Practice, Cmnd.8558, (1982) [hereinafter Cork Committee report].

7. *Companies Act 1985* (England).

8. Goulding S., *The Private Company in the United Kingdom in the European Private Company ?* 58 (*De Kluiver and Gerven etc.*), 1995. P. 413.

9. Pennington R., *Company Law* 951-52 (5th ed. 1995). P. 574.

10. *R. v. Registrar of Companies, ex parte Attorney-General*, [1991] B.C.L.C.476 (Eng).

11. Daniel D. Prentice, *Veil Piercing and Successor Liability in the U.K.*, 10 *Fla.J.Int'l L.* 469 (1996).

12. Blumberg P.I., *Limited Liability and Corporate Groups*, 11 *J.CORPL.*573, 608 (1986).

13. *Re Bulawayo Market and Offices Co.*, [1907] 2 Ch. 458 (Eng.).

14. *The Insolvency Act 1986*.

15. Bramwell et al., *Taxation of Companies and Company Reconstructions pt. II* (6th ed. 1994). P. 632.

16. *The Deregulation and Contracting Out Act, 1994* (Engl.).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Т.Б. Силина

(старший преподаватель общеправового факультета (кафедры гражданско-правовых дисциплин) Тюменского юридического института МВД России, кандидат юридических наук; 8 (3452) 59-84-48; kniga_tui@mail.ru)

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования разграничения права государственной и муниципальной собственности на объекты культурного наследия. Проводится анализ действующего законодательства и сложившейся практики разграничения прав на памятники истории и культуры между такими субъектами гражданского права, как Российская Федерация, субъекты Федерации и муниципальные образования, предлагаются основные направления совершенствования правового регулирования в указанной сфере.

Ключевые слова: правовое регулирование; разграничение права государственной и муниципальной собственности; объекты культурного наследия; памятники истории и культуры; принципы разграничения права собственности.

В настоящее время одной из проблем в вопросе о формах собственности является создание единого механизма разграничения права государственной и муниципальной собственности, так как нет четких критериев изменения формы собственности на конкретные объекты, как и распределения возникающих расходов в связи с состоявшейся передачей права собственности, не сформулированы принципы, лежащие в основе такого разграничения. И эта проблема в современных условиях продолжает оставаться актуальной и затрагивает такие объекты недвижимости, как памятники истории и культуры.

Очевидно, что существующие на той или иной территории памятники могут представлять культурную ценность исключительно для местного населения и не иметь общенационального значения. В связи с этим возникают споры об отнесении конкретных памятников к федеральной либо муниципальной собственности.

Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ дал оценку подобной ситуации, разъяснив, что согласно перечню приложения № 1 к Постановлению Верховного Совета Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 3020-1 «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность

республик в составе РФ, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность» (далее – Постановление № 3020-1) [1] исключительно к федеральной собственности отнесены объекты историко-культурного и природного наследия и художественные ценности общероссийского значения. Памятники истории и культуры местного значения в названный перечень не включены. Отсутствие в перечнях приложений №№ 2 и 3 к указанному постановлению памятников местного значения означает, что разграничение объектов, отнесенных к памятникам местного значения, по уровням собственности осуществляется по критериям, положенным в основу составления указанных перечней. Наличие у имущественного объекта статуса памятника местного значения при отнесении объекта к соответствующему уровню собственности не учитывается. Разграничение памятников местного значения должно проводиться исходя из деятельности самого объекта государственной собственности, находящегося в здании, являющемся памятником истории и культуры местного значения [2].

Поскольку законодательного акта о разграничении уровня собственности по этим объектам не существует, то регулярно будут возникать между чиновниками раз-

личного уровня разногласия. И это коснулось объектов престижной недвижимости г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области: Государственного музея-заповедника «Гатчина», который включает 50 музейных объектов, и крепости «Орешек» в Шлиссельбурге. Оба комплекса находятся на территории Ленинградской области, но используются петербургской администрацией как городские музеи, а право собственности закреплено за муниципалитетом г. Гатчины. Каждая из сторон утверждает о своем вкладе в реконструкцию и реставрацию памятников, однако вопрос сохранности и охраны памятников остается открытым. В Министерстве культуры по результатам данных разбирательств заявлено, что принцип разграничения прав собственности на памятники, который в итоге будет принят по петербургскому списку, распространят на все регионы России [3]. При этом, какой принцип – неизвестно?!

Разграничение объектов культурного наследия, находящихся в государственной собственности, на федеральную собственность, собственность субъектов РФ и муниципальную собственность предполагается осуществить отдельным федеральным законом (п. 4 ст. 2, п. 2 ст. 63 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ) [4]).

В связи с отсутствием закона о разграничении собственности, впредь до его принятия, согласно п. 2 ст. 63 Федерального закона № 73-ФЗ приостановлена приватизация объектов культурного наследия федерального значения, а также приостановлена регистрация права федеральной собственности и права собственности субъектов РФ на объекты культурного наследия, находящиеся в государственной собственности.

Указанная правовая норма остановила процесс привлечения частных инвестиций в восстановление и реконструкцию объектов культурного наследия посредством их приватизации, а также путем передачи их в аренду, т.к. распоряжение, в том

числе отчуждение, указанными объектами требует первоначальной регистрации прав собственности государства на эти объекты. Отсутствие законодательного акта о разграничении объектов культурного наследия, находящихся в государственной собственности, отрицательно сказывается, в первую очередь, на положении самих объектов культурного наследия, которые из-за отсутствия финансирования их содержания и реставрации находятся в большинстве своем в плачевном состоянии. По существу, неопределенность собственника каждого конкретного объекта культурного наследия, несущего бремя его содержания и ответственность за его сохранение, приведет в скором времени к утрате многих объектов, являющихся историческим и культурным достоянием народов Российской Федерации.

До принятия соответствующего федерального закона, регламентирующего порядок разграничения государственной собственности в отношении объектов культурного наследия, сохраняет свою силу Постановление № 3020-1. Таким образом, на дату вступления в силу Федерального закона от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ преобладающая часть объектов культурного наследия уже прошла процедуру разграничения государственной собственности. Не коснулась эта процедура лишь незначительной части объектов культурного наследия регионального значения, а также узкого круга объектов культурного наследия, не обладавших статусом памятников федерального значения на момент вступления в силу Постановления № 3020-1 и отнесенных к указанной категории непосредственно Указом Президента РФ от 20 февраля 1995 г. № 176 [5].

В то же время, по нашему мнению, отдельные положения Постановления № 3020-1 не соответствуют реалиям сегодняшнего дня. Подтверждением сказанному являются судебные дела, связанные с трудностями в определении собственности того или иного объекта. Так, Департамент имущественных отношений Тюменской области обратился в Арбитражный суд Тюменской области с иском о признании

недействительным распоряжения «Об утверждении перечня объектов, передаваемых в муниципальную собственность г. Тюмени» к администрации г. Тюмени. Иск предъявлен на основании того, что в указанный перечень включены памятники истории и культуры местного значения, которые в силу п. 1 Приложения № 1 к Постановлению № 3020-1 относятся исключительно к федеральной собственности и передаче в муниципальную собственность не подлежат. Также в качестве основания иска истцом указано, что памятники истории и культуры местного значения не перечислены в приложениях №№ 1–3 к Постановлению. В связи с этим на основании п. 4 указанного Постановления передача таких объектов в муниципальную собственность возможна лишь после передачи их в собственность субъекта РФ. Суды всех инстанций отказали в удовлетворении исковых требований, ссылаясь на то, что спорные объекты могут относиться к тому или иному уровню собственности исходя из критериев, предусмотренных данными приложениями [6].

Согласно Приложению № 3 к названному Постановлению, к муниципальной собственности относятся объекты государственной собственности, расположенной на соответствующей территории. Это жилищный и нежилой фонд, находящийся в управлении местной администрации, в том числе здания и строения, ранее переданные в ведение (на баланс) другим юридическим лицам, а также другие объекты, находящиеся в оперативном управлении местной администрации.

Очевидно, в данном вопросе следует обратиться к ст. 11 Закона Тюменской области от 16 февраля 2004 г. № 204 «О государственной охране, сохранении и использовании объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) в Тюменской области» [7]. В ней указано, что изменение категории историко-культурного значения объекта культурного наследия регионального значения осуществляется администрацией Тюменской области на основании заключения государственной историко-культурной экспертизы и прини-

мается соответствующее решение о включении в реестр. Также необходимо учитывать и то, на какие средства содержатся данные объекты. В большинстве случаев средства на реставрацию спорных объектов перечисляются из федерального и областного бюджетов.

Аналогичное дело было рассмотрено в Арбитражном суде Омской области. Комитет по управлению государственным имуществом Омской области обратился в Арбитражный суд Омской области с иском о признании недействительным решения Омского городского совета «О включении зданий – памятников истории и культуры местного значения в состав муниципальной собственности г. Омска».

Требование о признании названного решения недействительным Комитет по управлению государственным имуществом Омской области мотивировал тем, что оно нарушает право собственности Российской Федерации в отношении памятников истории и культуры местного значения. Данные объекты не указаны ни в одном из приложений к Постановлению № 3020-1. Поэтому до момента определения соответствующего собственника они относятся к федеральной собственности. Решениями суда первой инстанции и постановлением кассационной инстанции исковые требования были удовлетворены. По мнению названных судебных инстанций, разграничение указанных объектов по уровням собственности должно производиться в порядке, предусмотренном п. 3 названного Постановления, т.е. путем передачи в собственность субъектов РФ, но не непосредственно в муниципальную собственность. Однако Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ признал указанные выводы ошибочными, отметив, что упоминание памятников местного значения в приложениях №№ 1–3 к Постановлению Верховного Совета РФ означает, что разграничение объектов, отнесенных к памятникам местного значения, по уровням собственности осуществляется исходя из критериев, положенных в основу составления названных перечней. Наличие у соответствующих объектов статуса памятника местного

значения при отнесении объектов к соответствующему уровню собственности не учитывается [8].

Таким образом, дискуссии по вопросу о разграничении права собственности на памятники истории и культуры по-прежнему остры и актуальны.

Федеральным законом от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ проведено разграничение полномочий между Российской Федерацией и субъектами РФ в области охраны и сохранения объектов культурного наследия. Федеральные органы власти реализуют полномочия в отношении памятников истории и культуры федерального значения, органы государственной власти субъектов федерации – в отношении памятников истории и культуры регионального и местного значения. Вопросы определения порядка и правил сохранения объектов культурного наследия (установление общих принципов сохранения) отнесены к компетенции федеральных органов исполнительной власти.

Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 95-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» [9] были внесены существенные коррективы в разграничение полномочий. Пунктом 2 ст. 26.3 указанного закона определены полномочия органов государственной власти субъекта Федерации по предметам совместного ведения, осуществляемые данными органами самостоятельно за счет средств бюджета субъекта Федерации. К таковым (подпункт 15) отнесена охрана и сохранение объектов культурного наследия регионального значения. В связи с необходимостью реализации ст. 26.3 становится очевидной следующая проблема.

Органы государственной власти Тюменской области будут обеспечивать производство ремонтно-реставрационных работ на объектах культурного наследия регионального значения. При этом объекты культурного наследия указанной категории могут находиться в любой форме собственности. В Тюменской области это в основном здания и сооружения, находящиеся

в федеральной и муниципальной собственности. Таким образом, средства областного бюджета должны будут неоправданно расходоваться на реставрацию памятников истории и культуры, не находящихся в собственности Тюменской области.

Данная проблема может быть решена путем разграничения права собственности на объекты культурного наследия. Для этого необходимо завершить комплексную инвентаризацию объектов культурного наследия; обеспечить регистрацию объектов культурного наследия в Едином государственном реестре объектов культурного наследия народов Российской Федерации.

При решении вопроса о разграничении права собственности нужно учитывать не только историко-культурный критерий, но и то, в состоянии ли соответствующий собственник обеспечить финансирование и сохранность этого объекта, поскольку в настоящее время, в частности, в Тюменской области только 20 % объектов культурного наследия (памятников и ансамблей) находится в хорошем состоянии, 24 % – в неудовлетворительном состоянии и реставрируются, 56 % – в удовлетворительном состоянии. В связи с этим уместно вспомнить интервью с директором Эрмитажа М. Пиотровским, в котором речь идет о разграничении памятников на городские и федеральные. По его мнению, «собственность на памятники необходимо разделить, чтобы снять сложности управления и проблемы с потоками финансирования на реставрацию» [10]. Анализ действующего законодательства и судебной практики по разграничению права собственности на объекты культурного наследия показал, что необходимо внести дополнения в ст. 1 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», в которой предусмотреть принципы разграничения права собственности на объекты культурного наследия: учет историко-архитектурной, художественной, научной и мемориальной ценности объекта и особое значение этого объекта соответственно для истории и культуры Российской

Федерации в целом, субъекта Федерации и муниципального образования.

Также представляется необходимым:

– определить порядок и условия передачи объектов культурного наследия из одной формы собственности в другую, в общую (долевою) собственность субъектов Федерации и муниципальную собственность;

– исходить из недопустимости приватизации достопримечательных мест, являющихся центрами исторических поселений или фрагментами градостроительной планировки и застройки, местами бытования народных художественных промыслов, памятников религиозного значения, мавзолеев, некрополей и некоторых иных разновидностей памятников;

– установить, что паспорт объекта культурного наследия должен содержать сведения об условиях доступа граждан к объекту культурного наследия;

– законодательно установить исчерпывающий перечень требований и ограничений по функциональному использованию объектов культурного наследия;

– законодательно установить возможность безвозмездного изъятия в судебном порядке (прекращения права собственности (пользования) приватизированного объекта культурного наследия, если собственник (пользователь) указанного объекта культурного наследия не соблюдает установленных в отношении данного объекта требований по сохранению облика и интерьера объекта культурного наследия, требований к обеспечению доступа к объекту, охранных обязательств или совершает действия, угрожающие сохранности данного объекта и влекущие утрату им своего значения;

– законодательно усовершенствовать механизм осуществления государственного контроля за состоянием и использованием объектов культурного наследия, обеспечив неукоснительное соблюдение собственниками (пользователями) объектов культурного наследия установленных требований и реализацию мер по понуждению указанных лиц к надлежащему исполнению данных требований.

В целом можно заключить, что необходимо совершенствовать законодательство в области разграничения права собственности на объекты культурного наследия, устраняя существующие противоречия в правовом регулировании отношений по поводу разграничения права государственной и муниципальной собственности на указанные объекты.

1. Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1992. № 3. Ст. 89.

2. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15 февраля 2002 г. № 345/97 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2002. № 7. С. 62.

3. Пушкарская А. По Гатчинскому счету // Коммерсантъ. Санкт-Петербург. 2008. 1 сент. № 155П.

4. СЗ РФ. 2002. № 26. Ст. 2519.

5. СЗ РФ. 1995. № 9. Ст. 734.

6. Архив Арбитражного суда Тюменской области за 2000 г. Дело № Ф04/2021-455/А70-2000.

7. Тюменские известия. 2004. 20 февр. № 37-38. С. 1.

8. Архив Арбитражного суда Омской области за 2003 г. Дело № К-У-194.

9. СЗ РФ. 2003. № 27 (ч. 2). Ст. 2709.

10. Пиотровский М. Две головы имперского орла // Санкт-Петербургские ведомости. 2009. 28 янв.

Раздел 4. Уголовное законодательство и криминологическая наука

ЗНАЧЕНИЕ НОРМАТИВНОСТИ ПРИНЦИПОВ
УГОЛОВНОГО ПРАВА

М.В. Баранчикова

(преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и психологии Орловского юридического института МВД России, кандидат юридических наук; 8 (4862) 41-47-13)

В статье раскрывается нормативность как важный признак принципов уголовного права. Показано законодательное и практическое значение нормативного закрепления принципов уголовного права.

Ключевые слова: *принципы уголовного права, нормативность, уголовный закон, значение, уголовная политика, законотворчество.*

В современный период уголовное законодательство является одной из самых динамичных отраслей законодательства, однако в российской уголовной политике налицо разрыв между законодательно декларируемыми задачами, принципами и практическим результатом. Для придания постоянства действующему уголовному законодательству и единообразия правоприменительной практике роль стабилизирующего фактора должны выполнять принципы уголовного права, через призму которых необходимо оценивать и корректировать законотворчество и практику применения Уголовного кодекса Российской Федерации.

Закрепление в законодательном порядке принципов в ст.ст. 3–7 Уголовного кодекса РФ – важная его особенность и достижение. Они являются действующими нормами, и на их основе должны решаться задачи, стоящие перед уголовным законодательством, строиться его система, осуществляться применение.

Провозглашение принципов в тексте уголовного закона является фактом осуществления функций уголовного права идеологического характера [1, с. 13]. Закрепление принципов права в правовых нормах позволяет принципам быть действующими и защищенными от нарушения. Такого рода нормативность обеспечивает неуклонное соблюдение правовых принципов.

В юридической науке существует обоснованное и верное, по существу, мнение, что «принципы уголовного права существуют независимо от того, закреплены

они или нет в специальных статьях закона. Однако сам факт декларации принципов в кодифицированном законе повышает их значение, гарантируя общий концептуальный характер всех уголовно-правовых норм, предопределяя единое направление в правоприменительной деятельности» [2, с. 56].

Значение принципов уголовного права в целом трудно переоценить. Принципы, будучи закреплены в уголовном законе, приобретают регулирующее значение, воздействуя на правосознание лиц, его применяющих, и выступают в качестве отправных начал для дальнейшего развития законодательной и правоприменительной деятельности. Уголовное право, применяющее для регулирования наиболее значимых общественных отношений самые строгие ограничения и лишения прав и свобод людей, в принципах нуждается особенно.

Однако принципы уголовного права не были определены в уголовном законодательстве до последнего времени. В УК РСФСР 1960 г. не было упоминания об отраслевых принципах. В период с 1993 по 1997 гг. легальным и основным источником их определения была Конституция РФ, где назывались общеправовые принципы законности, равенства граждан перед законом, виновной ответственности, гуманизма (ст.ст. 33, 34, 38, 65, 66, 67, 172). Общеправовые принципы действовали в отрасли уголовного права опосредованно, оказывая влияние на формирование норм уголовного права путем аккумулированного воздействия на его содержание.

Однако специфика уголовного права как отрасли состоит в том, что оно не только воплощает основные конституционные принципы, но и в первую очередь призвано их же охранять как наивысшие социальные ценности. Это единственная отрасль права, которая охраняет все другие его отрасли и Конституцию РФ.

Нормативность является важной чертой принципов. Принципы права могут выражаться в международных и внутригосударственных декларациях, получать закрепление в исходных нормах конституций и законов государств, но могут также выводиться из общего содержания и духа права той или иной страны. Однако полноценный статус принципы приобретают после их закрепления в нормах права соответствующей отрасли. Очевидно, что сложившееся в отечественной науке представление о принципах сформировалось в основном на базе узконормативного правопонимания. Значимость воплощения принципов в содержании юридических норм, четкое фиксирование их в законодательных актах позволяет обеспечить единство норм, правильность их применения.

Н.С. Малейн по степени нормативности выделяет принципы-нормы и принципы-законоположения, отмечая, что у принципов-норм самая высокая нормативность, а принципы-законоположения реализуются обычно в сочетании с другими правовыми актами. На его взгляд, не имеют нормативного характера те из принципов, которые не зафиксированы в Конституции и иных законах, а также некоторые принципы, хотя и нашедшие отражение в законодательстве, но не представляющие собой четких правил, не формулирующих конкретные правила поведения [3, с. 13].

В теории права и отраслевых науках велась длительная научная дискуссия о целесообразности закрепления принципов уголовного права. Противники подобного шага видели в принципах мировоззренческую, а не нормативную ценность. Сторонники, напротив, полагали, что отражение в законе непосредственно действующих в жизни принципов повысит их регулирующую роль. С введением в текст уголовного

законодательства в 1996 году статей 3–8 УК РФ этот спор, надо полагать, разрешился на законодательном уровне.

Однако вопрос о необходимости конкретизации содержания принципов законности, справедливости, вины, гуманизма и равенства в уголовном законодательстве остается дискуссионным. В частности, В.В. Мальцев отмечает, что «принципы уголовного законодательства без определения их содержания должны быть лишь перечислены в соответствующей статье УК» [4, с. 102]. В свою очередь, А.И. Бойцов, Т.В. Кленова, считают бесспорной удачей конкретизацию общеправовых принципов в Уголовном кодексе РФ [5, с. 14; 2, с. 56]. Включение отдельных статей, посвященных принципам уголовного права, в уголовное законодательство соответствует современным достижениям правовой науки и позволяет не только уяснить содержание отдельных принципов, исключив их произвольное толкование правоприменителем, но и показать их значение как ориентиров в законотворчестве и практике применения уголовно-правовых норм.

Особого рода нормативность принципов заключается в большей степени обобщения. Принципы не только оказывают регулирующее воздействие в рамках отрасли уголовного права, но и определяют ведущее направление и тенденции уголовной политики в целом, устанавливая основные начала правотворчества и правоприменения. Они должны быть той призмой, через которую правоприменитель оценивает каждое совершенное деяние с точки зрения наличия в нем признаков конкретного преступления, назначает наказание виновным лицам.

В случае пробелов в правовом регулировании их можно восполнять путем применения аналогичных норм, исходя из принципов уголовного права, в первую очередь – из принципа справедливости. Это будет способствовать тому, что принципы из лозунгов и абстрактных пожеланий, которыми они фактически являются, превратятся в реально действующие нормы [6, с. 5]. Принципы должны выполнять роль норм высшего порядка (по отношению к другим

нормам) и прямого действия, на которые можно и нужно ссылаться в процессе применения конкретных уголовно-правовых норм. В связи с этим заслуживает внимания предложение В.В. Мальцева по включению в УК РФ правила, в соответствии с которым «законодатель и суд Российской Федерации обеспечивают приоритет принципов настоящего Кодекса над другими его понятиями и нормами» [7, с. 245]. Эта норма должна распространяться на законодательную и судебную деятельность, так как она в последние годы нередко не соответствует принципам законности и справедливости.

Любые законодательные нововведения должны оцениваться в первую очередь с точки зрения их соответствия принципам. Принципы, закрепленные в уголовном законодательстве, должны ориентировать государство в формировании уголовно-правовой политики и направлять правоприменительную практику по пути законности, справедливости и гуманизма.

1. Олейник О.В. Принцип законности и гарантии его реализации в уголовном праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. 28 с.

2. Кленова Т.В. Принципы уголовного права и принципы кодификации // Государство и право. 1997. № 1. С. 54-59.

3. Малейн Н.С. Правовые принципы, нормы и судебная практика // Государство и право. 1996. № 6. С. 12-15.

4. Мальцев В.В. Принципы уголовного законодательства и общественно опасное поведение // Государство и право. 1997. № 2. С. 98-102.

5. Бойцов А.И. Понятие и значение принципов уголовного права // Уголовное право России. Общая часть: учебник / Н.М. Кропачев, Б.В. Волженкин, В.В. Орехов. СПб.: Издат. дом С.-Петербур. гос. ун-та, Изд-во юрид. фак-та С.-Петербур. гос. ун-та, 2006. 1064 с.

6. Горелик А. Реализация принципа справедливости в правилах назначения наказания // Уголовное право. 2001. № 1. С. 4-7.

7. Мальцев В.В. Принципы уголовного права. Волгоград, 2001. 266 с.

РЕШЕНИЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЗАДАЧ НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ ВЕРОЯТНОСТЕЙ

Г.Б. Ахметов

(профессор кафедры истории и теории государства и права Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова, Республика Казахстан; 8 (7182) 341-741)

В данной статье проанализированы возможности взаимодействия математических и юридических наук, на конкретных примерах показано применение теории вероятностей в решении некоторых криминологических задач.

Ключевые слова: криминология, криминологические задачи, теория вероятностей, вероятностные знания.

В эпоху постнеклассического развития науки математика все в большей степени становится необходимым атрибутом современной науки, в том числе и гуманитарной. Не стала исключением и юридическая сфера. Современный этап развития юридической науки характеризуется значительным ростом объема нормативно-правовой, уголовно-статистической, криминологической информации, для анализа которой используют математические методы исследования. Такие области юриспруденции, как государственное управление, криминология, правовая статистика, имеют дело с количественными параметрами, которые касаются количественных оценок правового регулирования, состояния и уровня преступности и т.д. Стало классическим исследование Ю.Д. Блувштейна [1] по математическому моделированию в криминологии. В частности, Ю.Д. Блувштейн на основе теории вероятностей, методов математической статистики, коэффициента корреляции, линии регрессии и других методов проанализировал вопросы количественного подхода к понятию преступления, человеческого поведения как вероятностной системы, структурно-динамических колебаний преступности, выявил с помощью статистических методов содержание ряда конкретных криминологических методик и принципы объяснения полученных результатов.

В то же время при всех достоинствах и положительных результатах математизации юридической науки и права нельзя преувеличивать ее возможности и сводить сущность правовых проблем к чистой мате-

матике. Не следует отбрасывать и тот факт, что юристы в правовой практике имеют дело с фактами не только объективного, но и субъективного порядка, которые невозможно формализовать в рамках положений и аксиом высшей и прикладной математики. То есть применение тех или иных математических методов в юридических или иных нематематических науках должно иметь основание и соответствовать определенным требованиям. Для начала выясним особенности прикладной математики в современной науке. Математик-прикладник, работающий в сфере нематематических наук, должен:

- находить для каждой проблемы те математические средства, которые в наибольшей степени соответствуют ее природе;
- вникнуть в существо реальной задачи;
- построить разумную математическую модель исследуемого процесса;
- найти их практическое применение;
- оценить соответствие построенной математической модели реальному процессу.

Принимая во внимание вышесказанное, мы в данной статье предлагаем продолжить анализ применения математических методов, в частности применение теории вероятностей в юридической науке. Для начала дадим фактологическую справку о возникновении и развитии теории вероятностей. Теория вероятностей – математическая наука, изучающая закономерности в случайных явлениях. Возникновение теории вероятностей относится к середине XVII века и связано с именами таких уче-

ных-математиков, как Христиан Гюйгенс (1629–1695), Блез Паскаль (1623–1662), Пьер Ферма (1601–1665) и Якоб Бернулли (1654–1705). Однако еще в Древнем мире, а именно в Китае и Риме, анализировались факты устойчивости относительных частот случайных явлений, связанных с демографическими процессами и вопросами снабжения продовольствием больших масс людей (закон больших чисел). С тех времен роль случайного явления в естествознании и в практической жизни резко возросла.

Французский математик Лаплас разрабатывал теорию вероятностей как метод количественного изучения случайных явлений [2]. В переписке двух выдающихся ученых Паскаля и Ферма, вызванной задачами, поставленными азартными игроками, постепенно формировались такие фундаментальные понятия, как *вероятность* и *математическое ожидание*. Ученые производили подсчет вероятностей, с которыми может появиться та или иная комбинация карт (в карточной игре: дама, семерка и туз в сумме дают $3 + 7 + 11 = 21$) или та или иная комбинация костей (при бросании двух костей появление либо двух единиц, либо двух шестерок на верхней поверхности костей). Они были убеждены в том, что на базе массовых случайных явлений или событий могут возникать четкие закономерности. С тех пор задачи о бросании игральной кости, об извлечении карт из колоды, шаров из урны стали традиционными примерами для теории вероятностей. Можно сказать, что задачи, связанные с азартными играми (арабское слово «азар» означает трудный), сыграли важную роль в становлении и развитии теории вероятностей [3].

Особенно значительную роль в развитии аналитических методов теории вероятностей сыграли А. Муавр (1667–1754), в 1718 году выпустивший в Лондоне учебник «Учение о случаях», и П. Лаплас (1749–1827), изложивший в 1812 году в Париже в книге «Аналитическая теория вероятностей» основы теории вероятностей. В XVIII веке с развитием естественных наук и в связи с потребностями практики (теория статистики и теория стрельбы) развитие теории вероятностей и математической ста-

тистики поднялось на более высокую ступень. В России в 1846 году Петербургская Академия наук издала книгу В.Я. Буныковского (1804–1889) под названием «Основания математической теории вероятностей». Сочинения Буныковского содержат историю возникновения и развития теории вероятностей и множество ее приложений к страхованию и демографии. Современное развитие теории вероятностей относится к советскому периоду. Созданная А.Н. Колмогоровым советская школа теории вероятностей завоевала всеобщее признание и занимает ведущие позиции в мировой науке. А.Н. Колмогоров (1903–1987) в 1933 году завершил широко известную систему аксиоматического обоснования теории вероятностей. Однако идея аксиоматического построения теории вероятностей была впервые высказана С.Н. Бернштейном (1880–1968).

Число различных определений вероятности очень велико. Классическое определение $P(A) = m/n$ представляется формулой Лапласа. Но вот возникает вопрос: когда и какие случайные события можно считать равновероятными? Рассмотрим решение этого вопроса на следующем примере.

Дилемма узника [4]. Три узника, А, В и С, одинаково хорошего поведения, ходатайствовали об освобождении на поруки. Администрация решила освободить двух из трех, что стало известно узникам, которые, однако, не знают, кто именно эти двое. У заключенного А в охране есть знакомый, который знает, кого отпустят на свободу, но А считает неэтичным осведомиться у охранника, будет ли он, А, освобожден. Все же А хочет спросить об имени одного узника, отличного от самого А, который будет отпущен на свободу. Прежде чем спрашивать, он оценивает вероятность своего освобождения как 2 к 3. Узник А думает, что если охранник скажет: «В будет освобожден», то его шансы уменьшатся до 1/2, т.к. в этом случае будут освобождены либо А и В, либо В и С. Однако А ошибается в своих расчетах. Объясните это.

Объяснение. Выражаясь символом математики, узник А неправильно построил пространство событий:

- пустое множество \emptyset ,
- множество А, В и С,
- множество АВ, АС и ВС (то есть освобождение двух заключенных из трех),
- множество АВС.

Но эксперимент А включает ответ охранника. Возможные исходы эксперимента и объективные вероятности:

- 1) А и В освобождаются, и охранник говорит «В», вероятность $1/3$;
- 2) А и С освобождаются, и охранник говорит «С», вероятность $1/3$;
- 3) В и С освобождаются, и охранник говорит «В», вероятность $1/3 \times 1/2 = 1/6$;
- 4) В и С освобождаются, и охранник говорит «С», вероятность $1/3 \times 1/2 = 1/6$.

Если на вопрос А охранник отвечает «В», то вероятность освобождения $P(A)$ определяется отношением исхода 1) на сумму исходов 1) и 3).

Согласно формуле Лапласа искомая вероятность равна:

$$P(A) = \frac{1}{3} \left(\frac{1}{3} + \frac{1}{6} \right) = \frac{1}{3} \left(\frac{3}{6} \right) = \frac{2}{6} = \frac{1}{3}.$$

Если рассматривать вероятность в юридической сфере более конкретно, то следует помнить, что в данном аспекте вероятность – это своего рода характеристика неполного, недостаточного знания, обусловленная недостаточностью информации, например, о совершенном преступлении. Поскольку в уголовно-процессуальном доказывании процесс познания явлений происходит в ретроспективе, то лицо, производящее дознание, чаще всего сталкивается с уже совершенным преступлением, не являясь его очевидцем, то есть информация о преступлении не полная. Тем не менее в данных условиях необходимо вести следственную работу. И не последнюю роль в поисковом процессе в качестве инструмента постижения истины играет знание логических законов мышления и теории вероятностей. Остановимся подробнее на том, что представляет собой вероятность применительно к преступному поведению. Здесь существуют определенные трудности, связанные с определением величины n (количества осуществлений тех условий,

которые предшествуют преступному выбору) и, соответственно, с вычислением частоты наступлений случайного события (совершения преступления). Поскольку точно описать состояние системы (поведение человека) в момент, предшествующий преступлению, невозможно, мы не можем говорить о повторяющихся условиях. Один и тот же человек, совершая преступления, может находиться в различных состояниях, приводящих к нарушению закона, или схожие преступления могут быть совершены различными людьми, находившимися либо в схожих ситуациях, либо в кардинально противоположных. Кроме того, человеку свойственно менять свое поведение без видимых причин, т.е. просчитать индивидуальное поведение человека пока не представляется возможным. Однако, если взять в качестве объекта исследования множество преступлений и множество преступников, тогда возникает возможность анализа средней вероятности совершения преступлений за определенный промежуток времени в определенном населенном пункте.

В целом спектр применения вероятностных знаний довольно значим. Например, вероятностные знания могут быть использованы для:

- определения направления расследования;
- определения круга поиска доказательств;
- определения основания для принятия некоторых процессуальных решений.

В процессе доказывания довольно часто следственными органами в качестве инструмента достижения истины применяются вероятностные знания. При появлении информации о возможном преступлении возникает вероятность в отношении вопроса о наличии или отсутствии события преступления. В процессе возбуждения уголовного дела возникает вероятность в вопросе о квалификации преступления. С появлением первых сведений, позволяющих построить следственные версии, однозначно можно говорить о появлении вероятности. Вероятность версий должна служить для анализа версий и обоснованного выбора первоочередности производства

следственных и иных действий. Рассмотрим еще один пример.

Задача «Преступление раскрыто» [5]. В отдел уголовного розыска поступило сообщение о том, что 5 неизвестных лиц взломали сейф кассы завода (предприятия) и похитили крупную сумму денег. Свидетели успели заметить, что грабители сели в автобус, следующий по маршруту в соседний город. Об этом сразу же была поставлена в известность полиция. Как только автобус остановился на автовокзале, к его дверям подошел инспектор уголовного розыска и запретил кондуктору открывать дверь автобуса. Тот сообщил инспектору, что в автобусе 40 пассажиров. Обыск может привести к значительной задержке автобуса. Инспектор успокоил кондуктора: «Мне достаточно проверить человек 6 пассажиров и сможете ехать дальше!». Он предложил шестерым наугад выбранным пассажирам зайти в кабинет начальника вокзала. Один преступник был сразу обнаружен – в его кармане нашли пачку денег. Он назвал сообщников, и дело было закончено.

Решение. Пусть событие A – «среди случайно вызванных 6 пассажиров есть хотя бы один преступник». Пусть A_k – «среди случайно вызванных 6 пассажиров есть k преступников» ($k = 1, 2, 3, 4, 5$).

Тогда $A = A_1 + A_2 + A_3 + A_4 + A_5$.

A сумма вероятностей

$P(A) = P(A_1) + P(A_2) + P(A_3) + P(A_4) + P(A_5)$.

По формуле:

P («среди 6 пассажиров k преступни-

ков») = $\frac{C_5^k C_3^{6-k}}{C_6^6}$;

$P(A_1) = 0,41920$; $P(A_2) = 0,13640$; $P(A_3) = 0,01700$; $P(A_4) = 0,00080$; $P(A_5) = 0,00001$. Следовательно, сумма вероятностей $P(A) = 0,5734$. Вероятность того, что среди 6 пассажиров окажется по крайней мере один преступник, оказывается $P(A) = 0,5734$, больше $>$ чем $0,5$.

В последнее время в научных исследованиях анализируется зависимость преступных деяний от условий естественных

(времена года, изменения температуры, климат), от условий общественных и экономических (густота и скученность населения, богатство и бедность, колебание цен на хлеб, занятость, развитие образования), от личных условий (пол, возраст). Все это вместе привело к изучению социально-правовых законов, управляющих преступными деяниями, к попыткам путем познания законов преступности и применения математических методов выявления рациональных основ для эффективной борьбы с этим социальным явлением. «Рядом с диагнозом врача, на живом организме рисующего признаки проявившегося недуга, его ход и движение, стал отвлеченный анализ математика, при помощи закона больших чисел и теорией вероятностей заставляющий мертвые цифры говорить о законах общественной жизни» [6]. Математика, оставаясь вспомогательным средством познания, не подменяет юридические науки в их детальном содержательном анализе государственно-правовых проблем, а, наоборот, позволяет дополнить их для более глубокого познания юридической реальности. В связи с этим возникает необходимость в более детальном изучении курса теории вероятностей студентами юридических специальностей и применением гуманитарной математики в практической работе.

1. Блувштейн Ю.Д. Криминология и математика. М.: Юрид. лит., 1974. 176 с.

2. Гнеденко Б.В. Курс теории вероятностей. М.: Наука, 1969. 400 с.

3. Емельянов Г.В., Скитович В.П. Задачник по теории вероятностей и математической статистике. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1967. 332 с.

4. Мостеллер Ф. Пятьдесят занимательных вероятностных задач с решениями. М.: Наука, 1971. 104 с.

5. Лютикас В.С. Школьнику о теории вероятностей: учеб. пособие по факультативному курсу для учащихся 8–10 классов. 2-е изд., доп. М.: Просвещение, 1983. 127 с.

6. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Тула: Автограф, 2001. Т. 1. 800 с.

О РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТИ ВЫБОРКИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ЦЕНТРОВ МВД РОССИИ

А.Г. Анисимов

(адъюнкт факультета послевузовского профессионального образования Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск; 7821@mail.ru)

Статья представляет собой анализ достоверности данных на примере выборки по молодежной корыстно-насильственной преступности в Иркутской области (к корыстно-насильственным преступлениям отнесены деяния, квалифицируемые по п. «г» ч. 2 ст. 161, ст. 162; п. «в» ч. 2 и п. «в» ч. 3 ст. 163 Уголовного кодекса РФ. Выборка содержит 47 378 записей зарегистрированных преступлений. Автор демонстрирует владение техникой проверки репрезентативности эмпирического материала.

Ключевые слова: репрезентативность, достоверность эмпирического материала, выборка, информационные центры МВД, статистические учеты, корыстно-насильственная преступность, преступность молодежи, молодежь Иркутской области.

Проблема репрезентативности возникла давно, фактически со времени становления и формирования индуктивных методов материалистической диалектики. Давно возник и до сих пор актуален вопрос о том пределе эмпирических случаев, после которого какой-либо общий вывод адекватен и объективен. Применительно к решению технических, точных задач (управление качеством, проектирование различных технических устройств, систем и т.п.) проблему количества изученного эмпирического материала можно свести к минимуму увеличением количества изучаемых случаев, однако подобное решение проблемы для социальных наук имеет ряд сложностей.

Если мы изучаем какое-либо явление в технической сфере, то имеем значительно большее число постоянных выясненных фактов. Например, при изучении технической составляющей авиакатастроф мы имеем ограниченное на определенный период времени число случаев, которые можно свести к ряду предсказуемых причин, таких как отказ ряда систем, или свойства внешней среды, условия, повлиявшие на такой отказ, и т.п. Теоретически, изучив все случаи авиакатастроф и установив все причины, можно сделать правильные общие выводы. Сделать это тем легче, чем меньше таких случаев и чем очевиднее их причины: практически все авиакатастрофы исследованы, выявлены их причины, они классифицированы.

Когда мы имеем дело с социальными явлениями, а в частности с преступностью, мы сталкиваемся со значительным количеством сложностей. Главные из них – огромное число преступлений и их высокая латентность.

Виной тому само свойство эмпирического материала. По мнению В.В. Лунева, латентность отдельных видов преступности является чрезвычайно высокой [1, с. 299]. В частности, если принять зарегистрированные деяния по видам за единицу, то, по подсчетам начала 90-х гг., латентность по разбойным нападениям составляла 33,8, по грабежам – 57,7, по вымогательству – 17 500 [2, с. 235].

Несомненно, при изучении преступности мы обязаны стремиться изучить все преступные случаи, но как это сделать? Можно попытаться произвести опрос населения, но тогда мы сталкиваемся с проблемой необходимости опросить только в Иркутской области около 2,5 миллионов человек, без учета мигрантов [3, с. 7]. Делать это нецелесообразно по двум причинам. С одной стороны, мы столкнемся с колоссальным объемом работы, затратами, связанными с выборкой, что в конечном счете может оказаться неоправданным. С другой стороны, могут возникнуть проблемы, связанные с юридической квалификацией, искажением из-за внутренних ощущений каждого отдельного респондента и т.п.

Эту проблему можно разрешить, используя различные виды письменных ис-

точников, такие как уголовные дела, судебные решения, а также статистические учеты. Однако при пользовании ими возникает ряд сложностей. Не секрет, что имеет место укрывательство определенной доли объективно существующих преступлений, очевидно, что скрыть вымогательство значительно легче, чем, например, авиакатастрофу. Более того, расследование значительного числа случаев зарегистрированных преступлений прекращается по различным основаниям на этапе предварительного следствия. Расследование оставшейся части зарегистрированных преступлений прекращается на этапе судебного разбирательства по основаниям, предусмотренным ст. 24 УПК РФ; чаще всего это происходит в тех случаях, когда имеются нарушения уголовно-процессуального законодательства, произошедшие на этапе предварительного следствия. К сожалению, это не редкость. Необходимо уточнить, что прекращение расследования зарегистрированных преступлений возможно в основном по реабилитирующим основаниям, и такие преступления снимаются со статистического учета. Результатом такой «фильтрации» становится значительное сокращение эмпирического материала, искажение статистики, ее несоответствие объективной реальности.

Тем не менее у современного исследователя преступности не остается иного выбора, кроме как использовать имеющийся письменный эмпирический материал. Целесообразно вследствие указанных искажений начинать исследование, опираясь на относительно большие массивы данных, такие как данные статистических учетов, например ИЦ, ГИАЦ и т.п. Исследование таких массивов позволяет определять основные тенденции в динамике преступлений, делать базовые предположения, изучать картину преступности в целом.

Но насколько такие данные репрезентативны?

Рассмотрим это на примере выборки по разбоям, совершенным молодежью в Иркутской области с 2001 по 2008 гг.

Таблица 1.
Погрешность выборки данных ИЦ ГУВД Иркутской области по разбоям с 2001 по 2008 гг.

| Год | 2001 | 2002 | 2003 | 2004 | 2005 | 2006 | 2007 | 2008 |
|--------------------------|---------------------------------|---------------------------------|---------------------------------|---------------------------------|---------------------------------|---------------------------------|---------------------------------|---------------------------------|
| Тип данных | зарегистрированные преступления |
| Объем выборки | 1594 | 1787 | 1510 | 1604 | 1650 | 1692 | 1577 | 1304 |
| Генеральная совокупность | 53 877 | 60 400 | 51 038 | 54 215 | 55 770 | 57 189 | 53 302 | 44 075 |
| Погрешность | 2,95 % | 2,95 % | 2,95 % | 2,95 % | 2,95 % | 2,95 % | 2,95 % | 2,95 % |

В данной таблице приведен расчет погрешности по годам с учетом мнения А.А. Конева, приведенного выше. Так, если учесть, что коэффициент латентности по разбоям составляет 33,8, а объем выборки за 2001 г. – 1594 зарегистрированных преступления, что составило 100 % зарегистрированных случаев по Иркутской области, то предполагаемая генеральная совокупность за 2001 г. представит собой произведение коэффициента (33,8) на объем выборки (1594), т.е. 53 877 случаев. Соответственно погрешность при такой выборке вычисляется по формуле:

$$\frac{\text{Выборка}}{\text{Генеральная совокупность}} * 100 \text{ (процент от зарегистрированных преступлений)}$$

Таким образом, процент погрешности при данном объеме выборки по разбойным нападениям с учетом латентности составил 2,95 %.

Из-за высокого уровня латентности, а также из-за особенностей выборки, предполагающей учет только насильственных вымогательств, точно рассчитать процент погрешности по вымогательствам не представляется целесообразным.

Проведем подобный расчет по грабёжам.

Таблица 2.
Погрешность выборки данных ИЦ ГУВД Иркутской области по грабёжам с 2001 по 2008 гг.

| Год | 2001 | 2002 | 2003 | 2004 | 2005 | 2006 | 2007 | 2008 |
|--------------------------|---------------------------------|---------------------------------|---------------------------------|---------------------------------|---------------------------------|---------------------------------|---------------------------------|---------------------------------|
| Тип данных | зарегистрированные преступления |
| Объем выборки | 2361 | 3218 | 2857 | 3726 | 5098 | 5153 | 6144 | 5304 |
| Генеральная совокупность | 136 229 | 185 678 | 164 848 | 214 990 | 294 154 | 297 328 | 354 508 | 306 040 |
| Погрешность | 1,73 % | 1,73 % | 1,73 % | 1,73 % | 1,73 % | 1,73 % | 1,73 % | 1,73 % |

Итак, погрешность по разбойным нападениям составила 2,95 %, по грабёжам – 1,73 %. Среднее арифметическое значение погрешности составило 2,34 %. Согласно расчетам В.И. Пантютто, которые приводит В.А. Ядов [4, с. 102-103], ошибка при

такой выборке находится в пределах 4 %. Такой процент погрешности, по оценкам социологов, говорит о степени достоверности от нормальной до повышенной, что вместе со случайностью отбора данных статистического учета, его относительно стабильными критериями говорит о репрезентативности использованных данных и их пригодности для общих выводов и выявления различных тенденций в динамике изучаемых преступлений.

Несомненно, использование данных статистических учетов полезно в первую очередь для выявления общих закономерностей, обозначения круга изучаемых вопросов, а также поиска наиболее заметных характеристик преступности. Для подтверждения выводов, а также проверки общих утверждений необходимо изучать материалы конкретных уголовных дел и при необходимости использовать иной инструментарий.

1. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. 912 с.

2. Конев А.А. Преступность в России и ее реальное состояние: монография. Н. Новгород, 1993. 324 с.

3. Государственный доклад «Молодежь Иркутской области» за 2008 год. URL: <http://www.ampirk.ru/files/File/sait/gos%20doklad/gos%20doklad%203.doc> (дата обращения: 24.07.2009).

4. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности: монография. 3-е изд., испр. М.: Омега – Л, 2007. 567 с.

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

А.И. Сорокин

(преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и психологии Орловского юридического института МВД России, кандидат юридических наук; 8(4862) 41-47-13)

Статья посвящена совершенствованию деятельности органов внутренних дел по предупреждению рецидивной преступности. Принимая во внимание значимость этого направления уголовной политики, в статье рассматриваются некоторые пути и средства решения заявленной проблемы.

Ключевые слова: рецидив, социальная адаптация, профилактика.

Состояние преступности в Российской Федерации на протяжении последних 10–15 лет остается достаточно неблагоприятным. Кризис российской уголовной политики и неадекватность мер противодействия преступности обусловили целый ряд отрицательных тенденций, среди которых отмечается как абсолютный, так и относительный рост рецидивной преступности.

Рецидивная преступность, обладая качественными характеристиками преступности, имеет свои особенности, которые определяют необходимость комплексных исследований ее отдельных аспектов, выявление связей, закономерностей и тенденций изменения этого сложного и многогранного социального явления.

Ученые и практики уже давно указывают на повышенную общественную опасность рецидивной преступности, которая обусловлена тем, что совершение преступления лицом, ранее привлекавшимся к ответственности за уголовно наказуемые деяния (второй и более раз), свидетельствует о его упорном стремлении продолжить преступную деятельность, игнорировании моральных и нравственных норм, нежелании вести социально приемлемый образ жизни [1; 2; 3]. Указанные лица активно вовлекают в преступную деятельность иных граждан, особенно из числа молодежи, создавая преступные группы, в том числе организованные.

На фоне роста профессионализма преступников проявляют себя и негативные тенденции повышения интенсивности преступной деятельности рецидивистов. Так, за последнее десятилетие (1997–2007 гг.) темпы прироста регистрируемой преступности составили 65 %, рецидивная пре-

ступность выросла на 86 %! Несмотря на законодательное сужение рамок рецидива преступлений в 2002–2003 гг. (поправки, внесенные в УК РФ в 2003 г., привели к снижению числа зарегистрированных преступлений), стал возрастать удельный вес рецидивной преступности (доля рецидива колеблется в пределах 25–33,7 %): в 2004 г. – на 3,3 %, в 2005 г. – на 3 %, в 2006 г. – на 3,3 %. В 2006 г. ранее судимыми лицами было вновь совершено более 300 тыс. преступлений, четвертую часть которых составили тяжкие и особо тяжкие преступления. Исследователи отмечают, что более 40 % осужденных отбывают наказание второй раз и более [4, с. 18-19].

В начале 2007 г. на учетах в органах внутренних дел состояло 3 882 918 лиц, освободившихся из мест лишения свободы, 65 689 освобожденных от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, 84 647 освобожденных из мест лишения свободы, в отношении которых установлены ограничения в соответствии с законом, 539 272 осужденных к мерам наказания, не связанным с лишением свободы. Если суммировать указанные выше данные, основанные в большей мере на «виртуальной», «отчетно-бумажной» информации, то можно увидеть лишь надводную часть айсберга рецидивной преступности. Что же касается действительных ее масштабов, для этого потребуются не только математические расчеты.

Так, если брать за основу уголовно-правовой подход, то параметры рецидива следует определять в соответствии с требованиями ст. 18 УК РФ, не учитывая обстоятельства, указанные в ч. 4 ст. 18 УК

РФ, а именно: а) судимости за умышленные преступления небольшой тяжести; б) судимости за преступления, совершенные лицом в возрасте до восемнадцати лет; в) судимости за преступления, осуждение за которые признавалось условным, либо по которым предоставлялась отсрочка исполнения приговора, если условное осуждение или отсрочка исполнения приговора не отменялись и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы, а также судимости, снятые или погашенные в порядке, установленном ст. 86 УК РФ. Действующее уголовное законодательство также резко сужает объем легального (юридического) рецидива за счет отсечения от него неосторожных преступлений.

С точки зрения криминологического подхода нужно принимать за основу и учитывать объективно не только фактический рецидив, или как его еще называют «латентный рецидив» (латентный рецидив преступлений – это совокупность не выявленных и не зарегистрированных умышленных преступлений, формирующихся в одну из множественностей преступлений) [5, с. 6], но и факты преступной деятельности ранее судимых лиц, которые подпадают под основания ч. 4 ст. 18 УК РФ. В таком случае реальные размеры рассматриваемой разновидности преступности могут превысить все вообразимые и невообразимые масштабы.

Данные официальной статистической отчетности и материалы конкретных криминологических исследований дают основание говорить о необходимости разработки более эффективных мер по снижению уровня рецидива. Важной концептуальной идеей совершенствования уголовной политики в этой сфере является, на наш взгляд, приведение в соответствие законодательной базы для борьбы с рецидивной преступностью. При этом оптимальным вариантом комплекса мер по совершенствованию правового обеспечения предупреждения рецидивной преступности является не только внесение изменений и дополнений в уголовное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное, административное

и иное законодательство, но и принятие целого ряда федеральных законов.

Следует подчеркнуть, что в известной степени неблагоприятные тенденции рецидивной преступности стали следствием необдуманных изменений нормативной базы, определяющей рецидив. Так, Э.Ф. Побегайло неоднократно обращал внимание на то, что в УК РФ 1996 г. не получил должной правовой оценки специальный рецидив преступлений как обстоятельство, отягчающее ответственность [6, с. 14]. Криминологически необоснованной представляется реконструкция нормы о рецидиве преступлений (ст. 18 УК РФ) Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ. Ослаблена меткость репрессии и необоснованно занижена ответственность опасных и особо опасных рецидивистов, что на фоне тотальной криминализации общества противоречит интересам общественной безопасности.

Этому способствовали и изменения в регламентации института судимости. Ранее действовавшее законодательство предусматривало так называемое прерывание течения срока, погашающего судимость, если лицо в течение срока, установленного для снятия и погашения судимости, совершило новое преступление. К тому же после отбытия наказания, назначенного судом за новое преступление, начинали течь оба срока, погашающих судимость. Соответственно лицо считалось судимым за оба совершенных им преступления до тех пор, пока не истек срок погашения судимости за наиболее тяжкое из числа совершенных этим лицом преступлений (ст. 57 УК РСФСР 1960 г.). Таким образом, при прерывании срока, погашающего судимость, создавалась своего рода «цепочка», как бы подтягивающая одну судимость ко второй, третьей и т.д.

Новое уголовное законодательство (ст. 86 УК РФ 1996 г.) не предусматривает понятия «прерывание срока», погашающего судимость лица, т.е. этот срок течет самостоятельно по каждому преступлению, за которое оно было осуждено. В результате на практике нередко встречается такая ситуация: если судимости за ранее совершенные преступления были погашены, не-

смотря на то, что в сроки их погашения лицом было совершено новое преступление, нельзя признать последнее преступление совершенным при рецидиве, опасном или особо опасном. Вывод очевиден: необходимо воссоздать прежний порядок регламентирования течения сроков, погашающих судимость, и восстановить в законе понятие прерывания этих сроков.

Несмотря на то, что УК РФ 1996 г. в значительной мере усовершенствовал нормы о рецидиве преступлений, в частности, реализована рекомендация специалистов об определении трех видов рецидива: простого, опасного и особо опасного, некоторые новеллы вызывают существенные возражения. Так, трудно понять логику законодателя, перенесшего в ст. 18 УК РФ акцент с личности преступника на совершенные им преступления. Как известно, носителем отрицательных свойств и качеств, обуславливающих неоднократное совершение преступлений, является конкретное лицо, рецидивист. С целью нейтрализации криминогенных свойств личности именно рецидивист подвергается наказанию, именно с рецидивистом проводятся профилактические мероприятия и т.д. Замена понятия «рецидивист» понятием «рецидив преступлений» полностью игнорирует это обстоятельство.

Между тем совершенно очевидно, что ни корректирующее, ни профилактическое воздействие на «рецидив» преступлений невозможно: объектом такого воздействия всегда будет лицо, совершившее эти преступления. Поэтому разрыв понятий «рецидивист» и «рецидив преступлений» носит искусственный характер, затрудняющий теоретическое осмысление проблем рецидивной преступности. Некоторые авторы не видят здесь большой проблемы. Например, Ю.И. Бытко отмечает, что отказ от института особо опасного рецидивиста продиктован стремлением законодателя построить уголовное законодательство на новых концептуальных основах [7, с. 9].

Вместе с тем замалчивание проблемы не есть ее решение. В свое время у нас замалчивалась и сама проблема рецидива. В УК РСФСР 1926 г. термин «рецидив» был исключен и заменен термином «повторно».

До середины 50-х годов в учебниках уголовного права о рецидиве вообще не упоминалось. Больше того, говорилось, что у нас нет рецидива, так как его не должно быть. Рост специального рецидива, интенсивные процессы профессионализации преступной деятельности, увеличение удельного веса пенитенциарного и постпенитенциарного рецидива являются свидетельством явного неблагополучия в сфере борьбы с профессиональной преступностью и требуют усиления репрессивной функции уголовной политики.

Негативные тенденции рецидивной преступности связаны, в частности, и с проблемой регламентации поведения ранее судимых лиц после освобождения от наказания, что требует принятия соответствующего закона. Необходимость содействия таким лицам в трудовом и бытовом устройстве бесспорна и подтверждается международными правовыми актами. Так, в ст. 64 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, одобренных ООН в 1957 г., указано: «Обязанности общества не прекращаются с освобождением заключенного. Поэтому необходимо иметь государственные или частные органы, способные проявлять действенную заботу об освобождении заключенных, борясь с предрассудками, жертвами которых они являются, и помогая им включиться в жизнь общества».

В то же время существующая система правового регулирования и практика трудового и бытового устройства лиц, отбывших наказание, не выдерживает никакой критики и не отвечает принципам гуманизма и социальной справедливости.

Согласно действующему законодательству трудовое и бытовое устройство освобожденных возложено на местные органы власти, однако порядок этой работы и ее механизм законодательно не определены. Вследствие этого выполнять данную функцию приходилось до последнего времени органам внутренних дел. Вместе с тем согласно приложению к приказу МВД России от 17.01.2006 № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» в качестве основных

задач органов внутренних дел такая функция не выделяется.

В настоящее время эта задача возложена на уголовно-исполнительные инспекции Федеральной службы исполнения наказаний Министерства юстиции России (приказ Министерства юстиции РФ от 13.01.2006 № 2 «Об утверждении Инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы» не совсем ясно определяет субъектов, отвечающих за трудовое устройство осужденных после их освобождения), но и они, не обладая соответствующими властными полномочиями, не имеют реальной возможности решать ее, поскольку не располагают ни жилищным фондом, ни возможностями по трудоустройству, ни финансовыми средствами для оказания материальной помощи.

Другая причина, вызывающая трудности в трудоустройстве данной категории граждан, заключается в нежелании трудовых коллективов и руководителей предприятий брать на себя ответственность за «бывших зэков». И, несмотря на то, что ст. 16 Трудового кодекса РФ запрещает необоснованный отказ в приеме на работу в зависимости от пола, расы, национальности, языка, социального происхождения, имущественного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям и других обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работников, тем не менее в большинстве случаев нарушение данной нормы налицо [8, с. 40].

Для решения этой важной проблемы требуется создать правовую базу, обеспечивающую правовую регламентацию всего процесса социальной адаптации. Необходимость правового регулирования данного процесса обусловлена и заинтересованностью общества зафиксировать нормами права наиболее значимые отношения, возникающие после отбытия осужденными наказания, обеспечить реализацию ими своих конституционных прав на труд, жи-

лице, получение образования, медицинской, социальной и иной помощи.

Главным нормативным правовым актом здесь должен стать закон «О социальной адаптации лиц, отбывших уголовные наказания», общесоюзный проект которого был разработан еще в 1990 г., но ликвидация союзных структур не позволила тогда реализовать эту идею. Принятие такого закона станет залогом успешного прохождения процесса социальной адаптации лицами, освобожденными из исправительных учреждений (ИУ). Конечно, закон поможет только тем, кто стремится устроиться на работу и восстановить социально полезные связи на свободе.

Отметим, что опыт принятия законодательных актов, регулирующих порядок ресоциализации лиц, отбывших наказание, имеется во многих странах. Так, в Польше общее руководство и координацию деятельности по оказанию помощи в трудовом и бытовом устройстве лицам, отбывшим уголовные наказания, осуществляет Всепольский Совет по вопросам постпенитенциарной помощи. При этом принципы, объем, и виды такой помощи устанавливаются на уровне правительственных решений. В них же определяются способы и формы распоряжения фондами, предназначенными для оказания помощи. В Японии вопросы трудового и бытового устройства освобожденных из заключения регламентируются Законом «О постпенитенциарной опеке». Ответственность за оказание реабилитационной помощи несет правительство, для чего специально создана служба пробации.

В дореволюционной России также создавались общества попечителей. Их благотворительная деятельность, помимо патронажа осужденных и лиц, отбывших наказание, включала опеку их семей, устройство детей, содержание приютов, ежедневных и воскресных школ, богаделен для престарелых, домов трудолюбия и т.п. В соответствии со ст. 104 ИТК РСФСР предписания исполнительных комитетов местных Советов народных депутатов о трудоустройстве лиц, освобожденных от наказания, были обязательны для руководителей предприятий, учреждений и организаций [9, с. 62].

Отсюда напрашивается вывод: необходимо либо реанимировать свой прошлый передовой опыт, либо принять за основу зарубежный. Так, в последнее время Федеральная служба исполнения наказания пытается внедрить новый способ контроля за лицами, отбывающими альтернативные лишения свободы наказания, – электронные браслеты. Эти браслеты, безусловно, будут отличать осужденных от обычных граждан. В таких условиях, возможно, теория наказательной преступности, предлагавшаяся О.В. Старковым, будет востребована [10, с. 46]. Предлагается также ужесточить контроль за фактическим передвижением освобожденных из ИУ осужденных, включая и возможность сопровождения их к месту жительства [11, с. 3]. Считаем, что будет снова востребованным ранее эффективно действовавший институт административного надзора. Проект федерального закона «Об административном контроле за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» уже внесен в Государственную Думу РФ депутатами А.М. Розуваном, А.И. Гуровым. Он определяет условия и порядок установления, осуществления, продления и прекращения административного контроля за определенной категорией ранее судимых лиц, права и обязанности органов и указанных лиц при осуществлении административного контроля, а также оказание социальной помощи освобожденным.

Изложенное выше свидетельствует о необходимости поиска новых путей и направлений борьбы с современной рецидивной преступностью, блокирования и нейтрализации криминогенных факторов, что в свою очередь предопределяет необходимость получения о ней более полной, достоверной информации об изменениях ее качественных характеристик. Главное, чтобы деятельность субъектов профилактики и социальной реабилитации осужденных представляла собой непрерывный, многоаспектный и многоуровневый процесс, предполагающий применение комплекса необходимых мер, различных по содержанию, объему и механизму действия.

В свою очередь, скорейшая доработка и принятие перечисленных проектов феде-

ральных законов, а также федеральных целевых программ социальной реабилитации освобожденных из мест лишения свободы и создание условий для исполнения наказаний, альтернативных лишению свободы, позволят эффективно решать проблемы профилактики правонарушений данной категории лиц как во время отбывания наказания, так и в постпенитенциарный период.

1. Рецидивная преступность: понятие и криминологическая характеристика / Л.Н. Пшенникова, А.М. Ниедре, Г.Г. Менберг, М.Э. Казмер; под ред. Э.Я. Стумбиной. Рига, 1983.

2. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990.

3. Зелинский А.Ф. Рецидив преступлений: структура, связи, прогнозирование. Харьков, 1980.

4. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М.: Норма, 2006. 88 с.

5. Горкин В.И. Рецидивная преступность и криминальная среда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 31 с.

6. Побегайло Э.Ф. Новый этап в развитии российского уголовного законодательства // Юрид. мир. 1997. № 1.

7. Бытко Ю.И. Учение о рецидиве преступлений в российском уголовном праве: история и современность: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. 27 с.

8. Андреева Ю.В. Постпенитенциарная адаптация: постановка проблем и способы их решения (на примере Красноярского края) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2006. № 6.

9. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (с постатейными материалами) / под ред. Е.В. Жарикова. М.: Юрид. лит., 1994.

10. Старков О.В. Введение в криминопенологию. Уфа, 1997. 296 с.

11. Писарев В.Б. Ресоциализация освобожденных от отбывания наказания // Исполнение наказаний и социальная адаптация освобожденных: сб. науч. тр. М.: ВНИИ МВД СССР, 1990.

Раздел 5. Совершенствование деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений

ТАКТИКА ПРОВЕРКИ ОБОСНОВАННОСТИ ПОДОЗРЕНИЯ В БАНДИТИЗМЕ

В.Н. Карагодин

(профессор кафедры криминалистики Уральской государственной юридической академии, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, г. Екатеринбург; crim.usla@bk.ru)

С.В. Коровин

(преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Тюменского юридического института МВД России; 8 (3452) 59-84-74)

В статье на основе данных криминалистической науки, материалов практики (изучение уголовных дел) и опроса сотрудников органов внутренних дел исследуются особенности тактики проверки обоснованности подозрения в бандитизме. Дается характеристика отдельных тактических приемов, рассматривается использование специальных познаний при их применении.

Ключевые слова: банда, члены банды, допрос, тактика, допрашиваемый, внутригрупповые конфликты.

Важным элементом первоначально-го этапа расследования является проверка обоснованности подозрения в бандитизме. Одно из основных средств такой проверки – допрос подозреваемого, производство которого характеризуется особенностями, обусловленными специфическим предметом этого следственного действия, условиями следственных ситуаций и свойствами личности допрашиваемого.

Одной из первоочередных задач подготовки к допросу подозреваемых в бандитизме является определение очередности получения показаний от них. Некоторые специалисты считают, что в первую очередь целесообразно допрашивать:

- а) тех, кто, по данным следователя, может дать правдивые показания;
- б) кто играл второстепенную роль в совершении бандитского нападения;
- в) лиц, в отношении которых имеется больше убедительных доказательств их виновности, в связи с чем данные лица могут прийти к выводу о бесполезности ложных показаний;
- г) подозреваемых, которые располагают полными сведениями о личности других подозреваемых, связях и т.д.;
- д) лиц, противопоставляющих себя организатору банды в силу каких-либо противоречий, обид и т.д. [1, с. 27]

Т.Д. Пан считает, что если у следователя есть основание полагать, что все члены банды задержаны, то следует начать допрос с лидера банды. При этом, как он отмечает, этот вариант эффективен в случае, когда следователь располагает доказательствами, достаточными для изобличения допрашиваемого в совершении преступления и даче им ложных показаний [2, с. 106].

По мнению А.И. Попова, допрос необходимо начинать с того, «...о ком больше собрано доказательств, изобличающих в совершении преступления, кто более коммуникабелен, более откровенен» [3, с. 737].

Близким к этому является предложение первым допрашивать того из задержанных, в отношении кого имеются веские доказательства его принадлежности к банде и совершения им преступлений, с целью последующего использования полученных сведений при допросе остальных участников банды [4, с. 114]. Вместе с тем не бесспорным является подход, согласно которому первоочередному допросу подвергают членов банды, занимающих низкое положение в ней [5, с. 74].

По нашему мнению, при определении последовательности допроса подозреваемых должны учитываться условия сложившихся к этому моменту следственных ситуаций, а также объем и качество

данных, подтверждающих возникшее подозрение, а кроме того, свойства личности допрашиваемых. В случае, если объем доказательств причастности задержанных к деятельности банды совпадает, подозреваемых с повышенной эмоциональностью, не способных к длительному противодействию расследованию, не умеющих быстро и объективно оценивать сложившуюся ситуацию, а также недовольных своим положением в группе, необходимо допрашивать в первую очередь.

Значительная часть рядовых субъектов не отличается развитыми интеллектуальными свойствами. Их вполне удовлетворяет подчиненное положение в объединении, основанное на подавлении инакомыслия, попыток несоблюдения норм криминальной морали. У названных субъектов культивируется страх перед другими членами банды, в особенности занимающими более высокое иерархическое положение, отличающимися большей физической силой, повышенной жестокостью к окружающим и т.д. В то же время они отличаются желанием самоутверждения, возможностью причинять физический вред, страдания другим лицам.

Таким образом, эффективность преступной деятельности банд может обуславливаться различными факторами, в том числе интеллектуальными свойствами личностей ее участников (а также ее руководителя). Проведенное нами изучение материалов уголовных дел свидетельствует о том, что они, как правило, не только не выше, но и значительно ниже, чем у других типов преступников. Так, 66,7 % опрошенных сотрудников органов внутренних дел считают, что уровень интеллекта у членов банды не отличается от уровня интеллекта преступников, совершающих иные корыстно-насильственные преступления, остальные же 33,3 % считают, что он ниже. Из опрошенных сотрудников 75,8 % отметили, что им достаточно часто встречаются среди рядовых участников, обвиняемых по делам о бандитизме, лица крайне низкого интеллектуального уровня, полностью зависящие в своих поступках от других участников банды.

Данная категория членов банды искренне верит в справедливость внутригрупповых норм поведения и необходимость их соблюдения. Так, например, участники банды, наказанные за нарушение таких норм или наблюдавшие экзекуцию со стороны, гораздо больше боятся такой физической расправы, нежели приговора суда. В этой связи необходимым условием эффективного допроса является изучение личности каждого члена банды еще до момента его задержания. Интересующие сведения можно получить, в частности, в ходе изучения архивных уголовных дел и оперативных данных.

В отношении вышеуказанных лиц, а также ранее не судимых такие сведения можно получить в результате оперативного опроса или допроса родителей, иных родственников, соседей, сослуживцев, сожителей (сожительниц) и т.п.

А.И. Дворкин и Р.М. Сафин отмечают также, что данные о личности допрашиваемого можно получить, наблюдая за его поведением во время следственных действий с его участием и, конечно же, за мимикой, жестами, признаками волнения, агрессивности и т.д. [6, с. 95].

Высказывается также мнение о целесообразности поиска среди подозреваемых «слабого звена». Это могут быть лица, занимающие в банде невысокое положение, попавшие в банду в силу безволия, материальной зависимости от лидера, по компромату. В ряде ситуаций они могут быть допрошены в первую очередь, особенно если данные лица недовольны своим положением в криминальном объединении, отношением к ним соучастников. Если на этих лиц имеют влияние лидеры банды либо они попросту боятся последних, нужно попытаться разъяснить неблагоприятную роль лидера во втягивании допрашиваемых в члены банды, стремлении избежать наказания путем переложения вины, использовать имеющиеся внутригрупповые конфликты [4, с. 114].

Как правило, условия сложившейся следственной ситуации, связанной с установлением причастности к бандитизму, в известной степени характеризуются основаниями для задержания или заключения

под стражу. При этом следователь должен быть предельно осторожен, потому что даже при задержании с личным необходимо прогнозировать неблагоприятное развитие событий в ходе допроса. Примером этого является ситуация, когда члены банды, задержанные с оружием, заявляют, что нашли его незадолго до задержания, намеревались сдать оружие в правоохранительные органы, но не успели. Другой пример: подозреваемые успевают избавиться от оружия в момент задержания и утверждают, что не имеют к нему отношения.

Действенным опровержением таких показаний является предъявление протоколов осмотра оружия, на котором обнаружены следы ухода за ним, а также заключения специалиста или эксперта о том, что на оружии (прежде всего на его внутренних деталях) выявлены отпечатки рук допрашиваемого.

В 50 % изученных нами уголовных дел при проведении дактилоскопических экспертиз на оружии, изъятом у задержанных, были обнаружены указанные следы. Это существенно облегчило доказывание виновности подозреваемых.

Эффективным приемом преодоления противодействия подозреваемых является предъявление им протоколов допроса свидетелей приобретения, ношения оружия, а также задержания подозреваемого.

Нельзя согласиться с рекомендацией А.И. Дворкина и Р.М. Сафина о том, что во всех случаях для получения правдивых показаний можно, наряду с достаточно известными тактическими приемами, рекомендовать незамедлительный допрос на месте задержания или непосредственно после доставки подозреваемого по делу о бандитизме в отдел внутренних дел, поскольку в этот период он находится в состоянии растерянности, своеобразного «оглушения», не выстроил систему выдвижения ложных версий, не продумал свою позицию на допросе и чаще всего склонен говорить правду [6, с. 96]. В данном случае в соответствии с ч. 1 ст. 92 УПК РФ после доставления задержанного в орган дознания, к следователю или прокурору в срок не более 3 часов должен быть составлен протокол задержа-

ния, в котором делается отметка о разьяснении прав, предусмотренных ст. 46 УПК РФ. Далее, в ч. 4 ст. 92 УПК РФ говорится о том, что подозреваемый должен быть допрошен в соответствии с требованиями закона. До начала допроса подозреваемому по его просьбе обеспечивается свидание с защитником наедине и конфиденциально. В случае необходимости производства процессуальных действий с участием подозреваемого продолжительность свидания свыше 2 часов может быть ограничена дознавателем, следователем, прокурором с обязательным предварительным уведомлением об этом подозреваемого и его защитника. В любом случае продолжительность свидания не может быть менее 2 часов.

Отметим, что повышение образовательного и интеллектуального уровня членов банды оказывает влияние на их поведение при производстве предварительного следствия и в суде. На предварительном следствии они дают «чистосердечное» признание, подробные показания как в отношении себя, так и своих соучастников. Затем, после встречи и общения с адвокатом, отказываются от всех прежних показаний или ссылаются на ст. 51 Конституции РФ.

Проведенное нами обобщение судебно-следственной практики показало, что 71 % обвиняемых изменяли показания, данные ими в качестве подозреваемых, причем 56 % делали это неоднократно. 46 % таких лиц заявляли, что ранее данные ими признательные показания получены в результате неправомерного воздействия сотрудников милиции, или вообще отказывались от бесед со следователем, заявляя, что давать показания будут только в суде. В ходе судебного заседания такие субъекты утверждают о ведении в отношении их следствия незаконными методами, подают многочисленные жалобы на применение к ним физического воздействия и даже пыток.

В подобных случаях преодоление противодействия подозреваемых в бандитизме требует неоднократного применения различных сочетаний тактических приемов.

Также отметим, что, используя данные, полученные при допросе задержанных, нужно немедленно, не считаясь со вре-

менем, провести ряд необходимых следственных действий (обысков, осмотров, допросов, следственных экспериментов и др.) с целью получения других доказательств преступной деятельности допрошенных, при наличии которых отказ задержанных от дачи показаний ничего не решает [6, с. 96]. Так, после задержания С. и Л. – участников банды, состоявшей из двух человек, с целью изобличения их в совершении ими ряда преступлений, по месту жительства фигурантов одновременно проводились обыски, в ходе которых были изъяты похищенные вещи и оружие, которое использовалось ими при совершении разбойных нападений. После этого задержанные дали признательные показания [7].

Вместе с тем, с нашей точки зрения, вряд ли можно согласиться с мнением А.И. Дворкина и Р.М. Сафина об особой эффективности незамедлительного допроса по отношению к лидеру банды и ее организатору [6, с. 96; 4, с. 114]. Как правило, эти лица отличаются сильными волевыми качествами и криминальным опытом. Организатор (лидер) банды часто обладает высоким уровнем интеллекта и логическим мышлением, а также эмоциональной уравновешенностью.

Лишь 7,6 % опрошенных нами практиков, расследующих бандитизм, указали, что им встречались и нетипичные руководители – трусливые, безвольные, занявшие положение в результате хитрости и обмана, и т.п. Вот таких субъектов можно допрашивать в первую очередь или одновременно с другими участниками.

В большинстве же случаев организаторы (лидеры) банды отказываются давать показания без адвокатов либо ссылаются на ст. 51 Конституции РФ, закрепляющую право не свидетельствовать против себя и своих близких. К таким приемам противодействия прибегали 59,2 % организаторов, допрашивавшихся в качестве подозреваемых по изученным нами уголовным делам.

После предъявления им правдивых показаний соучастников или проведения очных ставок они начинают выдвигать собственные версии с целью опровергнуть изобличающие их показания (такое пове-

дение наблюдалось у 35 % организаторов). Если такие допрашиваемые лица и начинают давать показания после предъявления неопровержимых доказательств их участия в преступлениях, то практически всегда отрицают свою принадлежность к банде, а тем более свое лидирующее положение. Отрицают они и устойчивость, организованность, наличие оружия и «общака», а также других признаков, характеризующих преступную группу как банду.

Анализ протоколов допроса подозреваемых свидетельствует, что для лидеров банд характерно изображение обстоятельств преступления, совершенных группой, в выгодном для себя свете, преуменьшение роли и возложение вины по руководству преступной группой на других лиц. Так, лишь 14,8 % таких допрашиваемых открыто признали свое руководство бандой.

Все опрошенные нами сотрудники отметили, что большинство лидеров банд на контакт со следователем идут лишь с целью ознакомления с позициями других членов группы. 85,7 % проинтервьюированных считают, что такие допрашиваемые контактируют со следствием для выявления уровня его осведомленности об обстоятельствах расследуемого преступления.

В связи с этим, на наш взгляд, необходимо согласиться с мнением, что в подобной ситуации организаторов (лидеров) банд не следует полностью знакомить с показаниями соучастников, если они могут использоваться для оказания противодействия. Должны предъявляться только те показания (фрагменты), достоверность которых подтверждается другими доказательствами. Наиболее эффективно предъявление таких показаний, записанных на аудио- или, что еще лучше, видеопленку [6, с. 95; 4, с. 119].

Некоторые подозреваемые пытаются преуменьшить степень своего участия или скрыть участие неустановленных членов банды. В ходе допроса таких лиц целесообразно использовать приемы детализации показаний в целях выявления в них противоречий, на которые указывают допрашиваемому. Кроме того, следует предъявлять

информацию, опровергающую показания подозреваемого.

При изучении уголовных дел было установлено, что 64 % таких подозреваемых выдвигают алиби или заявляют, что не были на месте преступления и при этом не помнят, где конкретно находились. По нашему мнению, в этом случае возможны два варианта преодоления противодействия подозреваемого: ему предъявляются либо сведения о пребывании на месте преступления, либо доказательства отсутствия в называемом им месте.

При обнаружении следов подозреваемого на месте преступления или микрочастиц с места происшествия на его одежде допрашиваемые не отрицают пребывания в указанных местах, но заявляют, что находились там до совершения общественно опасного деяния или после этого. Подобные показания давали подозреваемые, допрашиваемые по 65 % изученных нами уголовных дел. В подобных ситуациях целесообразно предъявление допрашиваемому информации о контакте с потерпевшим или предметом посягательства, применении оружия, обнаруженного у подозреваемого, а также его использовании.

Приемы предъявления информации должны сочетаться с воздействием на эмоциональную сферу подозреваемого в целях углубления у последнего неуверенности в занимаемой позиции.

Теория и практика криминалистики и уголовного процесса выработали достаточно обширный список рекомендаций по этому поводу [8, с. 205-213; 9, с. 17-22; 10, с. 18-20]. В частности, В.А. Жбанков рекомендует следующие приемы эмоционального воздействия, заключающиеся в использовании:

- антипатии к соучастникам;
- противоречий между интересами;
- фактора внезапности (постановка неожиданных вопросов);
- положительных сторон личности;
- положений статей УК РФ, предусматривающих смягчающие и отягчающие обстоятельства;
- скрытых и явных конфликтов в банде;

– убеждения в бессмысленности занимаемой позиции [11, с. 19].

По нашему мнению, подозреваемому, испытывающему страх перед наказанием, недоверие к соучастникам, следует разъяснить, что наиболее целесообразный выход из создавшегося положения – дача объективных показаний. В противном случае доказательства его виновности могут исследоваться и оцениваться односторонне, а соучастники могут воспользоваться ситуацией для необоснованного преувеличения его вины.

Полагаем, что особое значение для перспектив раскрытия и расследования бандитизма могут иметь конфликты между членами банды, которые были рассмотрены ранее, особенно возникшие после ее выявления правоохранительными органами и в связи с расследованием.

Анализ практики, а также исследования некоторых ученых, в частности В.И. Куликова, свидетельствуют, что в каждой банде постоянно действуют две внутренние силы. Первая сила способствует объединению, интеграции ее членов, вторая – работает на их разъединение [12, с. 153]. Использование этих тенденций рекомендуется многими современными исследователями [13].

Развитие центробежных тенденций во внутренних взаимоотношениях в банде, доходящее до эксцессов какой-то преступной группы в составе банды, под которым понимается совершение ее участниками преступного деяния, не охватываемого умыслом или выходящего за пределы преступных намерений остальных участников [14, с. 5; 15, с. 51], связано с многочисленными контролируруемыми и неконтролируемыми конфликтами в банде.

Считается, что они возникают в процессе борьбы за лидерство или близость к руководителю группы, при разногласиях между старыми и новыми членами банды по поводу преступных традиций, методов и способов преступной деятельности и принципов дележа похищенного, а также в связи с личными неприязненными отношениями [16, с. 53].

Между тем, на наш взгляд, в банде могут иметь место еще и конфликты, не

связанные с деятельностью банды, а также возникшие после раскрытия или в связи с раскрытием преступлений, совершенных бандой.

Не связанные с деятельностью банды конфликты могут уходить своими корнями в криминальное прошлое некоторых членов банды, быть связанными с социальной и служебно-должностной практикой, этническими, культурными, эмоционально-нравственными и другими разногласиями.

Обобщая сказанное, можно констатировать, что причинами конфликтов в банде являются: недовольство распределением преступных доходов, дискриминация со стороны лидера, недовольство установленными им дисциплинарным порядком, системой наказаний, попытками избавиться от неугодных лиц, подозрение в утаивании части похищенного, притязание на более высокое положение в банде, личные неприязненные отношения, претензии отдельных членов банды на лидерство, противоречия между «старичками» и вновь вступившими в члены банды, подозрение в связях с правоохранительными органами или конкурирующими преступными группировками, противодействие лидера стремлению покончить с преступной деятельностью, желание отделиться и создать собственную преступную группировку, несогласие с интенсивностью, направленностью и методами преступной деятельности.

Подобные сведения могут быть получены оперативным путем, а также в процессе предварительного допроса лиц, ранее состоявших в банде и выбывших из нее по каким-либо причинам. Кроме того, они могут сообщить сведения об особенностях отношений в банде, наличии других участников, находящихся в оппозиции к руководителем, а также о субъектах, подвергавшихся необоснованным притеснениям, наказаниям.

В данном случае необходимо иметь в виду, что длительное участие членов банды в совершении преступлений обычно влечет за собой постоянное напряжение психики преступников, тревожное ожидание возможного разоблачения, когда изобличение одного может привести к раскрытию всей банды.

Отметим также, что до тех пор, пока члены банды не попали под подозрение правоохранительных органов, конфликты внутри ее не имеют яркого проявления. Однако после задержания членов банды в последней начинают преобладать тенденции к разъединению, и имевший место антагонизм более не сдерживается. При этом, как правило, нарушается согласованность действий членов банды на предварительном следствии, порождается взаимное недоверие. Все это может привести к отказу допрашиваемого от позиции непризнания вины или дачи ложных показаний, занятой им в соответствии с ранее намеченным в банде планом противодействия расследованию [16, с. 53].

В некоторых публикациях отмечается, что обострение конфликта, переход конфликтной ситуации в конфликт между соучастниками в период расследования носит объективный характер и не зависит от сознания следователя [17, с. 17]. Однако своевременное выявление признаков таких конфликтов и их умелое использование – одна из важнейших задач следствия [12, с. 155]. В проанализированных нами материалах следственной практики имеются примеры удачного, грамотного использования конфликтов и противоречий между членами банды.

Например, Т. и другие члены банды заподозрили В. в разглашении данных о совершенном совместно с ним убийстве. После ссоры и обвинения В. в болтливости члены группы прекратили с ним всякие отношения. Это обстоятельство было использовано при допросе В. в качестве подозреваемого. В результате он не только признал свою вину, но и дал показания о деятельности соучастников [18].

После задержания подозреваемых нередко возникают острые многосторонние конфликты между соучастниками:

а) пытающимися предпринимать действия различного характера для уклонения от уголовной ответственности (17 % изученных уголовных дел);

б) не выполнившими требования об уничтожении вещественных доказательств организованной преступной деятельности (23 % изученных уголовных дел);

в) чьи необдуманные, неосторожные действия стали причиной раскрытия организованной преступной деятельности (68 % изученных уголовных дел) [12, с. 155].

Эти конфликты также могут возникать между членами банды, в большей и меньшей степени виновными в бандитизме; арестованными и временно находящимися на свободе; подозреваемыми, начавшими давать правдивые показания и оказывающими противодействие следствию. В той или иной степени такие конфликты имели место при расследовании 86,5 % из изученных нами уголовных дел. Типичность таких конфликтов отметили и 92,3 % опрошенных сотрудников.

Эффективным приемом использования внутригруппового конфликта является предъявление допрашиваемому ложных показаний других членов банды о его роли в преступлениях, что часто вызывает возмущение и побуждает к даче правдивых показаний [4, с. 115]. С этой целью в процессе допросов рекомендуется информировать допрашиваемых о фактах биографии или действиях, подрывающих авторитет лидера или дискредитирующих других участников банды; сведения о действиях других членов банды, унижающих достоинство допрашиваемого или близких ему людей; о ранее не известных ему взаимоотношениях в банде, отводящих ему же малопривлекательную роль; о наличии в распоряжении следователя данных, которые могут скомпрометировать допрашиваемого в глазах других членов банды [6, с. 98].

При этом недопустимы нарушения морально-этических норм, шантаж допрашиваемого, ссылки на несуществующие доказательства [19, с. 24-28].

Одним из условий эффективности разоблачения подозреваемых оправданно считается строгая изоляция задержанных или арестованных (чтобы они не смогли объединить усилия по противодействию расследованию).

Как отмечается некоторыми учеными, «этому вопросу нужно уделять самое пристальное внимание, т.к. в целом ряде случаев незнание того, какие показания давали остальные участники банды, и боязнь

опоздать с дачей правдивых показаний по делу, т.к. соучастники могут начать выгораживать себя, выставляя остальных лидерами и активными участниками банды, приводили к тому, что подозреваемые начинали давать правдивые показания» [4, с. 112].

Полагаем, что для решения этой задачи необходимо отбирать подписки о неразглашении полученных в ходе следствия данных у адвокатов, которые могут обмениваться информацией с коллегами, участвующими в деле, передавать полученные данные подзащитным [20, с. 114]. К этому необходимо добавить, что следует создавать условия, затрудняющие передачу подозреваемыми информации оставшимся на свободе членам банды и организацию противодействия расследованию.

Вместе с тем вполне возможна ситуация, когда подозреваемым все-таки удастся налаживать каналы связи с другими задержанными, скрывающимися соучастниками, а также с близкими и родственниками.

Если имеется возможность контролировать обмен информацией, то выявленные каналы можно не только сохранять, но и пытаться создать условия для передачи сведений, интересующих следствие. Для этого могут использоваться приемы рефлексивного управления, стимулирующие возникновение у подозреваемого желания отправлять или получать нужную следствию информацию.

1. Совершенствование тактики доказывания по делам о бандитизме / В.Г. Гриб, С.В. Фирсаков, В.А. Казакова, Г.П. Лозовицкая. М.: ВНИИ МВД РФ, 1998.

2. Пан Т.Д. Раскрытие и расследование бандитизма и преступлений, совершенных бандами: дис. ... канд. юрид. наук. Кемерово, 2001. 211 с.

3. Руководство для следователей / под общ. ред. В.В. Мозякова. М.: Экзамен, 2005. 912 с.

4. Расследование бандитизма: метод. пособие / А.И. Дворкин [и др.]. М.: Приоритет, 2000. 176 с.

5. Волынский В.А., Тишутина И.В. Раскрытие и расследование бандитизма

– первоначальный этап: учеб. пособие. М.: Книжный мир, 2005. 344 с.

6. Дворкин А.И., Сафин Р.М. Расследование убийств, совершенных организованными группами при разбойных нападениях: науч.-метод. пособие. М.: Экзамен, 2003. 192 с.

7. Архив Тюменского областного суда. Уголовное дело № 200001489/01.

8. Володина А.Н. Психологические методы получения информации при осуществлении допроса // Актуальные проблемы юриспруденции. Вып. 4. Тюмень: ТГУ, 2000. С. 205-213;

9. Чурилов С.Н. Криминалистическая тактика: учеб. пособие в структурно-логических схемах. 2-е изд. М.: Дашков и К, 2005. 184 с.

10. Бычков В.В. Особенности допроса подозреваемого в бандитизме // Следователь. 2005. № 7. С. 18-20.

11. Жбанков В.А. Методика расследования бандитизма: лекция. 2-е изд. М., 1998. 20 с.

12. Куликов В.И. Основы криминалистической теории организованной преступной деятельности. Ульяновск: Филиал МГУ, 1994. 266 с.

13. Куртынов И.В. Криминалистическая характеристика преступных групп, совершающих грабежи и разбой на жилища граждан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. 22 с.

14. Арутюнов А. Экссесс исполнителя преступления, совершенного в соучастии // Уголовное право. 2003. № 1.

15. Безбородов Д.А. Ответственность соучастников при эксцессе // Научный вестник Тюменского юридического института МВД России: сб. науч. тр. Вып. 3. Тюмень: Тюменский юрид. ин-т МВД России, 2004.

16. Быков В.М. Психологические аспекты взаимодействия следователя и органа дознания. Омск, 1976.

17. Галкин Е.Б. Социально-психологические механизмы организации преступной среды // Проблемы борьбы с организованной преступностью: сб. науч. тр. М.: ВНИИ МВД СССР, 1990.

18. Архив Тюменского областного суда. Уголовное дело № 2-66/02.

19. Чебуренков А.А. Проблемы оценки допустимости отдельных тактических приемов производства следственных действий // Следователь. 2005. № 8. С. 24-28.

20. Карагодин В.Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1992. 175 с.

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ВОПРОСАХ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОВЕРОЧНОЙ ЗАКУПКИ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЕЕ РЕЗУЛЬТАТОВ В ДОКАЗЫВАНИИ

С.П. Петров

(ведущий научный сотрудник НИЦ-2 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, кандидат юридических наук, г. Москва; 8-916-965-01-35)

В статье рассматриваются проблемы документирования преступной деятельности при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Автор приводит и анализирует материалы судебно-следственной практики по оформлению, порядку проведения и легализации результатов такого оперативно-розыскного мероприятия, как проверочная закупка. На основе исследования региональной практики использования оперативными сотрудниками и следователями результатов проведения проверочной закупки наркотических средств автор предлагает свой вариант осуществления данной деятельности.

Ключевые слова: проверочная закупка, наркотическое средство, психотропные вещества, оперативно-розыскные мероприятия, документирование, выемка наркотических средств, доказывание.

Как показывает изучение практики противодействия преступной деятельности организованных групп, занимающихся незаконным оборотом наркотических средств (далее – НОН), одним из наиболее часто проводимых оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) при документировании их преступной деятельности является проверочная закупка. Сущность и основания проведения настоящего ОРМ рассмотрены в отдельных положениях федеральных законов «Об оперативно-розыскной деятельности», «О наркотических средствах и психотропных веществах», в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами».

Вместе с тем проводившиеся в 2006–2008 гг. исследования показали, что судебная практика по оценке материалов, отражающих процесс и результаты проведения проверочной закупки, не является устоявшейся. Несмотря на то, что в соответствии с постановлением Пленума «результаты ОРМ могут быть положены в основу приговора», не все суды принимают в качестве доказательств составляемые оперативными работниками документы. Более того, данные документы стало принято именовать процессуальными суррогатами, и нередко в этом виноваты сами оперативные сотрудники.

Например, Одинцовский городской суд Московской области оправдал гр-на Орипова, поскольку при проведении проверочной закупки личный досмотр и задержание сбытчика наркотиков были произведены в административном порядке, а не в рамках оперативно-розыскного законодательства.

Поэтому, оформляя документы, в которых отражается процесс подготовки оперативно-розыскного мероприятия, необходимо ссылаться на соответствующие нормы законов «Об оперативно-розыскной деятельности» и «О наркотических средствах и психотропных веществах», указывать, что все описываемые действия осуществляются в целях проведения проверочной закупки.

Что же касается завершающего этапа проверочной закупки, то здесь, в связи с отсутствием «открытого» нормативного акта, который регламентировал бы порядок процессуального оформления результатов ОРМ, целесообразно идти по пути, которым следует ряд органов внутренних дел, в частности ГУВД Самарской области.

Так, в случае необходимости задержания сбытчика в процессе проверочной закупки, следователь, после совершения «сделки» при участии оперативных сотрудников, осуществляет у сбытчика выемку переданных ему «покупателем» денежных купюр. Затем полученные наркотики изымаются у «покупателя». Данные след-

твенные действия проводятся в рамках возбужденного уголовного дела. При этом же условия в уголовном деле вполне легально могут фигурировать и результаты предварительных, негласных проверочных закупок. После завершения каждого такого мероприятия следователю необходимо допросить «покупателя» (в случае согласия последнего участвовать в уголовном процессе), изъять у него наркотическое средство и провести остальные следственные действия. В свою очередь оперативные сотрудники после завершения проверочной закупки оформляют ее результаты справками. Основным доказательством по уголовному делу, естественно, будут являться протоколы выемок денег и наркотических средств.

Помимо вопросов оформления результатов проверочной закупки, в практической деятельности подразделений, противодействующих незаконному обороту наркотиков, встречаются проблемы, которые связаны и с основаниями проведения этих ОРМ.

К примеру, неоднократно отмечались факты, когда в представляемых следователю оперативно-розыскных материалах отсутствовали постановления о проведении ОРМ. Имели место случаи, когда в материалах фигурировали результаты проведения двух и более закупок, а постановление было одно. Не все постановления должным образом оформлялись и утверждались.

На данный факт неоднократно обращалось внимание, и есть основания полагать, что количество означенных промахов будет сокращаться. Вместе с тем следует отметить, что решение этого вопроса может повлечь возникновение следующего. Прежде всего это относится к содержащимся в уголовных делах материалам такого оперативно-розыскного мероприятия, как проверочная закупка. Так, изучение судебной практики Магаданской области позволило выявить следующую закономерность: судами исключаются из числа доказательств результаты проверочных закупок, проводившихся повторно.

В обоснование данных решений суды указывают, что до проведения второй (и последующих) закупок у оперативных со-

трудников имелись все основания для передачи материалов проверки в следственное подразделение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Однако вместо этого повторно выносилось постановление о проведении данного ОРМ. Данная практика расценивалась судами как нарушение требований Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». По результатам рассмотрения уголовных дел судами Магаданской области, за 10 месяцев 2007 г. по указанному основанию квалификация действий 35 подсудимых по 29 уголовным делам была изменена на менее тяжкие составы преступлений.

Данные решения суда обжаловались в кассационном порядке. В представлениях указывалось, что целью повторной закупки является установление факта принадлежности наркотических средств данному лицу либо установление каналов наркооборота. Однако в удовлетворении данных кассационных представлений судебной коллегией по уголовным делам было отказано.

К примеру, в мае 2007 года в Магаданском городском суде рассматривалось дело Стародубцева А.В. Он обвинялся в покушении на сбыт наркотических средств 26 и 30 января 2007 г. И в том и в другом случае факты продажи наркотиков документировались в рамках ОРМ «проверочная закупка», проводимого сотрудниками ФСКН.

Приговором Магаданского городского суда Стародубцев по эпизоду покушения на сбыт 30 января 2007 г. был оправдан. Суд при этом указал, что 26 января 2007 г. сотрудниками ФСКН уже проводилась проверочная закупка, целью которой являлось выявление фактов сбыта данным лицом наркотических средств, установление соучастников и задержание фигуранта с поличным. Разрабатываемый задержан не был. В качестве основания к проведению повторной проверочной закупки (от 30.01.2007) были вновь указаны: необходимость выявления фактов сбыта Стародубцевым, установления соучастников, а также документирования его преступной деятельности.

Однако после проведения повторной проверочной закупки какие-либо новые обстоятельства преступной деятельности

Стародубцева, равно как и круг лиц, причастных к ней, установлены не были.

Таким образом, суд пришел к выводу о том, что в результате проведения повторной проверочной закупки оперативными сотрудниками были искусственно созданы предпосылки и условия для совершения Стародубцевым А.В. нового преступления, в то время как возможность пресечения его преступной деятельности имела уже после первой закупки.

Все доказательства, полученные в результате закупки 30.01.2007, были признаны судом недопустимыми.

На наш взгляд, с законностью указанных судебных решений вряд ли можно согласиться полностью, но в то же время, в случае возникновения подобной практики в других регионах, целесообразно было бы рекомендовать оперативным сотрудникам более внимательно относиться к указанию оснований проведения ОРМ в постановлениях. К примеру, в постановлении о проведении проверочной закупки, результаты которой будут фигурировать в уголовном деле первыми, в качестве основания следует указывать «необходимость выявления преступной деятельности». При второй проверочной закупке – «необходимость документирования преступной деятельности и установления соучастников» (если есть реальная возможность установить их в рамках этого ОРМ). При третьей – «задержание с поличным» и т.д.

Во избежание иных промахов процессуального характера также является целесообразным:

– знакомить следователей с материалами, подготовленными к реализации, до их официального представления в следственные подразделения;

– отслеживать положительный опыт по документированию преступной деятельности лиц, занимающихся незаконным оборотом наркотиков, который имеется в ОВД иных регионов;

– активизировать рабочие встречи представителей оперативных и следственных подразделений, на которых бы, на примере конкретных материалов, обсуждались проблемы квалификации преступлений, особенности проведения отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, процедурные аспекты представления и использования результатов оперативно-розыскной деятельности и т.д. Не лишним, на наш взгляд, будет приглашение на такие встречи представителей прокуратуры и суда.

В завершение настоящей статьи также следует отметить, что давно уже назрела необходимость унификации документального оформления результатов оперативно-розыскных мероприятий. Для этого необходимо определить в нормативном акте открытого характера формы постановлений о производстве оперативно-розыскных мероприятий, а также документов (протоколов), отражающих их результаты. Естественно, речь ведется не о секретных документах, а о материалах, которые будут фигурировать в уголовном деле.

Раздел 6. Процессуальное право, юрисдикция, процедуры

СООТНОШЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИКИ С УГОЛОВНЫМ
И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ ПРАВОМ

Е.В. Смахтин

(доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Института государства и права Тюменского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент; smaxtin@yandex.ru)

Статья посвящена соотношению криминалистики с уголовным и уголовно-процессуальным правом. Сформулирована авторская позиция по исследуемому вопросу.

Ключевые слова: криминалистика, уголовное право, уголовно-процессуальное право, соотношение, эмпирический уровень, следовая картина преступления, материальные следы.

В ходе исследования любых систем ученые выделяют как минимум два подхода: структурный и функциональный [1, с. 9]. На функциональном уровне система анализируется как взаимосвязанное целое, изучается ее взаимодействие с внешней средой. Функциональный подход, как и другие подходы системного исследования, реализуется не только на теоретическом, но и на практическом уровне [2, с. 18].

Теоретическим обоснованием системных исследований в криминалистике ранее занимались такие ученые-криминалисты, как А.И. Винберг, Р.С. Белкин, В.А. Жбанков, Л.Д. Самыгин, А.А. Эйман, Н.П. Яблоков и некоторые др. Позднее А.Ю. Головин в своей докторской диссертации обосновал необходимость и значимость системных исследований в криминалистике. В этом смысле данное исследование является логическим продолжением и развитием работ упомянутых авторов.

Взаимосвязь уголовного права и уголовного процесса исследовалась в работах А.А. Васильченко и А.Д. Прошлякова. Г.А. Магусовский посвятил свою докторскую диссертацию определению места криминалистики в общей системе наук. В некоторых работах и статьях А.Р. Белкина, А.П. Гуськовой, Р.Г. Домбровского, В.Я. Колдина, Э. Ниманде, Д.А. Ракунова, В.Н. Терехович и ряда других ученых исследовалось соотношение между отдельными институтами, понятиями и терминами криминалистики с институтами,

понятиями и терминами уголовно-процессуального права.

Таким образом, некоторые теоретические аспекты соотношения рассматриваемых отраслей права в той или иной мере исследовались. В связи с этим в рамках настоящей статьи представляется чрезвычайно важным установить соотношение рассматриваемых отраслей, входящих в общую систему уголовно-правовых наук, именно на практическом уровне. Для решения поставленной задачи нами проведен анализ более 2567 уголовных дел по преступлениям против личности. По специальной методике отобрано 475 уголовных дел по убийствам. В качестве одной структурной единицы для изучения взят приговор суда, вступивший в законную силу.

Почему за основу взят именно приговор суда? Причин несколько. Во-первых, приговор – это итоговый документ по уголовному делу. «В нем дается окончательный ответ на вопрос, виновен или невиновен подсудимый, с последующим решением применения или неприменения к нему меры наказания либо оправданием невиновного» [3, с. 89]. Во-вторых, «признавая лицо виновным в совершении преступления, суд своим приговором реализует уголовную ответственность. Формой реализации уголовной ответственности может быть обвинительный приговор с назначением наказания, или обвинительный приговор с освобождением осужденного

от наказания, или обвинительный приговор без назначения наказания» [3, с. 89].

В-третьих, именно в приговоре суда, на наш взгляд, наиболее отчетливо прослеживается функциональное практическое соотношение криминалистики, уголовного процесса и уголовного права. Например, во всех без исключения обвинительных приговорах, исследованных нами, при описании преступного деяния, признанного судом доказанным, последовательно описывалась следовая картина преступления; доказательства, на которых основаны выводы суда в отношении подсудимого; пункт, часть, статья Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающие ответственность за преступление, в совершении которого подсудимый признан виновным (квалификация содеянного).

Полученные результаты сведены в итоговую таблицу, они позволили эмпирическим путем установить соотношение криминалистики с уголовным и уголовно-процессуальным правом на функциональном уровне. При этом исследовались не только обвинительные, но и оправдательные приговоры.

Таблица имеет девять колонок:

- 1) порядковый номер;
- 2) данные дела, в котором хранится изученный приговор;
- 3) краткое описание преступного деяния;
- 4) суть криминалистической деятельности, в том числе материальные следы;
- 5) аспекты уголовно-процессуальной деятельности;
- 6) доказательства, подтверждающие виновность по приговору;
- 7) квалификация действий;
- 8) взаимосвязь предметных сфер уголовного права, уголовного процесса и криминалистики;
- 9) примечание.

Рассмотрим более подробно содержание некоторых колонок. Так, в третьей колонке излагалось краткое описание преступного деяния, признанного судом доказанным либо недоказанным, с указанием способа его совершения и последствий преступления. При описании деяния мы

исходили из того, что эта информация относится к преступной деятельности. Именно из краткой фабулы дела в последующем выделялись некоторые аспекты криминалистической, уголовно-процессуальной и уголовно-правовой деятельности.

Четвертая колонка посвящена криминалистической деятельности. Нами выделены только те моменты, которые к вопросам материального и процессуального права не могут быть отнесены ни при каких обстоятельствах. Обобщение практики показало, что сугубо криминалистическими моментами являются особенности работы со следами, а также тактика производства следственных действий. Поэтому в этой части таблицы приведено краткое описание следовой картины и тактики следственных действий.

В пятой колонке изложены некоторые аспекты уголовно-процессуальной деятельности. За основу взят порядок уголовного судопроизводства, установленный УПК РФ применительно к отдельным процессуальным действиям. Причем перечислены конкретные следственные действия, направленные на фиксацию обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Шестая колонка посвящена доказательствам, которые подтверждают виновность подсудимого по приговору. В этом разделе таблицы выделены особенности оценки доказательств судом отдельно по обвинительным и оправдательным приговорам.

В седьмой колонке приведена квалификация преступления.

Наиболее интересные сведения отражены в восьмой колонке. Так, в ходе обобщения информации по обвинительным приговорам в 100 % случаев установлена взаимосвязь и соотношение криминалистических знаний с уголовными и уголовно-процессуальными знаниями. К провозглашению обвинительного приговора привела взаимосвязанная и согласованная криминалистическая, уголовно-процессуальная и уголовно-правовая деятельность органов предварительного расследования и суда.

Что касается оправдательных приговоров, то здесь иная картина. Во всех рассмотренных случаях такой взаимосвязи и соотношения не было. Однако причины,

которые привели к оправданию, довольно разные. Их изучение свидетельствует, что к провозглашению оправдательного приговора привело следующее:

- неэффективная криминалистическая деятельность (20 %);
- неэффективная процессуальная деятельность (13,5 %);
- неэффективная уголовно-правовая деятельность, в том числе ошибки в квалификации (13,5 %);
- сочетание неэффективной криминалистической и уголовно-процессуальной деятельности (7 %);
- отсутствие следов преступника на месте происшествия, потерпевшем и на орудии преступления, а также следов преступления на преступнике и его вещах (33 %);
- вердикт коллегии присяжных заседателей о невиновности подсудимого (13 %).

Приведенные статистические сведения расширявались в колонке.

Как видим, причины оправдания подсудимых разные. Причем, если исходить из предположения о том, что материальные следы на месте преступления имелись, однако не были обнаружены следователем, а также учесть случаи сочетания неэффективной криминалистической и уголовно-процессуальной деятельности, то показатель неэффективной криминалистической деятельности может возрасти до 60 % и стать весьма значительным. Это обстоятельство со всей очевидностью свидетельствует о значимости криминалистической деятельности в ходе расследования и судебного рассмотрения уголовных дел.

Изучение практики привело нас к твердому убеждению: прикладной характер криминалистики заключается в том, что, находясь на переднем крае борьбы с преступностью, она обеспечивает установление следовой картины происшедшего события криминалистическими приемами и средствами, что в последующем приводит к успешной реализации назначения уголовного судопроизводства, а также способствует решению задач уголовной политики.

В ряде случаев следователь не может установить следовую картину преступления. Причин этого чрезвычайно много.

Преступник мог быть таким «подготовленным», что просто не оставил материальных следов преступления, следовательно, и познать их невозможно. Полагаем, что такие причины являются объективными, они не зависят от лица, ведущего расследование. Вторая группа причин – субъективные причины. Они зависят от профессиональной подготовленности следователя, его опыта работы, наличия криминалистических знаний и умений.

Следовательно, *одна из задач криминалистики как науки – сократить число случаев, по которым установление следовой информации не произошло по субъективным причинам (отсутствие знаний, опыта, тактические и процессуальные ошибки, нарушения закона и т.п.). Именно в этом проявляется важнейшее практическое значение установления взаимосвязи и соотношения предметных связей криминалистики с уголовным и уголовно-процессуальным правом.*

Нетрудно заметить, что нами основной акцент сделан на материальную следовую картину. И это тоже вполне объяснимо, так как тактические аспекты, связанные с производством следственных действий, своего отражения в приговорах не находят.

И еще один, на наш взгляд, очень принципиальный вывод.

Как наличие, так и отсутствие практической взаимосвязи наглядно свидетельствует о том, что уголовное право, уголовный процесс и криминалистика представляют собой единый сплав знаний, входящий в общую систему уголовно-правовых наук.

Проведенное нами эмпирическое исследование позволило сделать следующие теоретические выводы.

1. *Уголовное, уголовно-процессуальное право и криминалистика образуют единый уголовно-правовой комплекс, соотносятся как полноценные части единого целого – уголовно-правовые науки.*

2. Существуют неразрывные связи между уголовным правом, уголовным процессом и криминалистикой, которые должны учитываться не только при разработке новых законодательных актов, но и в ходе правоприменительной деятельности.

3. Уголовное, уголовно-процессуальное право и криминалистика являются самостоятельными отраслями научных знаний, но только в рамках единого комплекса, так как изъятие из него хотя бы одной из составляющих делает другие его части бессмысленными и безжизненными.

4. Уголовное, уголовно-процессуальное право и криминалистика как самостоятельные отрасли права имеют собственный предмет регулирования и четкое разграничение сфер их регулирования, что имеет исключительно важное теоретическое и практическое значение.

5. Реализация уголовных и криминалистических правоотношений невозможна вне уголовно-процессуальной формы, что также свидетельствует о взаимосвязи исследуемых отраслей научного знания.

6. Взаимодействие уголовного, уголовно-процессуального права и криминалистики выражается и в обратном воздействии процессуальных норм на криминалистику. Например, невозможно представить себе тактические приемы и рекомендации, противоречащие УПК РФ.

7. Очевидно, что и материальное уголовное право оказывает влияние на криминалистику, например, при разработке частных криминалистических методик.

8. Юридическая квалификация содержания есть динамический комплексный процесс применения достижений криминалистики, материально-правовых и процессуальных норм на различных стадиях уголовного судопроизводства, подчиняющийся не только требованиям уголовного закона, но и процессуальным правилам.

Сделанные выводы носят не бесспорный характер. Кроме того, поскольку ранее мы отнесли криминалистику к уголовно-правовым наукам, необходимо сформулировать авторскую позицию и по вопросу о том, какие же отношения следует определить как криминалистические?

Полагаем, что криминалистические отношения имеют определенную специфику, обусловленную, в том числе, интегративным характером криминалистики. Выделим их основные специфические особенности.

1. Не все криминалистические отношения являются правовыми. Например, тактические вопросы взаимодействия властных участников процесса, организации, планирования расследования и некоторые другие к правовым отношениям отнести достаточно сложно.

2. Очевидно, что реализация криминалистических правовых отношений в настоящее время возможна только в форме уголовно-процессуальных правовых отношений, регламентированных соответствующими нормами уголовно-процессуального закона. При этом дифференциация предметных сфер криминалистики и уголовно-процессуального права отчасти возможна через призму решения вопроса о соотношении в методологии права философских категорий «форма» и «содержание». Например, Д.А. Керимов считает, что «понятие содержания права включает в себя не только сам по себе субстрат государственной воли, но и его определенное внутреннее состояние, сложную систему связей и отношений его компонентов как между собой, так и с внешней средой, которые характеризуются многими признаками, направленностью, целью, перспективами. Именно этот момент содержания права детерминирует (и вместе с тем объясняет) особенности той или иной правовой формы, которая имманентна специфическому состоянию развивающегося содержания... Специфика самого содержания права предопределяет юридически «развитую» форму в смысле наибольшей степени ее соответствия своему содержанию. Органическая связь и взаимопроникновение содержания и формы не должны давать повод для их смешения» [4, с. 179-180]. Таким образом, в рамках уголовно-процессуальной формы имеется криминалистическое содержание, составляющее сущность криминалистической науки.

3. Криминалистическая деятельность и, соответственно, возникающие криминалистические отношения обусловлены и регламентированы не только УПК РФ, но также иными нормами, содержащимися в других федеральных законах и подзаконных нормативных правовых актах (например:

Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», Указ Президента РФ от 23.11.1998 № 1422 «О мерах по совершенствованию организации предварительного следствия в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации, Положение о Следственном комитете при прокуратуре Российской Федерации, утвержденное Указом Президента РФ от 01.08.2007 № 1004 и некоторые другие). И подобному положению дел есть объяснение. Криминалистика прошла путь от естественно-научной дисциплины прикладного характера до специальной юридической дисциплины, имеющей специфический предмет и метод правового регулирования. Поэтому вполне логичной будет разработка и принятие соответствующего федерального закона, в котором будут учтены все основные вопросы, связанные с криминалистической деятельностью (поскольку все остальные компоненты следственной деятельности в той или иной мере законодательно закреплены). Предлагаемый к принятию федеральный закон может быть назван, например, так: «О криминалистической деятельности в Российской Федерации».

4. Криминалистические отношения возникают, изменяются и прекращаются по поводу уголовно-правовых отношений.

5. Одним из субъектов криминалистических отношений всегда выступает долж-

ностное лицо, наделенное властными полномочиями.

6. Государственно-властный характер криминалистических отношений в большинстве случаев складывается не в силу требований закона, а в силу воли вступающих в эти отношения субъектов, что является еще одним существенным отличием от уголовно-процессуальных отношений. В этом смысле для возникновения, движения и окончания криминалистических правовых отношений характерна диспозитивность, то есть свобода поведения участников правоотношения.

7. Круг субъектов криминалистических отношений специфичен.

Таким образом, *криминалистика соотносится с уголовным и уголовно-процессуальным правом как полноценная часть единого целого.*

1. Марков Ю.Г. Функциональный подход в современном научном познании. Новосибирск, 1980.

2. Головин А.Ю. Криминалистическая систематика: монография / под общ. ред. Н.П. Яблокова. М.: ЛексЭст, 2002.

3. Гуськова А.П. Избранные труды. Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 2007.

4. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М.: Аванта+, 2000.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА СО СЛЕДСТВИЕМ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ БАНДИТИЗМА

В.В. Половка

(начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Уральского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, г. Екатеринбург; 8 (343) 334-12-95; ural-mvd@mail.ru)

В данной научной статье автором проведен анализ взаимодействия подразделений уголовного розыска со следствием на первоначальном этапе раскрытия и расследования бандитизма. Наряду с этим рассмотрены тактические действия сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел при работе в составе следственно-оперативных групп, а также уделено внимание проблематике доказывания устойчивости выявляемых преступных групп.

Ключевые слова: уголовный розыск, следователь, взаимодействие, бандитизм, расследование, следственно-оперативная группа.

В соответствии со ст. 209 УК РФ бандитизм понимается как создание устойчивой вооруженной группы (банды) в целях нападения на граждан, организация или руководство бандой, а также участие в ней или совершаемых ею нападениях.

Банда – это устойчивая вооруженная группа в составе двух и более лиц, предварительно объединившихся для совершения нападений на граждан или учреждения.

Участники бандитских организаций совершают самые разные преступления: разбойные нападения, убийства, похищения и незаконное лишение свободы людей, захват средств транспорта с заложниками и так далее. В то же время способы преступлений разного вида, но совершенных одними и теми же субъектами, сходны по подготовительным операциям, распределению ролей, использованию орудий и средств, а также по приемам сокрытия.

Кроме того, в разных эпизодах преступной деятельности могут принимать участие различные субъекты, что отражается на содержании коллективного способа совершения криминального деяния. Несмотря на это, есть все основания утверждать, что способы совершения разных деяний, выполняемых членами одной банды, повторяются в основных своих чертах. Это позволяет использовать сведения о способах выявленных преступлений для выдвижения версий о совершении всех деяний одной бандой.

Расследование бандитизма связано прежде всего с организацией взаимодействия между органами дознания и следствия, поскольку предполагает большой объем работы и соблюдение специальных правил конспирации деятельности. Как правило, на первоначальном этапе расследования деятельности бандитской организации возникает необходимость установления в сжатые сроки субъектов преступления, места нахождения оружия и т.д.

Одновременно требуется принятие мер по обеспечению безопасности участников расследования. Для этого создаются следственно-оперативные группы (СОГ), в которые включаются представители органов дознания. Деятельность этих СОГ имеет свои особенности, заключающиеся в том, что в их структуре создаются подгруппы, каждая из которых расследует деятельность одного или нескольких участников банды. В состав этого подразделения включаются следователи и оперативные работники. Иногда целесообразно создание отдельной подгруппы, призванной обеспечить безопасность участников расследования. Допрос свидетелей является одним из основных процессуальных действий, проводимых на первоначальном этапе расследования.

Перед допросом свидетелю бандитского нападения следует обязательно разъяснить, что он имеет право требования не вносить в протокол данные о его личности.

Кроме того, с сомневающимися свидетелями в случае необходимости обсуждаются и другие возможные меры безопасности. К ним относятся временные изменения места жительства, обеспечение личной охраны свидетеля, установление за ним наблюдения и т.д.

При допросе очевидцев, потерпевших необходимо учитывать их эмоциональное состояние в момент совершения преступлений и во время их расследования. Когда очевидцы находятся в непосредственной близости от субъектов преступления, да еще вооруженных, они испытывают страх. То же самое можно сказать о потерпевших, дискомфортное состояние которых усугубляется в случаях причинения им физического вреда. Некоторые из очевидцев и потерпевших намеренно или подсознательно преувеличивают опасность выполнявшихся нападавшими действий, описывая субъектов преступления, придают их внешности угрожающий вид и т.д.

В ходе допроса таких лиц рекомендуется использовать приемы детализации показаний, указания на логические противоречия. При этом целесообразно вести диалог спокойно, в замедленном темпе, демонстрируя допрашиваемому доброжелательность и понимание.

Для установления роли каждого из нападавших рекомендуется использовать схемы места преступления, на которых допрашиваемые могли бы отмечать расположение нападавших на разных стадиях развития преступного события, одновременно описывая выполнявшиеся участниками нападения действия. У свидетелей – очевидцев и потерпевших следует выяснить, кто и каким образом (устными командами, жестами) руководил действиями нападавших, кто и чем был вооружен, кто применял оружие и кому причинялся вред. Подробно выясняются признаки внешности, особенности одежды и поведения каждого из нападавших. Естественно, допрашиваемым задают вопросы о том, откуда появились и куда скрылись субъекты преступления, в чем принесли оружие, куда складывали похищенное и т.д.

Некоторые из допрашиваемых затрудняются с определением марки, типа оружия и автотранспорта, использовавшихся членами банды. Таким целесообразно предъявлять при допросе альбомы с изображениями разных модификаций этих объектов. В некоторых ситуациях в целях групповой идентификации автотранспорт и оружие разного вида могут быть предъявлены очевидцам или потерпевшим для опознания. В этих ситуациях опознающие чаще всего указывают, что один из предъявленных объектов был похож на те, которые они видели во время нападения.

По делам о бандитизме могут допрашиваться очевидцы других преступлений банды, не связанных с нападениями: хищения, покупка, переделка оружия, сбыт похищенного и т.д. У этих свидетелей также подробно выясняются обстоятельства наблюдавшихся событий, приметы их участников.

В качестве свидетелей допрашиваются также лица, знающие о существовании банды, совершенных ее участниками преступлениях со слов членов преступной группы, их близких, родственников и т.д. Свидетелями являются и граждане, видевшие у членов банды оружие, похищенное имущество и т.д.

Довольно часто по делам данной категории проводится опознание. Очевидцам и потерпевшим предъявляются для опознания незнакомые им участники бандитского формирования. Такое опознание может проводиться только при твердой уверенности следователя в положительном результате, основанной на показаниях опознающих об индивидуальных признаках внешности опознаваемых. Подобные опознания желательно проводить в условиях, исключающих возможность визуального наблюдения опознаваемым опознающего (ч. 8 ст. 193 УПК РФ).

Для опознания также предъявляется одежда подозреваемых, изъятые у них оружие, похищенные вещи.

Важное значение имеет производство выемок и обысков у подозреваемых, их близких родственников. Это неотложное следственное действие должно проводить-

ся одновременно с задержанием подозреваемых или сразу после этого.

На стадии подготовки к обыску желательно изучить условия проведения этого следственного действия, выяснить места, в которых обыскиваемый уединялся или которые посещал непосредственно перед или вскоре после совершения преступлений. В этот же период решается вопрос о времени проведения обыска с одновременным задержанием подозреваемых, что ограничивает возможности утечки информации о ходе следствия и оказания коллективного противодействия со стороны участников банды.

Обыск может проводиться в присутствии подозреваемого, если есть достоверная информация о местах хранения искомых объектов, уверенность в их отыскании. Целью обыска является обнаружение орудий, средств совершения преступлений, похищенного имущества, сведений об участниках банды, доказательств их роли и деятельности.

Важное значение имеет поиск документов и других объектов, свидетельствующих о связях членов банды, их роли. Речь идет прежде всего о записных книжках с зафиксированными в них адресами, номерами телефонов соучастников. В этих же целях еще во время обыска, выемки следует фиксировать сведения из памяти телефонных аппаратов сотовой и проводной связи, электронных записных книжек, компьютеров.

В ходе обыска могут быть обнаружены записки, материалы переписки членов банды, а также черновые записи, отражающие сведения о встрече участников преступной группы, раздел преступной добычи, долговые обязательства.

Сразу же после обыска могут быть проведены осмотры обысканных помещений и участков местности, не являющихся местом происшествия. Чаще всего они производятся в целях получения более полных сведений о личности подозреваемых (обвиняемых). В судебно-следственной практике известны случаи изучения бандитскими формированиями специальной литературы об оружии, а также приемах, методах оперативно-розыскной деятельности и ведения расследования; источников с описани-

ем приемов противодействия расследованию. В целях усвоения этих приемов и методов участниками некоторых бандитских групп проводятся тренировки по использованию оружия, овладению приемами единоборств, исполнению роли сотрудников правоохранительных органов и т.д.

На месте проведения подобных занятий могут остаться следы тренировочных действий участников банды, пособия (плакаты, фотографии, видеозаписи) и другие сведения, которые могут быть использованы в процессе доказывания. Иногда действия членов банды во время таких занятий фиксируются на видеопленку.

На первоначальном этапе расследования проводятся следственные осмотры оружия, одежды подозреваемых, принадлежащих им документов, телефонных аппаратов мобильной связи и т.д. Названные осмотры желательно проводить с участием специалистов, которые помогут выявить следы на осматриваемых объектах.

По делам о бандитизме могут проводиться трасологические, баллистические, судебно-медицинские, химические, физические экспертизы, а также исследования с целью выявления следов-наложений.

Последние проводятся с целью выявления микрочастиц, перешедших с мест происхождения, от одежды потерпевших, с оружия, изъятого у подозреваемых, на их одежду, обувь, тело. Аналогичные экспертизы проводятся для установления фактов переноса частиц с обуви, одежды, тела подозреваемых на объекты, контактировавшие с ними во время совершения преступления.

Важным элементом первоначального этапа расследования является проверка обоснованности подозрения в бандитизме. Она может осуществляться в несколько этапов. В сложных проблемных ситуациях, когда следствие не обладает полными, достоверными данными о всей преступной деятельности банды, проверка начинается с эпизода, сведения о причастности к которому послужили основанием для задержания или ареста подозреваемого. При наличии нескольких подозреваемых важно правильно избрать очередность их допросов. Вряд ли можно согласиться с рекомендацией допра-

шивать в первую очередь тех задержанных, которые занимают более низкое положение в иерархии банды. Первыми желательно допрашивать подозреваемых с повышенной эмоциональностью, не способных к длительному противодействию расследованию, не умеющих быстро и объективно оценивать сложившуюся ситуацию, а также недовольных своим положением в группе. Рядовые участники бандитских формирований нередко характеризуются достаточно слабыми интеллектуальными качествами, в силу которых искренне верят в справедливость внутригрупповых норм поведения и необходимость их соблюдения. Те из них, кто подвергался наказанию за несоблюдение указанных норм или был свидетелем подобных процедур, испытывают чувство страха подвергнуться таким мерам со стороны криминогенного контингента больше, чем мерам уголовной ответственности. Поэтому еще до задержания участников банды изучается личность каждого из них, чтобы определить свойства, которые могут быть использованы для получения объективных и достоверных показаний.

Условия сложившейся следственной ситуации в известной степени характеризуются основаниями для задержания или ареста. Однако даже при задержании с поличным, внешне характеризующем ситуацию как не очень сложную, следователь должен быть предельно осторожен и прогнозировать неблагоприятное развитие событий в ходе допроса. Например, члены банды, задержанные с оружием, нередко заявляют, что нашли его незадолго до задержания, намеревались сдать его в правоохранительные органы, но не успели. Подобные показания опровергаются предъявлением протоколов осмотра оружия, на котором обнаружены следы ухода за ним, а также заключение специалиста или эксперта о том, что на оружии, прежде всего на его внутренних деталях, выявлены отпечатки рук допрашиваемого. Наиболее сильными в данной ситуации доказательствами являются показания свидетелей приобретения и использования подозреваемым оружия.

При задержании с поличным на месте нападения некоторые подозреваемые успе-

вают выбросить оружие, похищенные предметы и утверждают, что оказались там случайно. В этих ситуациях им предъявляются показания очевидцев, заключения специалистов или экспертов о наличии на выброшенных объектах следов задержанного.

Подозреваемые, задержанные по описанию очевидцев, нередко пытаются преуменьшить степень своего участия или выгородить еще не установленных участников. В таких ситуациях целесообразно использовать приемы детализации показаний в целях выявления в них противоречий, на которые указывает допрашиваемому. Кроме того, предъявляется информация, опровергающая показания подозреваемого.

Задержанные с похищенными вещами спустя определенное время после нападения заявляют, что нашли или приобрели изъятые объекты у неизвестных им лиц. При этом они выдвигают алиби или заявляют, что не были на месте преступления, но не помнят, где конкретно находились. В этом случае возможно два варианта преодоления противодействия подозреваемого. Ему либо предъявляются сведения о пребывании на месте преступления, либо доказательства отсутствия в называемом им месте.

При обнаружении следов подозреваемого на месте преступления или микрочастиц с места происшествия на его одежде допрашиваемый не отрицает пребывания в указанных местах, но заявляет, что находился там до совершения общественно опасного деяния или после этого. В этих ситуациях целесообразно предъявление допрашиваемому информации о контакте с потерпевшим или предметом посягательства, применения оружия, обнаруженного у подозреваемого, а также его использовании.

Приемы предъявления информации должны сочетаться с воздействием на эмоциональную сферу подозреваемого в целях углубления у него зародившегося чувства неуверенности в занимаемой позиции.

Подозреваемому, испытывающему страх перед наказанием, недоверие к соучастникам, следует разъяснить, что наиболее целесообразный выход из создавшегося положения – дача объективных по-

казаний. В противном случае доказательства его виновности могут исследоваться и оцениваться односторонне, а соучастники могут воспользоваться ситуацией для необоснованного преувеличения его вины.

Проверку обоснованности подозрения в убийстве целесообразно осуществлять путем проведения тактических операций, сочетающих проведение следственных и оперативно-розыскных мероприятий. Производство последних необходимо для получения информации о расследуемых преступлениях, а также о состоянии подозреваемых, их реакциях на информацию, передаваемую им в ходе допросов. Необходимо отметить, что должна быть обеспечена строгая изоляция подозреваемых, дабы они не смогли объединить усилия по противодействию расследованию. Для полного решения этой задачи необходимо отбирать подписки о неразглашении полученных в ходе следствия данных у адвокатов, которые могут обмениваться информацией с коллегами, участвующими в деле, передавать полученные данные подзащитным. В некоторых ситуациях подозреваемым все-таки удастся налаживать каналы связи с другими задержанными, скрывающимися соучастниками, а также с близкими и родственниками. Далеко не всегда следует пресекать подобный обмен информацией. Если имеется возможность скрытно контролировать не только переда-

чу-получение информации, но и поведение адресатов, необходимо воспользоваться ей. При осуществлении такого контроля могут использоваться приемы рефлексивного управления, формирования желания участников передавать большой объем данных, свидетельствующих об их причастности к расследуемому преступлению.

Наиболее сложной задачей по делам данной категории является доказывание устойчивости выявленной преступной группы, особенно при ее разоблачении в начале деятельности после совершения нескольких преступлений. Защита в ряде случаев предпринимает далеко не безуспешные попытки доказывания отсутствия у членов преступного формирования умысла на неоднократное совершение преступления. Вызвано это тем, что органы расследования пытаются доказать наличие этого признака состава бандитизма в основном путем получения признательных показаний членов криминального объединения. О намерениях продолжения преступной деятельности могут свидетельствовать запасы оружия, средств совершения преступления, данные о подготовке других преступлений, а также о приготовлениях к переходу на нелегальное положение и т.д.

Доказывание рассматриваемого признака состава преступления требует кропотливой работы по собиранию и оценке имеющихся доказательств.

Раздел 7. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

ИЗУЧЕНИЕ ДАННЫХ О ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, ПРЕДШЕСТВУЮЩЕЕ ВЫНЕСЕНИЮ ПРИГОВОРА ПО ДЕЛАМ ОБ УБИЙСТВАХ, СОВЕРШЕННЫХ ИЗ ЛИЧНЫХ НЕПРИЯЗНЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

Д.Р. Васильева

(аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Института государства
и права Тюменского государственного университета; vasilieva@teslo.ru)

Статья посвящена проблеме изучения личности преступника на стадии судебного разбирательства. Автором сформулирована собственная позиция по исследуемому вопросу.

Ключевые слова: криминалистика, личность преступника, судебное разбирательство, сведения, характеризующие личность, обобщение практики, принудительные меры медицинского характера.

Изучению данных о преступнике в ходе предварительного следствия, а также на стадии судебного разбирательства в криминалистической и уголовно-процессуальной литературе уделено достаточное внимание. Основная масса трудов, связанных с изучением личности преступника на различных стадиях уголовного процесса, была написана в 70-е – 80-е гг. XX столетия. Так, разработкой данного вопроса занимались такие ученые, как Н.Т. Ведерников, Л.Г. Видонов, В.К. Гавло, Ф.В. Глазырин, А.П. Гуськова, М.Г. Коршик, А.С. Кривошеев, Г.К. Курашвили, И.А. Матусевич, С.С. Степичев, П.П. Цветков и др.

«В настоящее время, – отмечает Ф.В. Глазырин, – в правовых науках отчетливо складываются следующие виды изучения личности правонарушителя: криминологический, уголовно-правовой, уголовно-процессуальный, судебно-психологический, пенитенциарный и криминалистический. Все они составляют целое – правовое исследование личности» [1, с. 5].

Учитывая общую тенденцию к индивидуализации уголовной ответственности, необходимости постоянного обмена опытом с зарубежными коллегами, интерес к личности преступника возрастает. Среди трудов российских криминалистов и процессуалистов, изданных в последние годы, следует отметить работы следующих авторов: Р.Л. Ахмедшин, Н.Н. Демидов,

М.А. Лушечкина, В.А. Образцов, Г.И. Поврезнюк, В.М. Шматов, Н.П. Яблоков.

Вместе с тем остаются неразрешенными некоторые вопросы. В частности, не в полной мере исследованы проблемы изучения данных о личности преступника на стадии судебного разбирательства в современном уголовном процессе. К данному аспекту в свое время обращалась профессор А.П. Гуськова, отмечая, что «для обеспечения полноты исследования данных о личности обвиняемого судом в судебном заседании значение стадии предания суду велико» [2, с. 71].

Нами было проведено обобщение практики по приговорам судов различных субъектов Российской Федерации. В ходе проведенного исследования было изучено 400 приговоров по делам об убийствах, совершенных на почве личных неприязненных отношений (ч. 1 ст. 105 УК РФ), что позволило выявить некоторые правовые и криминалистические проблемы, возникающие при изучении данных о личности преступника и вынесении приговоров по исследуемой категории дел.

1. В силу п. 3 ч. 1 ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса РФ обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, подлежат доказыванию по уголовному делу. В развитие этого положения в одном из постановлений Пленума Верховного Суда РФ упомянуто, что в приговоре сле-

дует указывать сведения, характеризующие личность подсудимого [3].

Совершенно справедливо, на наш взгляд, отмечают Б. Корсаков и А. Любавин, что «обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, должны тщательно исследоваться в качестве самостоятельного элемента доказывания» [4, с. 22].

Ряд исследователей считают, что конкретные данные о преступнике, его привычках, навыках, характере, темпераменте могут быть использованы в качестве косвенного доказательства [5, с. 14].

В ходе проведенного нами обобщения практики было установлено, что в ряде случаев судьи пренебрегают такими данными о лице, совершившем преступление. Так, в 11 % (43) от общего числа изученных нами приговоров были даны только социально-демографические данные о лице (Ф.И.О., пол, возраст, место рождения, семейное положение и т.д.), в то время как характеризующие сведения с места жительства, работы или учебы были упущены. Характерным является то, что четвертая часть из этих приговоров была вынесена областным судом.

Думается, что только полная информация о личности позволяет суду правильно определить наказание и постановить не только законный, обоснованный, но и справедливый приговор. Так, согласно ч. 1 ст. 6 Уголовного кодекса РФ, наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и, подчеркнем, **личности виновного**.

Следовательно, отсутствие информации о личности преступника как одного из обстоятельств, подлежащих доказыванию и обязательной оценке при вынесении приговора, а соответственно и ее описанию в тексте итогового решения по делу, может явиться основанием для отмены приговора вышестоящим судом.

2. Источниками данных о личности преступника, как правило, являются письменные характеристики с места жительс-

тва, работы и (или) учебы, которые были получены по запросу следователя или защитника в ходе предварительного расследования. К сожалению, как показал анализ, их содержание зачастую носит формальный характер. Характеристики по месту жительства даются участковым уполномоченным милиции, которому известны в основном сведения о предыдущих судимостях лица, совершившего преступление, и о привлечении к административной ответственности. Сведения о преступнике, данные соседями, как правило, являются положительными, поскольку их составляет адвокат либо родственники подсудимого. Характеризующая информация с места работы в своем большинстве также бессмысленна, поскольку выдается отделом кадров, который практически не сталкивается с данным работником.

Справедливо отмечено П.А. Лупинской, что принцип непосредственности исследования доказательств (ст. 240 УПК РФ) требует, чтобы суды не ограничивались приобщением характеристик, а допрашивали лиц, их подписавших [6, с. 9]. В связи с этим полагаем, что суд может получить информацию о личностных качествах преступника непосредственно от лиц, которые с ним взаимодействуют. Это могут быть соседи, коллеги, родственники, знакомые и друзья. Получение информации можно осуществить путем их допроса в ходе судебного следствия или оглашения в судебном заседании показаний, полученных на стадии предварительного расследования в соответствии с положениями ст. 281 УПК РФ.

3. При решении вопроса о наказании суду необходимо выявить личностные факторы, способствовавшие совершению преступления. Полагаем, что в связи с этим необходимо обратить внимание на предупреждение совершения преступлений.

Проведенное исследование показало, что 19,4 % (76) лиц, совершивших убийство на почве личных неприязненных отношений, имеют психические отклонения, не исключаящие вменяемости, основная масса которых связана с органическим расстройством личности в связи с заболеваниями головного мозга. Так, юристы, психо-

логи и психиатры высказывают предположение о целесообразности проведения в таких случаях психолого-психиатрической экспертизы [7, с. 10].

Считаем, что в таких случаях суду при вынесении приговора всегда следует ставить вопрос о последующем контроле со стороны врача-психиатра на территории мест лишения свободы для предотвращения возможных последствий, и даже излечения преступника. В связи с большими перспективами психического выздоровления особенно актуален этот вопрос в отношении несовершеннолетних лиц, страдающих психическими заболеваниями, не исключаяющими вменяемости.

Более того, в отношении лиц, совершивших убийство на почве личных неприязненных отношений, страдающих психическими заболеваниями, целесообразно ставить вопрос о применении принудительных мер медицинского характера и необходимости их назначения (ст. 97 УК РФ). Однако ни в одном из изученных нами приговоров такие меры в отношении подсудимых не были применены, что, на наш взгляд, противоречит действующему уголовно-правовому законодательству.

Не менее остро стоит вопрос об алкоголизме среди лиц, совершивших преступления. Так, учитывая, что 89,4 % (349) таких преступлений совершается в состоянии алкогольного опьянения, считаем необходимым обратиться к вопросу о принудительном лечении от алкоголизма. Применение подобных мер в настоящее время регулируется нормами ч. 3 ст. 18 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, предусматривающей следующее: «К осужденным к ограничению свободы, аресту, лишению свободы, больным алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией, ВИЧ-инфицированным осужденным, а также осужденным, больным открытой формой туберкулеза или не прошедшим полного курса лечения венерического заболевания, учреждением, исполняющим указанные виды наказаний, по решению медицинской комиссии применяется обязательное лечение».

В настоящее время информация о состоянии здоровья лица, привлекаемого

к уголовной ответственности, суд не интересуется, за исключением случаев инвалидности лица. Тем не менее полагаем, что установление таких фактов имеет важное значение. Так, преступник находится в постоянном контакте со многими людьми: во время предварительного следствия, судебного заседания, конвоирования и т.п. Непринятие мер по ограждению преступника от лиц, находящихся в контакте с ним, может повлечь их заражение и прочие негативные последствия.

Таким образом, считаем необходимым установление фактов о состоянии здоровья преступника в процессе расследования преступления и (или) на стадии судебного разбирательства путем назначения соответствующих экспертиз и их изучение в судебном заседании для решения вопроса об особенностях прохождения наказания для больных лиц.

4. Зачастую информацию о личности преступника можно получить путем исследования его следов, оставленных на месте происшествия. Данные сведения следует использовать при вынесении приговора.

Однако описание следовой картины, материальных следов преступника на месте совершения преступления имелось только в 11 % изученных нами приговоров. Такие показатели внушают тревогу за качество расследования подобных преступлений, поскольку в некотором смысле противоречат нормам ч. 1 ст. 297 УПК РФ об обоснованности приговора.

Мы придерживаемся мнения, устоявшегося в криминалистической науке, о приоритете материальных следов по отношению к идеальным. В связи с этим считаем опасной практику вынесения приговора только при установлении события преступления (наличие трупа с признаками насильственной смерти и судебно-медицинского заключения, подтверждающего такие выводы) и при наличии признательных показаний подсудимого и обличающих показаний свидетелей.

Следовательно, считаем необходимым тщательное изучение и отражение полной картины материальных следов, оставленных преступником (при их наличии)

в описательно-мотивировочной части приговора суда.

На основании вышеизложенного следует сделать вывод о том, что информация о личности преступника не находит должного отражения в приговорах судов, что приводит к следующим сложностям:

1) отмена приговора и направление на новое рассмотрение уголовного дела ввиду полного отсутствия в тексте приговора данных, характеризующих личность преступника;

2) формальные характеристики с места жительства, работы, учебы и т.д. приводят к искаженному восприятию личности преступника как в ходе судебного разбирательства, так и в ходе отбывания наказания;

3) отсутствие в материалах дела информации о состоянии здоровья преступника повышает риск заболевания для должностных лиц, осуществляющих постоянное общение с преступником;

4) отсутствие в приговоре описания материальных следов, оставленных преступником, либо их неверная оценка и описание приводят к искаженному восприятию картины происшедшего события и неверной оценке других доказательств, собранных по делу, а в конечном итоге – к

вынесению незаконного и необоснованного приговора.

1. Глазырин Ф.В. Криминалистическое изучение личности обвиняемого: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1973.

2. Гуськова А.П. Избранные труды. Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 2007. 764 с.

3. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постан. Пленума Верховного Суда РФ от 11.01.2007 № 2 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 7.

4. Корсаков Б., Любавин А. Исследование личности обвиняемого // Соц. законность. 1959. № 2.

5. Чегодаева С.С. Криминалистическое исследование улик поведения. М.: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2005. 112 с.

6. Лупинская П.А. Установление обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого // Советская юстиция. 1982. № 2.

7. Коченов М.М. Комплексная психолого-психиатрическая экспертиза (к постановке проблемы) // Вопросы борьбы с преступностью. 1978. № 29.

Раздел 8. Подготовка кадров для правоохранительных органов и научная жизнь высшей школы

СОВРЕМЕННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБУЧЕНИЯ

А.А. Пегушин

(доцент кафедры тактико-специальной подготовки
Тюменского юридического института МВД России, кандидат военных наук;
8 (3452) 59-84-87)

В статье рассматриваются вопросы повышения качества обучения и воспитания слушателей (курсантов) через применение современных образовательных технологий; раскрывается смысл технологической направленности педагогической деятельности; дается понятие педагогической (образовательной) технологии.

Ключевые слова: образовательные технологии, педагогическое мастерство, обучение, формы и методы обучения, учебные цели, учебный процесс, технические средства обучения, компьютеризация.

Не секрет, что в системе образования, в том числе во многих вузах, существует неразрешимое противостояние между теорией и практикой педагогической науки, между тем, как «надо» учить и работать с обучаемыми и тем, как «реально» учат и работают педагогические кадры. В документах о реформе образования содержатся требования о решительном искоренении любых проявлений формализма в содержании и методах учебно-воспитательной работы и жизни вузов, в оценке знаний обучаемых, преодолении так называемой процентомании. Но чтобы «искоренить», сначала следует научиться распознавать эти явления, а чтобы «преодолевать», нужно чем-то заменить то, что отброшено и преодолено. На наш взгляд, сегодня следует вести речь не столько о положительных примерах, сколько о природе и истоках негативных явлений в жизни вузов, о путях и методах их искоренения и преодоления.

Важнейшей задачей образовательных учреждений МВД России является повышение качества обучения и воспитания слушателей (курсантов). Актуальность ее ныне неизмеримо возросла, что связано с особенностями военно-политической обстановки, характером военной доктрины Российской Федерации, реформы образования, требованиями Министра внутренних дел о повышении уровня профессиональной подготовки сотрудников органов

внутренних дел, а также переходом к новым качественным параметрам противодействия правоохранительных органов организованной преступности и терроризму.

Как правило, к овладению мастерством обучения и воспитания слушателей (курсантов) педагог идет своей дорогой, путем проб и ошибок. К сожалению, так сложилось, что преподавателей вузов педагогическому мастерству специально не учат, хотя еще А.С. Макаренко подчеркивал, что педагога надо учить профессии, «как надо учить врача его мастерству, как надо учить музыканта» [1, с. 260]. Это очень актуально в настоящее время. Для этого имеется ряд причин.

Сегодня, к сожалению, немалая часть слушателей (курсантов) учится, как говорится, под силовым нажимом (мы их заставляем), на первый план они ставят не знания, а хорошую оценку. В ряде вузов стимулом для этого являются вполне материализованные блага, к примеру, проживание вне расположения вуза курсантов старших курсов, увеличенная стипендия, премии и т.д.

В педагогической литературе много говорится о необходимости формирования творческой личности, развития творческих способностей обучаемых. Достаточно ли делается реально в этом направлении? Ответ скорее отрицательный, чем положительный. Как показывает опыт организации

учебного процесса в вузах соотношение удельного веса репродуктивных и творческих операций таково, что на учебно-творческую деятельность обучаемых отводится недопустимо мало учебного времени. Как правило, ею охвачены единицы слушателей (курсантов). И, что самое главное, на нее не ориентируются преподаватели, она не увлекает обучаемых.

К определенным проблемам приводит и омоложение кадров, в том числе и преподавательского состава учебных заведений. Это значит, что уходят опытные педагоги, а молодые еще не могут в полной мере их заменить.

Не изжиты и чиновничьи подходы к организации учебного процесса, по которым нам не нужны профессионалы, творчески мыслящие, принципиальные преподаватели и командиры, нам нужны люди, «понимающие», как надо работать.

На многих мероприятиях, направленных на совершенствование учебно-воспитательного процесса, в том числе на учебно-методических сборах, часто обсуждаются вопросы применения новых форм и методов в обучении слушателей (курсантов) и почти никогда – приемов, связанных с педагогическим мастерством. Таким образом, главная фигура в вузе – преподаватель – в этом плане оказывается почти без воздействия опытных учителей-наставников. К сожалению, при комплектовании кафедр преподавательским составом профессиональный отбор осуществляется интуитивно, преобладающей оценкой является не наличие, к примеру, педагогического, войскового, командного, практического опыта службы в ОВД, других силовых структурах, а лишь ученой степени, что совсем не обязательно соответствует высокому педагогическому мастерству педагога.

Обновление высшей, особенно военной, школы видится через научно обоснованное совершенствование педагогической технологии, предполагающее строго научное проектирование и точное воспроизведение в аудитории гарантирующих успех педагогических процессов, а не через надежду на мифическое, неизвестно откуда возникающее педагогическое мастер-

ство преподавателя. Эффективная, научно обоснованная технология обучения и воспитания – это и есть педагогическое мастерство.

Понятие «образовательная технология», первоначально рассматривавшееся как обучение с помощью технических средств, при все более глубоком овладении им педагогическими массами трансформировалось в представление о систематическом и последовательном воплощении на практике заранее спроектированного учебно-воспитательного процесса. Поскольку описание любого учебно-воспитательного процесса представляет собой описание некоторой педагогической системы, то, естественно, что образовательная технология – это проект определенной педагогической системы, реализуемый на практике.

Под педагогической системой мы понимаем совокупность взаимосвязанных средств, методов и процессов, необходимых для создания организованного, целенаправленного и преднамеренного педагогического влияния на формирование личности с заданными качествами. Следовательно, целостными ориентациями конкретного общества задаются цели формирования личности, а значит, и та или иная педагогическая система: меняются цели – должна меняться и система.

Структура педагогической системы включает в себя, прежде всего, те элементы, которые структурируют дидактические задачи и собственно технологию обучения и воспитания.

В структуре дидактической задачи, как и в задаче в любой сфере человеческой деятельности, отображается цель, достижение которой обусловлено ситуацией (условиями) и имеющейся информацией (содержанием) для деятельности. Для дидактической задачи цель – необходимость формирования определенных качеств личности; ситуация (условия) – это исходные личностные качества обучаемых, а информация – содержание учебной дисциплины (учебного предмета) или воспитательного влияния. Каждая дидактическая задача разрешима с помощью адекватной технологии обучения, целостность которой обеспечива-

ется взаимосвязанной разработкой и использованием трех ее компонентов: организационной формы, дидактического процесса и квалификации преподавателя (или качества технического средства обучения).

В чем же состоит глубинный смысл технологической направленности педагогических исследований и разработок, а следовательно, и образовательной технологии в целом?

Во-первых, посредством педагогической технологии педагоги стремятся свести к минимуму педагогические экспромты в ходе занятий и перевести преподавание на путь предварительного проектирования учебно-воспитательного процесса и последующего воспроизведения проекта его модели в аудитории (классе). Это может быть успешно сделано при правильной постановке дидактической задачи, определяющей содержание обучения и воспитания, и выборе технологии обучения (организационных форм обучения).

Во-вторых, в отличие от использующихся методических разработок на каждое занятие, предназначенных для преподавателя, педагогическая технология предлагает проект учебно-воспитательного процесса, определяющий структуру и содержание учебно-познавательной деятельности самого обучаемого. Если такая методическая разработка не может быть воспроизведена однозначно каждым преподавателем, то, как показал опыт программированного обучения в институте, проектирование учебно-познавательной деятельности ведет к высокой стабильности успехов практически любого числа слушателей (курсантов). В этом направлении и на кафедре тактико-специальной подготовки Тюменского юридического института МВД России предпринимаются первые шаги. Первой ступенью является компьютеризация педагогического процесса. Разработаны три из четырех компьютерных обучающих и контролирующих программ, позволяющие проводить занятия с курсантами в составе половины группы (такова возможность компьютерного класса). В ходе этих занятий не только преподаватель может контролировать уровень знаний курсантов, но

и сами обучаемые могут оценить себя и найти правильный вариант ответа.

Одним из результатов применения педагогической технологии при изложении учебного материала слушателям в связи со стремлением преподавателя как можно детальнее выделить все, что поддается определению, перечислению, является обилие схем, слайдов, рисунков, графиков и т.д. Это привело также к оснащению аудиторий компьютерами, использованию мультимедийного сопровождения лекций.

В современных условиях, когда компьютеризация педагогического процесса стала уже реальностью, педагогическое проектирование – единственное условие его эффективной реализации.

В-третьих, существенная черта педагогической технологии – процесс целеобразования.

Типичные способы постановки целей, которые применяются многими преподавателями, практически сходны. Они таковы:

1. Определение целей через изучаемое содержание. Например: «изучить основы специальной операции», «рассказать о принципе действий дозиметрических приборов». Что дает такой способ постановки цели? Пожалуй, только одно указание на область, затрагиваемую занятием или курсом занятий. Однако содержится ли в таких формулировках целей что-либо конструктивное для построения данного процесса? В частности, можно ли, исходя из такого ряда формулировок, судить о достижении той или иной цели? Иначе говоря, является ли этот способ постановки цели инструментальным по отношению к учебному процессу? Очевидно, что нет. Поэтому с точки зрения педагогической технологии он считается явно недостаточным.

2. Определение целей через деятельность преподавателя. Например: «ознакомить курсантов с принципом действия миноискателя» или «научить обучаемых алгоритму работы руководителя специальной операции. Такой способ постановки цели – «от преподавателя» – сосредоточен на его собственной деятельности и создает впечатление прояснения и упорядочения

в работе. Однако преподаватель намечает свои действия, не обладая возможностью сверяться с их последствиями, с реальными результатами обучения, так как эти результаты не предусмотрены данным способом постановки цели. Такой способ постановки целей носит неинструментальный, нетехнологичный характер, достижение его скрыто, замаскировано.

3. Постановка целей через внутренние процессы интеллектуального, эмоционального, личностного и т.п. развития обучаемого. Например: «формировать умение правильно оценивать обстановку»; «углубить и расширить знания по методике оценки радиационной и химической обстановки». В формулировках такого рода мы узнаем обобщенные образовательные цели – на уровне вуза, учебной дисциплины, но не на уровне занятия. А значит, педагогическая технология отрицает и этот способ постановки целей. В самом деле, возможно ли убедиться в достижении такого рода целей или хотя бы в продвижении к ним по результатам одного занятия? В таком способе нельзя обнаружить ориентиры, по которым можно судить о достижении цели; для этого она поставлена слишком «процессуально». Такой способ является принципиально неплодотворным. Нужно не ограничиваться общими формулировками, продвигаться по пути их уточнения. И здесь значительную помощь могут оказать те приемы уточнения целей, которые созданы в рамках педагогической технологии (о них будет говориться далее).

4. Постановка целей через учебную деятельность слушателей (курсантов). Например: «цель занятия – отработать приемы и способы защиты от воздействия поражающих факторов оружия массового поражения противника», или «выполнить норматив по оборудованию окопа для стрельбы лежа», или «осмыслить порядок взаимодействия разнородных сил при решении поставленной задачи».

На первый взгляд, такая формулировка учебной цели вносит определенность в планирование и проведение занятия. Однако и здесь из поля зрения выпадает важнейший момент – ожидаемый результат

обучения, его последствия. Этот результат есть не что иное, как определенный успех в развитии обучаемого, который находит отражение в той или иной его деятельности.

Трудно не согласиться с требованиями педагогической технологии в том, что определение целей обучения через содержание дисциплины, процесс деятельности преподавателя или слушателя (курсанта) не дает полного представления о предполагаемых результатах обучения. При таких способах определения целей работа преподавателя может превратиться в самоценный ритуал. Что же касается обращения к долгосрочным целям развития, то их достижение выходит за пределы повседневного учебного процесса. Поэтому, даже признавая их необходимость, нельзя отрицать известной неясности, неопределенности, догматизма.

Способ постановки целей, который предлагает педагогическая технология, отличается повышенной инструментальностью. Он состоит в том, что цели обучения формируются через результаты обучения, выраженные в действиях слушателей (курсантов), причем таких, которые преподаватель может надежно опознать.

Правда, эта плодотворная идея сталкивается со значительными трудностями. Каким способом перевести результаты обучения на язык действий? Как добиться однозначности этого перевода?

Эти вопросы решаются двумя основными способами:

1) построением четкой системы целей, внутри которой выделены их категории и последовательные уровни (иерархия), – такие системы получили название педагогических таксономий (таксономия – от греческих слов *taxis* – расположение по порядку и *nomos* – закон, означает такую классификацию и систематизацию объектов, которая построена на основе их естественной взаимосвязи и используется для описания объектов категории, расположенных последовательно, по нарастающей сложности, то есть по иерархии);

2) созданием максимально ясного, конкретного языка для описания целей обучения, на который преподаватель мо-

жет перевести недостаточно четкие формулировки.

Наконец, в-четвертых, благодаря представлению о предмете педагогической технологии как проекте определенной педагогической системы можно сформулировать важный принцип разработки педагогической технологии и ее реализации на практике – принцип целостности, структурной и содержательной, всего учебно-воспитательного процесса. Это означает достижение гармоничного взаимодействия всех элементов педагогической системы образования любого вуза как в рамках одного периода обучения (месяца, семестра или учебного года), так и на весь период обучения. При этом недопустимо внесение изменений в один из элементов педагогической системы, не затрагивая соответствующей перестройкой другие. К примеру, изменяя цели образования, оставляют неизменными его содержание и процессы обучения. Это может привести к деформированию педагогической системы, бесконечному перекраиванию учебных планов и программ.

Целостное функционирование всей педагогической системы вуза (учебно-воспитательного процесса), в том числе и процесса обучения дисциплинам на кафедре, позволяет профессорско-преподавательскому составу разрабатывать качественные и относительно стабильные учебно-методические материалы для успешной подготовки слушателей к их последующей работе в органах внутренних дел. Именно тогда преподаватели будут иметь возможность больше внимания уделять упорядочению содержания обучения – его разгрузке, упрощению, целенаправленности и точности изложения, а не кардинально изменять структуру и содержание учебно-методических материалов. Такой подход к учебному процессу невозможен без точной и четкой формулировки концептуальной идеи и структуры, которым адресованы слова А.С. Макаренко: «Я люблю именно педагогическую теорию, а не педагогическую болтовню, а иногда всякую болтовню называют педагогической теорией. Я хочу, чтобы педагогическая теория была настоящей» [1, с. 359]. Вот поэтому особое вни-

мание в новой концепции высшей школы необходимо уделять именно радикальному упорядочению содержания обучения. Профессиональная направленность обучения и воспитания слушателей (курсантов) означает, помимо дифференцированного овладения основами наук, еще и постепенную целенаправленную выработку у обучающихся устойчивых знаний, умений, и навыков, необходимых в их будущей работе. Вот почему в истории педагогической науки в явном виде прослеживается постоянный поиск все более совершенных методов и приемов преподавания и подготовки кадров. Уроки истории педагогики весьма поучительны, чтобы понять, насколько применяемые педагогами сегодня методы и средства обучения соответствуют современным запросам к процессу обучения и достигнутым в научной педагогике возможностям.

Преподавание – это такая же производительная деятельность, как и любая другая, хотя ее эффективность для прогресса общества не всегда просматривается непосредственно и сразу по окончании деятельности педагога. Тем не менее к преподаванию, как и ко всякой другой деятельности, относятся слова о том, что экономические эпохи различаются не столько тем, что производится, сколько тем, как производится, какими средствами труда.

Если с этих позиций рассматривать «педагогические эпохи», то их окажется в истории педагогики не больше, чем в общественной истории в целом:

I – эпоха педагогической деятельности индивидуального педагога, если можно так выразиться, работающего «вручную»;

II – эпоха учебной книги;

III – эпоха аудиовизуальных средств;

IV – эпоха простых средств автоматизации управления обучением;

V – эпоха адаптивных средств автоматизации управления обучением на базе современных ЭВМ.

Наступление эпохи компьютеров не знаменуется приобретением компьютеров и внесением их в аудиторию (учебный класс, кабинет). Надо постоянно иметь в виду принцип целостности проектирова-

ния и использования педагогической технологии и действовать в соответствии с этим принципом. Если в педагогическую систему в качестве технического средства обучения вводится компьютер, то все другие ее элементы должны быть в такой степени настроены под него, чтобы получилась качественно новая, совершенная педагогическая технология, использующая все дидактические возможности компьютера. У нас же компьютер часто используется в качестве демонстрации выдержек из материала лекции.

Достижимый с использованием ЭВМ эффект процесса обучения и воспитания должен быть сопоставим с работой наиболее квалифицированного и талантливого преподавателя.

Закономерно, что проблема повышения качества высшего образования рассматривается как с точки зрения внедрения в учебный процесс важнейших социальных завоеваний и достижений научно-технического прогресса, так и с точки зрения дальнейшего поступательного развития системы образования. Поэтому так остро стоит вопрос о поиске адекватной этому развитию модели педагогической технологии.

Понятие «технология» возникло в связи с техническим прогрессом и, согласно словарям (*techne* – в переводе с греческого – искусство, знание, умение, ремесло, наука, приемы работы и приложение их к делу; *logos* – понятие, учение), есть совокупность знаний о способах и средствах отработки материалов. В области образования методика обучения – это способы работы преподавателя и обучаемых, при помощи которых достигается овладение знаниями, умениями, навыками, формируется мировоззрение слушателей (курсантов), развиваются их профессиональные способности.

«Педагогическая технология», по мнению ученых-педагогов, понимается как не просто исследования в сфере использования технических средств обучения или компьютеров; это исследования с целью выявить принципы и разработать приемы оптимизации образовательного процесса путем анализа факторов, повышающих

образовательную эффективность, путем конструирования и применения приемов и методов, а также посредством оценки применяемых методов.

Этот подход в настоящее время распространен столь же широко, как и первоначальное понимание педагогической технологии (т.е. применение технических средств в обучении). Его суть заключается в идее полной управляемости работы школы или любого другого образовательного учреждения, прежде всего ее основного звена – учебного процесса. По характеристике японского ученого-педагога Т. Сакамато, педагогическая технология представляет собой внедрение в педагогику системного способа мышления, который можно иначе назвать «систематизацией образования» или «систематизацией классного обучения».

Предмет технологии обучения – конструирование систем школьного обучения и профессиональной подготовки (то есть наш государственный образовательный стандарт). Системный подход охватывает все основные стороны разработки систем обучения – от постановки целей и конструирования учебного процесса до проверки эффективности работы новых учебных систем, их апробирования и распространения.

Таким образом, внедрение в учебный процесс ЭВМ и других технических средств обучения способствовало появлению нового термина «технология обучения», который в теории и практике высшего образования постоянно наполняется более глубоким содержанием: от «новых компьютерных информационных технологий» до системного практического применения научного и другого организованного знания. Последнее весьма близко к традиционному определению «дидактика»: предметом дидактики всегда было содержание образования и организация учебного процесса, ведущего к овладению этим содержанием. Подходы к решению проблемы интенсификации и оптимизации обучения в теории и практике педагогики высшей школы самые разнообразные.

Так, например, одни преподаватели считают лучшим средством оптимизации

учебного процесса развертку и преобразование учебных курсов по блочно-модульному принципу и расширение педагогического взаимодействия на междисциплинарном уровне. Те, кто отводит определяющую роль в подготовке специалистов преподавателю, изыскивают и обосновывают различные формы и методы самосовершенствования его деятельности, постоянного повышения педагогической квалификации. Часть педагогов, стремясь реализовать принцип гуманизации и демократизации процесса обучения, вооружают преподавателя методиками индивидуализации обучения, психолого-педагогического диагностирования его результатов. Другие отдают предпочтение проблемам технической оснащенности процесса обучения, компьютеризации и программированию, использованию ЭВМ, телевидения и других технических средств.

В этом отношении трудно переоценить значение разработки научно обоснованной педагогической технологии. Вузовский процесс не может динамично развиваться лишь на основе личных предпочтений и собственного опыта преподавателей. Именно в этой области остро необходимы профессионалы, четко знающие, чего они хотят добиться и какими путями надо идти. Специфика современного развития высшей и высшей военной школы состоит в том, что единых, универсальных рецептов, определяющих деятельность всех вузов, нет и быть не может. Подходы к решению задач варьируются в очень широком диапазоне для вузов разных типов, разных регионов. Отсюда необходимость повышения самостоятельности педагогических коллективов и их ответственности за принимаемые решения и результаты деятельности. А это требует высокой профессиональной компетентности каждого преподавателя, умения его творчески использовать передовой отечественный и зарубежный опыт, готовности к новым условиям обучения и воспитания будущих кадров для органов внутренних дел.

Несмотря на имеющийся богатый арсенал различных технологий обучения (знаково-контекстное или контекстное обучение, диалоговое обучение, новые

информационные технологии и их первая ступень – программированное обучение, проблемное, дистанционное, региональное, отраслевое и т.д.), ни одна из них в отдельности не может обеспечить достижение поставленной цели.

Целью реализации в вузах образовательной программы подготовки квалифицированных специалистов для ОВД является творческое применение ими полученных знаний и умений по организации и руководству служебно-боевой и повседневной деятельностью органов, подразделений и частей. Отсюда возникло противоречие между возрастающими требованиями практики к подготовке компетентных специалистов и отсутствием в педагогической науке исследований по разработке целесообразных педагогических технологий, обеспечивающих подготовку специалистов, владеющих мобильным знанием, гибким методом профессиональной деятельности и критическим мышлением.

Новые информационные технологии обучения, связанные с внедрением компьютерных технологий, различных механизированных устройств и машин на их базе, начинают применяться не только в учебных заведениях, но и в практических органах.

Сейчас стало ясно, что эта технология обучения обусловила системность практического применения научного и другого организованного знания. Положительные результаты получаются при изучении точных наук, запоминании тактико-технических данных, численных характеристик боевой техники, оружия, специальных средств и приборов, при отработке инструкций по эксплуатации средств связи, приборов радиационной и химической разведки и решению некоторых задач с цифровыми ответами (по оценке радиационной и химической обстановки). Совершенно ясно, что применение средств компьютерного обучения должно сочетаться с другими формами подготовки обучаемых.

В теории и практике вузовской педагогики с известной долей условности можно выделить два наиболее общих взаимосвязанных подхода при решении акту-

альных вопросов интенсификации и оптимизации процесса обучения.

Первый характеризуется разработкой частных методик обучения, которые направлены на решение в основном узкопредметных вопросов. Они очень полезны и, безусловно, способствуют совершенствованию учебного процесса.

Вместе с тем становится все более очевидным, что данный подход не затрагивает сложившейся основы преподавания. Зачастую предлагаемые новые методы, средства, организационные формы не только не образуют единой системы, не отличаются методическими единством, но даже не стыкуются, приходят в противоречие. Иногда авторы, определяя и обосновывая ту или иную педагогическую задачу, значимую, по их мнению, с точки зрения фундаментальной и профессиональной подготовки специалиста, предлагают свою систему форм и методов организации учебного процесса, забывая о том, что параллельно должны решаться и многие другие задачи, в частности, интеграция курсов и дисциплин, межпредметного (межкафедрального) взаимодействия преподавателей и др.

Поэтому второй подход характеризуется стремлением объединить усилия преподавателей на единой методологической платформе – концепции вузовского образования, определяющей принципы построения вуза нового типа и новой технологии обучения.

Одной из основ этой концепции, заслуживающей, на наш взгляд, внимания, является система активного овладения специальностью. Предлагаемые основные принципы концепции активного овладения специальностью:

1. Целенаправленность подготовки: обучающие овладевают только тем, ради чего они поступили в вуз, они становятся специалистами в избранной ими же области деятельности.

2. Опережающее обучение специальности и ее фундаментализация: необходимо обучать курсантов специальности с 1-го курса для того, чтобы как можно раньше и более полно развить у обучаемых профессиональные потребности и интересы, озна-

комить будущих специалистов с основами и спецификой будущей профессии, показать не только ее романтику, но и сложности, сформировать высокую ответственность за результаты труда, пробудить у обучаемого интерес и профессиональную потребность в освоении фундаментальных дисциплин.

На наш взгляд, изучение тактико-специальной подготовки с 3-го курса, как того требует примерная программа учебной дисциплины «Тактико-специальная подготовка», утвержденная 9 декабря 2006 года, не соответствует данному принципу.

3. Самостоятельность и активность обучаемых в овладении специальностью: развиваемая профессиональная потребность становится основным двигателем познавательного процесса. Лекции, и особенно семинары, практические занятия, учения, автоматизированные системы – все это не самоцель, а средства, с помощью которых обучаемый самостоятельно и активно работает. Меняется роль преподавателя: из источника учебной информации он превращается в организатора познавательного процесса. Иной становится цель обучения: нужны не знания (это цель промежуточная), а профессиональные умения (через знания к профессиональным умениям – таков основной принцип обучения слушателей и курсантов вузов).

4. Знания, проверяемые на экзамене, должны сами проявляться через умения на практических занятиях, учениях, стажировке, практике, в профессиональной деятельности при выполнении служебно-боевых задач. Только «работающие» знания имеют право на существование. Знания, не востребованные на практике выпускником, не нужны.

5. Индивидуализация и адаптивность обучения: слушатель (курсант) учится только тому, чего он пока не знает, не умеет; используются такие методы и средства овладения специальностью, которые для него в данных условиях являются наиболее продуктивными.

6. Гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности. Воспитание

гражданственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающей природе, Родине, семье.

7. Самостоятельная творческая работа с реальными задачами и проблемами больших масштабов и повышенной сложности: ставить перед обучаемыми с первого семестра сложные задачи, требующие не только знаний по профилирующим дисциплинам, но и, главное, творчества и изобретательности. По сложности и масштабам эти задачи должны находиться в верхнем пределе познавательных возможностей обучаемого. Примером активного овладения специальностью слушателями (курсантами) на кафедре может служить творческий подход к пониманию теоретических положений по тактике служебно-войсковых нарядов, их составу, назначению и применению для организации подготовки и ведения служебно-боевых действий в чрезвычайных обстоятельствах.

Какова же роль преподавателя в этой системе? Преподаватель становится организатором, конструктором, исследователем данной системы, наставником обучающегося.

Все больше получают распространение в высшем образовании, в том числе и в нашем институте, идеи так называемого «свободного обучения». Эта концепция соединяет сильные стороны индивидуальной подготовки, самостоятельной работы, заочного обучения с достижениями современной техники и технологии передачи информации.

Открытость и свобода этого обучения – самообразования как одной из форм получения образования, альтернативной потребностям и возможностям личности, – заключается прежде всего в преодолении или уменьшении всяческих ограничений, запретов и привилегий в области образования, в уничтожении или снижении барьеров между учебными дисциплинами, в расширении и обогащении сферы учебной деятельности обучающихся.

Свободному обучению (самообразованию) присуща и достаточно высокая эффективность. Она обусловлена, во-первых, высокой степенью мотивации, пос-

кольку, как правило, побудительные причины к продолжению обучения коренятся не столько во внешних принудительных условиях, сколько во внутренних импульсах личности, ее потребностях, которые осмыслены и прочувствованы ей самой. Во-вторых, данная концепция базируется в основном на самостоятельной целенаправленной, мотивированной учебной деятельности самого обучающегося.

Однако, как показал опыт использования данной формы обучения курсантами по тактико-специальной подготовке, здесь имеются недоработки. Как правило, на экзаменах курсанты, использующие «свободное посещение», не показывают глубоких знаний. По-видимому, необходима творчески разработанная система контроля за работой данных курсантов.

При достаточно глубоко разработанной теории и практике преподавания именно в деятельности самого слушателя (курсанта) усматриваются огромные резервы повышения эффективности процесса обучения. А когда процесс получения знаний становится содержанием самостоятельной теоретической деятельности, в этот момент появляется наука.

1. Макаренко А.С. Педагогические сочинения: в 8 т. Т. 4. М.: Педагогика, 1984. 399 с.

Раздел 9. Обзоры, рецензии, критика

**О ПОРОЧНОСТИ КОНЦЕПЦИИ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ (на примере автореферата диссертации
Арсланбековой А.З. «Финансово-правовые санкции в системе мер
юридической ответственности»¹)**

А.С. Емельянов

(профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Тюменского юридического института МВД России, доктор юридических наук, доцент; 8 (3452) 59-84-36)

Проблемы обеспечения правопорядка и финансовой дисциплины в области публичных финансов представляют серьезный теоретический и практический интерес. За последние годы они неоднократно становились предметом исследования различных специалистов в области финансового, административного и уголовного права. В настоящей статье в форме рецензии на автореферат диссертации А.З. Арсланбековой представлено авторское видение вопросов юридической ответственности в области публичных финансов.

Ключевые слова: финансовая ответственность; финансово-правовая ответственность; финансовые санкции; финансово-правовые санкции; финансовая дисциплина; правопорядок в области публичных финансов; публичные финансы.

¹ Арсланбекова А.З. Финансово-правовые санкции в системе мер юридической ответственности: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2009. 54 с.

Проблемы юридической ответственности, правопорядка и финансовой дисциплины в сфере публичных финансов в последнее время все чаще привлекают внимание различных исследователей [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14]. Неоднократно к данной проблематике обращались соискатели ученых степеней при подготовке докторских и кандидатских диссертаций как в Российской Федерации, так и в странах СНГ [14; 8; 3; 2; 15; 10; 16; 17]. Данная тенденция, безусловно, свидетельствует о наличии действительного внимания со стороны научной общественности к этим вопросам, которое обусловлено все возрастающей необходимостью подлинно научного осмысления механизмов реализации охранительной функции финансового права. В силу сказанного следует высоко оценить многолетний научный интерес Аминат Зайдулаевны к юридической ответственности в рассматриваемой области общественных отношений.

Однако результаты проведенного соискателем диссертационного исследования в очередной раз заставляют задуматься над целым рядом фундаментальных идей, лежащих в основе теории юридической

ответственности в области публичных финансов, позволяющих прийти к пониманию и разрешению следующих проблем, существующих в этой области знаний: роль и место юридической ответственности в механизме финансово-правового регулирования, основания классификации юридической ответственности, предмет финансового права, система юридической ответственности в сфере публичных финансов, ее меры (формы) и механизмы реализации.

Определение роли и места юридической ответственности в механизме правового регулирования до настоящего времени остается самым дискуссионным из вопросов всей теории юридической ответственности. Именно в этой плоскости разворачиваются наиболее ожесточенные дискуссии между сторонниками и противниками позитивной ответственности, учеными, которые относят юридическую ответственность к праву государства наказывать правонарушителя, обязанности правонарушителя понести такое наказание, или же к правоотношению, которое объединяет в себе эти право и обязанность.

Применительно к данному Аминат Зайдулаевной определению роли и места юридической ответственности в механизме финансово-правовой ответственности следует отметить два обстоятельства: 1) соискатель недвусмысленно дал понять, что относит себя к той группе ученых, которые стремятся к объединению позитивной и негативной (ретроспективной) ответственности в одно понятие: «...признавая выделение позитивной юридической ответственности наряду с негативной...» (с. 11 автореферата); 2) соискатель уклонился от определения роли юридической ответственности в механизме финансово-правового регулирования.

К огромному сожалению, формат автореферата диссертации не позволяет ознакомиться со всей аргументацией соискателя по тому или иному вопросу, однако включение в положения, выносимые на защиту, тезиса о признании автором позитивной ответственности требует пояснения в части соотношения позитивного и негативного (ретроспективного) аспектов. Такие пояснения в автореферате отсутствуют.

Идея позитивной ответственности возникла в 60-е годы прошлого века. Ее базовые положения были разработаны представителями философской науки. Позитивная ответственность рассматривалась как признак развития социалистических общественных отношений. Так, Р.И. Косолапов и В.С. Марков, подвергая критике традиционное понимание юридической ответственности как последствия противоправного поведения, утверждали, что появление новых общественных отношений при социализме выдвигает на передний план позитивное содержание ответственности и соответственно ставили проблему ее исследования именно в данном аспекте [18, с. 68]. Сторонники позитивной ответственности исходят из того, что право призвано быть позитивным стимулятором активной позиции субъекта права, способствовать тому, чтобы государство в конечном счете переросло в полностью самоуправляемое общество, основанное на моральных регуляторах. Ответственность – это не только средство, предотвращающее нарушение правовых норм, но и средство,

стимулирующее активное поведение субъекта права, средство воспитания у него сильных внутренних регуляторов как наиболее эффективных гарантов общественного поведения [19, с. 14].

Одним из первых идею «позитивной ответственности» в юридической науке выдвинул П.Е. Недбайло, отметивший, что социальный смысл такой ответственности состоит в деятельности, соответствующей объективным требованиям данной ситуации и объективно обусловленным идеалам времени, а в содержание позитивной ответственности входит самостоятельная и инициативная деятельность в рамках правовых норм и тех идеалов, для достижения которых нормы изданы [20, с. 50–51]. Позднее, в работах сторонников позитивной ответственности стала просматриваться мысль о том, что данная ответственность является обязанностью [21, с. 29; 22, с. 31].

Ряд ученых-юристов, занимающихся данной проблемой, пытались раскрыть суть позитивной ответственности через психологический аспект. Такой подход имеет несколько разновидностей. З.А. Астемиров писал о существовании объективной и субъективной сторон ответственности. Под объективной стороной им понимается выражение нормативно сформулированного требования и применения санкций, причем как положительного, так и отрицательного свойства. С субъективной стороны ответственность, по его мнению, представляет собой преломление указанного требования в сознании личности и психологии людской общности, усвоение ими социальных норм и императивов, выработку у них социально-позитивной мотивации и, наконец, сообразование с социальными нормами и требованиями своего поведения и поступков, практической жизнедеятельности (образа жизни), а в случае нарушения этих норм и требований – реальную подотчетность соответствующей инстанции и необходимость подвергнуться санкции отрицательного, взыскательного характера. Здесь налицо субъективная ответственность, доведенная до потенциальных и конкретных носителей [23, с. 59].

Другие ученые пытаются объяснить позитивную ответственность через категорию психологического отношения. Так, В.Н. Кудрявцев и Б.М. Лазарев определяют ответственность в позитивном смысле как ответственное отношение к выполнению своих трудовых функций, к решению научных, производственных, социальных задач, к любому делу, порученному человеку персонально или же коллективу [24, с. 69]. Аналогичную позицию занимает Н.Г. Кобец, говоря о сознательном отношении личности к исполнению своих обязанностей перед обществом [25, с. 88]. О позитивной ответственности как об осознании долга, необходимости выполнять обязанности писал также М.С. Строгович. Юридическая ответственность, по его мнению, есть прежде всего ответственное отношение человека к своим обязанностям, ответственность за правильное выполнение лицом возложенных на него законом обязанностей. Если же обязанность не выполнена, наступает ответственность в ее негативном значении – принуждении, взыскании, наказании [26, с. 72, 74, 75].

Существует точка зрения, согласно которой позитивная ответственность окончательно переводится в плоскость внутреннего императива. Такую позицию отстаивали В.А. Масленников, который ввел категорию правового долга [27, с. 166] и З.Г. Крылова, трактующая ответственность за порученное дело как моральный долг, моральную обязанность, которая лишь при нарушении становится юридической [28, с. 56].

Позитивную ответственность также рассматривают в качестве общего правоотношения. Издание нормативного правового акта, содержащего позитивные обязывания и запреты, создает у граждан правовую обязанность поступать определенным образом. Между государством и гражданином на основе этих норм возникает правовая связь. Государство в лице его органов получает право требовать от граждан соответствующего поведения, а граждане должны действовать согласно правовым предписаниям. Налицо правовая связь, представляющая общее правовое отношение позитивной ответственности [29, с. 35].

Неприятие позитивной ответственности аргументируется ее противниками чаще всего тем, что она не может быть формализована, представляя собой понятие не юридическое, а, скорее, образное, в политическом смысле, что данная категория не сопряжена с государственным принуждением [30, с. 16, 153]. В частности, П.А. Варул и И.Н. Грязин по этому поводу писали, что, во-первых, в отличие от других форм социальной ответственности правовая ответственность взаимосвязана с четко определенным и конечным (хотя и не всегда малым) количеством норм и соответствующим множеством обязанностей. Не существует правовой ответственности, когда нет норм в виде четкого юридического предписания. Тем самым объем сферы правовой ответственности имеет четкие рамки и является по сравнению с иными формами более ограниченным. Во-вторых, реализация юридической ответственности обеспечивается государственным принуждением, то есть является следствием общеобязательности. Из этого качества вытекает то обстоятельство, что ход реализации ответственности облечен в точно определенную процессуальную форму. При других формах социальной ответственности это качество отсутствует [31, с. 91-92].

Концепция двухаспектной ответственности (а именно данная концепция, как видно из автореферата, поддерживается соискателем) вызвала критику не только сторонников чистых негативистов, в принципе отвергающих существование позитивной ответственности, но и тех, кто признает позитивную ответственность, но не как аспект, а как самостоятельный вид ответственности, то есть доводит наметившийся разрыв целостной категории до логического конца. Наиболее ярким выразителем последнего взгляда является О.Э. Лейст. По его мнению, обозначение различных явлений и связей одним термином «ответственность» породило представление о том, что позитивная и негативная ответственность – два аспекта одного понятия. Такое представление ведет к попыткам определить понятие в целом, в результате чего качество позитивной ответственности переносится

на юридическую ответственность за правонарушение, и наоборот. В рассуждениях о двух аспектах одного понятия упускается из виду, что «позитивная» или «активная» ответственность нередко очень отдаленно, опосредованно связана с ответственностью за правонарушение. Поэтому взгляд на позитивную ответственность лишь как на другой аспект ответственности негативной опасен непомерным смещением акцентов, в результате чего, например, ответственность депутата перед избирателями будет выглядеть только как возможность его отзыва [32, с. 228-229].

Суждение о том, что два аспекта юридической ответственности не могут быть охвачены одним понятием, высказывают и другие авторы. Так, М.А. Краснов, признавая существование двух аспектов ответственности в праве, выступает против попыток отразить в одном общем понятии их сущность [19, с. 26], а Т.Н. Радько писал, что нельзя не видеть, что между ответственностью в позитивном и негативном плане существует диалектическое единство противоположностей [33, с. 17].

Ничего, кроме удивления, не вызывает то обстоятельство, что соискатель попросту устранился от определения роли юридической ответственности в механизме финансово-правового регулирования, ее сущности. В автореферате только указывается, что «...юридическую ответственность можно определить как добровольное соблюдение физическими лицами и организациями правовых требований, основанное на сознательно надлежащем выполнении ими своих правовых обязанностей, а в случае их неисполнения – как обязанность претерпевать предусмотренные законодательством меры государственного принуждения, применяемые к правонарушителю за виновно совершенное противоправное деяние, заключающиеся в лишениях личного, имущественного или организационного характера...» (с. 11 автореферата). Между тем именно по этому вопросу идет самая ожесточенная дискуссия как в теории права, так и в отраслевых юридических науках.

Большинство отечественных ученых видят в юридической ответственности меру государственного принуждения, реакцию государства на совершенное правонарушение. Ответственность как мера государственного принуждения, по мнению данных авторов, выражается в осуждении правонарушения, в установлении для правонарушителя определенных отрицательных (неблагоприятных) последствий в виде ограничений (лишений) личного и имущественного характера [34, с. 314-318; 35, с. 6; 36, с. 285-286]. Следует отметить, что М.Д. Шаргородский впоследствии отказался от такого понимания юридической ответственности и присоединился к другому ее определению, суть которого состоит в рассмотрении юридической ответственности как обязанности правонарушителя претерпеть меры государственного принуждения в форме лишения личного или имущественного характера [37, с. 357]. Схожа с приведенной позиция Р.О. Халфиной, которая рассматривает юридическую ответственность в качестве последствий правонарушения, выражающихся в возникновении новых обязанностей у правонарушителя или в видоизменении ранее существовавших [38, с. 320]. Эта точка зрения поддерживается многими исследователями [39, с. 307-308].

В приведенных воззрениях на юридическую ответственность можно выделить ряд существенных моментов: во-первых, ответственность неразрывно связана с правонарушением; во-вторых, она выражается в применении к правонарушителю государственного принуждения; в-третьих, в самом акте применения принуждения содержится осуждение деяния правонарушителя.

В рамках рассматриваемого понимания юридической ответственности ведется дискуссия о том, каким образом выражается государственное принуждение при реализации юридической ответственности. Так, специфика юридической ответственности, по мнению О.С. Иоффе, состоит в том, что это не любое властно-принудительное воздействие государства, а воздействие наказывающее. Следовательно, основной чертой, определяющей сущность юридической ответственности, является

наказание, кара за совершенное правонарушение. Правовая ответственность – особая государственно-принудительная мера, обрушивающая на ответственного субъекта существенно новые, дополнительные обременения, заключающиеся либо в лишении права, либо в возложении дополнительной обязанности (например, уплатить неустойку), либо в лишении права, соединенном с возложением дополнительной обязанности (например, лишение свободы как мера уголовного наказания). Ответственность как форма государственного принуждения, в отличие от иных государственно-принудительных мер, указана лишь в штрафных (карательных) санкциях. Поэтому их реализация – не что иное, как ответственность [40, с. 38-39; 41, с. 502-504].

Как реализацию санкции юридической нормы трактует ответственность и С.Н. Братусь, однако подчеркивает, что основное – это обеспечение исполнения обязанности. Юридическая ответственность, по его мнению, – это та же обязанность, но принудительно исполняемая, если лицо (гражданин или организация), на котором эта обязанность лежит, не выполняет ее добровольно [42, с. 4]. С.Н. Братусь отрицает в понимании ответственности ее трактовку как кару, наказание. С его точки зрения, характеристика ответственности как кары, наказания является односторонней, и потому нецелесообразно распространять черты ответственности, присущие уголовному и административному праву, на те общественные отношения, которые регулируются гражданским правом, а также трудовым, семейным и другими отраслями права. Если обеспечить исполнение нарушенной обязанности невозможно, то у правонарушителя возникает новая обязанность, которая должна быть исполнена. Он должен нести наказание (в уголовном праве), выплатить неустойку или возместить убытки (в гражданском праве) [42, с. 4-5].

Схожей позиции придерживается Л.С. Явич. При простейшем подходе, по его мнению, юридическая ответственность – это применение соответствующей санкции нарушенной правовой нормы [43, с. 136].

В наиболее разработанном виде у сторонников этой концепции понятие ответственности является более широким. Так, О.Э. Лейст утверждает, что понятие ответственности по своему объему шире понятия «применение санкции», поскольку включает такие проблемы, как квалификация правонарушения, гарантии достижения объективной истины по делу, применение мер пресечения (обеспечения), права лица, обвиняемого в правонарушении, основания освобождения от ответственности, «состояние наказанности» при реализации штрафных, карательных санкций и ряд других [32, с. 102-103].

Известно, что понятие всегда шире его определения, поэтому, учитывая дополнения О.Э. Лейста, все же можно резюмировать эту концепцию: ответственность есть применение санкции.

Понимание юридической ответственности как применения санкции (взыскания) разделяется многими учеными, исследовавшими проблемы ответственности в рамках отдельных отраслевых наук [44, с. 24; 45, с. 21].

В 70-е – 80-е гг. XX века на основе обобщения рассмотренных выше концепций юридической ответственности была предпринята попытка представить ее в качестве правового отношения (А.И. Санталов, Н.А. Галаган и др.). Сторонники этой теории полагают, что содержание юридической ответственности как правоотношения состоит в вынужденном претерпевании виновным лицом отрицательных последствий совершенного им правонарушения в форме государственного порицания и принуждения его к этому со стороны специально уполномоченных государственных органов [46, с. 18; 47, с. 18-21; 29, с. 21]. Близки к приведенной концепции юридической ответственности как правоотношения взгляды другой значительной части ученых (С.С. Алексеев, Я.М. Брагинин, В.И. Курляндский, А.А. Пионтковский и др.), которые полагают, что юридическая ответственность представляет собой применение к виновному лицу государственного принуждения за совершенное им правонарушение [48, с. 74]. При этом данный

процесс реализуется через особое охранительное правоотношение [49, с. 381-382]. Несмотря на схожесть позиций А.И. Санталова и Н.А. Галагана, с одной стороны, и С.С. Алексеева и его сторонников – с другой, эти позиции нуждаются в разграничении. Первая группа ученых видит в юридической ответственности правоотношение, в то время как представители второй рассматривают юридическую ответственность как меру государственного принуждения, реализуемую через специальное охранительное правоотношение, само по себе ответственностью не называемое.

Среди сторонников концепции, согласно которой юридическая ответственность является правоотношением или реализуется через него, идут споры о месте такого правоотношения в механизме правового регулирования, о его юридической природе и о моменте возникновения. Так, Б.Т. Базылев считает, что юридическая ответственность – это динамическое правоотношение, возникающее из факта правонарушения между государством и правонарушителем [50, с. 95-96]. Рассматривая юридическую ответственность как развивающееся материальное правоотношение, указанный автор выделяет в нем три стадии: становление (первоначальное развитие), конкретизация и реализация (осуществление). Первая стадия начинается с правонарушения и реализуется в юридическом процессе как стадия предварительного расследования преступления, досудебной подготовки гражданского дела к слушанию, расследование административного правонарушения или разбирательство дисциплинарного проступка. На стадии конкретизации выносятся акт о наказании. На последней стадии осуществляется фактическая реализация карательного воздействия, предписанного актом о наказании; причем в этой стадии, по мнению Б.Т. Базылева, заключается смысл существования юридической ответственности, в ней юридическая ответственность материализуется. Таким образом, правоотношение ответственности заканчивается на стадии реализации наказания [50, с. 95-96]. Изложенное видение юридической ответвен-

ности разделяется также и некоторыми другими авторами [51, с. 7].

Существует и иная точка зрения, высказанная И.С. Самощенко и М.Х. Фарукшиным, отмечающими, что юридическая ответственность и правоотношение не совпадающие понятия. Охранительные правоотношения порождаются самим правонарушением. Юридическая же ответственность возникает лишь после установления объективного факта правонарушения (его признания) компетентными органами или лицами. Охранительное правоотношение реализуется в двух стадиях. На первой стадии – разбирательства – устанавливается факт совершения правонарушения. На второй – возложения и реализации юридической ответственности – непосредственно осуществляется ответственность правонарушителя [52, с. 67-68].

Я.М. Брайнин утверждает, что юридическая ответственность как конкретное правоотношение возникает с момента привлечения лица к ответственности (в уголовном праве – с момента привлечения правонарушителя в качестве обвиняемого) [53, с. 11]. П.Е. Недбайло связывает момент возникновения юридической ответственности с вынесением решения (приговора), признающего факт правонарушения, совершенного определенным лицом [54, с. 99].

Нет единства мнений также относительно неблагоприятных последствий, которые обязан нести правонарушитель. Так, с точки зрения М.М. Агаркова [55, с. 44] и С.Н. Братуся [42, с. 4-5], в дальнейшем развитой И.С. Самощенко и М.Х. Фарукшиным, из того факта, что у правонарушителя не возникает новых обязанностей и он не теряет тех или иных прав, совсем не следует, что он не несет никаких лишений. Если его принуждают к исполнению обязанностей, значит, с него спрашивают отчет о совершенном деянии, осуждают его за это деяние, если есть вина, заставляют выполнить правовую обязанность помимо воли [52, с. 58]. Однако данная позиция была подвергнута критике первоначально со стороны О.С. Иоффе, отмечавшего, что государственное принуждение может применяться независимо от вины лица, не

исполнившего возложенную на него обязанность, в то время как юридическая ответственность имеет место только при ее наличии [41, с. 473-475]. В дальнейшем в полемику по рассматриваемому вопросу вступил Н.С. Малейн, считавший, что любая норма права обеспечивается государственным принуждением. Однако из этого не следует, что все нормы права представляют собой институт ответственности. В противном случае произошло бы отождествление правового регулирования в целом и ответственности как одного из его институтов [56, с. 135]. То есть принудительное исполнение обязанности само по себе ответственностью не является. Главное предназначение юридической ответственности заключается в принуждении к соблюдению норм права, в воздействии на правонарушителя, с тем чтобы выработать у него мотивы сознательного правопослушного отношения к правовым предписаниям [56, с. 134-136].

Меры государственного принуждения С.С. Алексеев подразделяет на профилактические и превентивные средства, а также юридические санкции. Социальное назначение правового принуждения, выражающегося в санкциях, ему видится в их правоохранительной роли. В своих работах он и его последователи пришли к выводу о том, что необходимо отграничивать меры принуждения к исполнению обязанности, направленные на восстановление нарушенных прав потерпевшего (меры защиты субъективных прав и обеспечения исполнения обязанностей), от иных, выраженных в новых, обременяющих лицо обязанностях, то есть мер юридической ответственности. Меры защиты субъективных прав обеспечивают их восстановление и при отсутствии вины лица, нарушившего эти права. Юридическая же ответственность связана с виновным правонарушением, чем и объясняется возложение на правонарушителя обременений – наказания, штрафных и иных лишений и дополнительных обязанностей [57, с. 184-189]. Наиболее важная отличительная черта юридической ответственности – претерпевание санкций, имеющих преимущественно штрафной харак-

тер [58, с. 277]. Эту концепцию восприняли С.Н. Кожевников, В.Д. Ардашкин, Б.Т. Базылев, О.А. Красавчиков и др.

Если применительно к определению юридической ответственности, предложенной соискателем, возникает только недоумение, связанное с тем, что в автореферате обойдены наиболее принципиальные моменты, то предложенное основание ее классификации требует детального рассмотрения и критики. Сам термин «финансово-правовая ответственность», используемый соискателем, указывает на то, что в основу исследования положен отраслевой (предметный) признак классификации юридической ответственности. Если данное обстоятельство не так очевидно во втором положении, выносимом на защиту, то анализ третьего, четвертого, шестого, седьмого, девятого, десятого, двенадцатого, тринадцатого, шестнадцатого и семнадцатого положений в совокупности не оставляет в этом никаких сомнений.

В связи с этим наиболее интересен абзац второй семнадцатого положения, выносимого на защиту: «...Валютное правонарушение определено как разновидность финансового правонарушения, несмотря на закрепление ответственности за валютные правонарушения в КоАП РФ. Природа валютных правонарушений определяется не нормативным правовым актом, в котором законодатель сформулировал составы валютных правонарушений, а предметом правового регулирования валютного права...» (с. 14 автореферата), – вывод «более чем интересный» и не требующий длительной аргументации как его несостоятельности, так и несостоятельности всей теории классификации юридической ответственности по отраслевому (предметному) признаку.

Во-первых, начать следует с того, что данный вывод прямо противоречит валютному законодательству. Так, Федеральный закон о валютном регулировании и валютном контроле прямо предусматривает виды ответственности, к которой могут привлекаться участники валютных отношений, – гражданско-правовую, административную и уголовную ответственность. Ни указан-

ный закон, ни иные законодательные акты не предусматривают никаких иных видов ответственности за нарушения валютного законодательства, в том числе и финансово-правовую.

Во-вторых, если следовать логике соискателя, неминуемо будет сделан вывод о том, что ответственность за преступления против собственности – это гражданско-правовая ответственность, так как природа преступлений против собственности должна определяться не нормативным правовым актом, в котором законодатель сформулировал составы таких преступлений (УК РФ), а предметом правового регулирования гражданского права. Данный вывод, который сделан, следуя логике соискателя, не только противоречит всей теории юридической ответственности, он абсурден, т.к. фактически лишает административное право части своего предмета, а уголовное право оставляет вообще без собственного предмета правового регулирования. Абсурдность продолжения умозаключения подразумевает абсурдность и его исходного положения.

Ущербность своей позиции понимает и сам соискатель, абсолютно обоснованно указывающий: «...Штраф, предусмотренный ст. 74 Закона о ЦБ РФ, и штраф, предусмотренный ст. 15.26 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) за нарушение законодательства о банках и банковской деятельности, имеют различную природу. В первом случае – это финансовая (банковская) санкция, а во втором – административное наказание...» (с. 14 автореферата).

Рецензируемое исследование, несмотря на свою очевидную ущербность, является серьезной вехой в развитии правовой науки, которая прошла путь от категорического неприятия самой идеи того, что финансовому праву присущ собственный вид ответственности (90-е годы прошлого века), до осознания необходимости исследования данной проблемы, выраженного настолько сильно, что стало допустимым выносить в заглавие диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора юридических наук слов «финан-

сово-правовая ответственность». Причем данная тенденция характерна не только для российской науки, но и для некоторых стран СНГ. Симптоматично, что в начале июня 2009 года на защиту вынесено сразу две докторских диссертации по рассматриваемой проблематике: одна в Саратове (рецензируемая), а вторая – в Одессе, подготовленная А.И. Иванским. Если первая не поддается критике, а выводы автора не могут быть объектом серьезной научной дискуссии, то вторая отличается глубоким анализом рассматриваемого материала и основательностью заключений соискателя. Однако обе эти диссертации объединяет единая концепция – концепция финансово-правовой ответственности.

Выше уже детально была рассмотрена позиция автора рецензируемого автореферата по поводу отраслевого (предметного) признака классификации юридической ответственности. Сейчас же хотелось бы остановиться на шутке, появившейся накануне финансового кризиса 1998 г. Она гласила: «В 1993 году утверждалось, что каждому вице-премьеру необходимо дать по банку. В 1997 году позиция в нашем государстве изменилась. И теперь каждый банк должен иметь собственного вице-преьера». Эту шутку можно перефразировать следующим образом: является ли признание того или иного правового образования самостоятельной отраслью права условием появления соответствующего ему вида ответственности, или же, напротив, наличие собственного вида ответственности является одним из условий признания соответствующего правового образования самостоятельной отраслью права?

Всякий, кто придерживается отраслевого (предметного) признака классификации юридической ответственности, признает существование финансово-правовой ответственности и, следовательно, положительно отвечает на первую часть вопроса, неминуемо сталкивается с убийственными для данной концепции примерами: 1) уголовное право существует главным образом для того, чтобы устанавливалась уголовная ответственность; 2) за нарушение гражданских прав (например, права собственности)

правонарушитель может привлекаться не только к гражданско-правовой (имущественной) ответственности, но также и к уголовной и административной; 3) трудовому праву присущи сразу два вида ответственности – дисциплинарная и материальная; 4) за административное правонарушение некоторые граждане (например, судьи) привлекаются не к административной ответственности, а к дисциплинарной. Приведение примеров можно продолжать, но уже сказанного достаточно для вывода, что все указанные случаи не находят логически безупречного объяснения в рамках как всей теории классификации юридической ответственности по отраслевому (предметному) признаку, так и в рамках концепции финансово-правовой ответственности.

Поэтому более обоснованной представляется вторая часть заданного выше вопроса. Только при наличии собственно, характерного только для него вида ответственности правовое образование может считаться самостоятельной отраслью права. Для финансового права таким видом ответственности является финансовая ответственность, которой была посвящена большая часть моей диссертации, защищенной в 2005 году в ГУ-ВШЭ [59].

Некоторые положения автореферата заставили задуматься не только об ответственности в области публичных финансов, но и о предмете финансового права. Так, Аминат Зайдулаевна пишет: «...Неразвитость рыночных отношений привела к тому, что неисполнение финансовых обязательств стало, скорее, правилом, нежели исключением. Организации не расплачиваются друг с другом, не платят налоги. Средства, выделенные из государственного бюджета, не доходят до своего адресата. Неплатежи превратились в развернутую индустрию для зарабатывания денег. Реальной угрозой экономической безопасности РФ стало масштабное нецелевое использование бюджетных денежных средств, незаконный вывоз капитала за рубеж и т.д. При этом слабым местом в законодательстве является недостаточная разработанность ответственности за правонарушения в сфере финансов...» (с. 3 автореферата).

Применительно к приведенной цитате хотелось бы еще раз остановиться на проблеме осторожного использования термина «обязательство» в финансовом праве. Связано это с гражданско-правовыми корнями данного слова. Действительно, в гражданском праве термин «финансовые обязательства» применяется к кредитному договору, а также договорам банковского счета, банковского вклада, страхования, лизинга, факторинга и ряда др. При этом в финансовом праве данный термин не используется. Более того, в приведенной цитате прямо упоминаются гражданско-правовые отношения «...Организации не расплачиваются друг с другом...». О чем идет речь в этом предложении? Очевидно, о неисполнении денежных обязательств.

Совершенно очевидным становится, что соискатель выходит за пределы предмета финансового права, когда речь в автореферате заходит о банковской ответственности. Законодательство о банках и банковской деятельности представляет собой комплексное правовое образование, в рамках которого объединены гражданско-правовые, административно-правовые и финансово-правовые нормы. В связи с этим отнесение всех правонарушений, предусмотренных законодательством о банках и банковской деятельности, к числу финансово-правовых является необоснованным. Представляется необходимым при отнесении банковских нарушений к числу финансовых правонарушений предусмотреть ряд оговорок, связанных в первую очередь с объектом таких нарушений. Им должны быть публичные финансы, а не государственное управление в области банковской деятельности и не имущественные интересы граждан и организаций.

Рассмотрение социального назначения финансового права требует четкого разграничения понятий «публичные финансы» и «частные финансы». Денежная форма, которую приобретают любые финансовые отношения, сближает публичные и частные финансы. В сферах публичных и частных финансов возникают схожие проблемы: ограничение расходов, изыскание экстраординарных средств, организация

контроля, налаживание системы отчетности и т.д. Однако при этом между публичными и частными финансами существует фундаментальное различие, разводящее их в разные стороны правовой системы. Публичные финансы направлены на обеспечение общественных интересов, и поэтому регулируются нормами публичного права, частные финансы обеспечивают интересы отдельных лиц, и поэтому составляют предмет частноправового регулирования. Состояние частных финансов всецело зависит от состояния рынка и законов рыночной экономики (например, спрос и предложение капитала на рынке определяют размер учетной ставки банковского процента, а биржевая котировка валюты производна от соотношения спроса и предложения на нее во время биржевых торгов и т.д.). Что же касается публичных финансов, то они не изолированы от рыночной экономики, следовательно, подчиняясь в какой-то степени рыночным факторам, сохраняют принципиальную зависимость от конкретных действий государственной власти и местного самоуправления.

Публичные финансы – это отражение государственной политики, формирующееся под воздействием рыночных законов [60, с. 3]. Государство имеет возможность в принудительном порядке защитить свои доходы через механизмы налогообложения, необеспеченной (без покрытия) эмиссии денежных знаков, обязательных займов и т.д. Гарантируя определенный уровень публичных доходов, государство тем самым обеспечивает возможность расходования средств на общественные нужды. Частные лица не могут мобилизовать свои доходы с помощью инструментов принуждения, присущих государственной власти, а значит, могут оказаться не в состоянии выполнить свои обязательства. Если частные финансы ориентированы преимущественно на получение прибыли, то публичные финансы, по выражению П.-М. Годме, – это «средства осуществления так называемого общего интереса» [61, с. 42]. В этом смысле финансовая деятельность государства и муниципальных образований, в отличие от финансовой деятельности

населения и организаций, может планироваться как дефицитная, правда, в целях ненанесения непоправимого урона национальной экономике размер такого дефицита должен контролироваться. Общественный интерес, на обеспечение которого направлены публичные финансы, может быть выражен как в государственной политике, так и в деятельности органов местного самоуправления. В первом случае речь идет о государственных финансах, во втором – о муниципальных. Государственные и муниципальные финансы образуют публичные финансы. Разделение публичных финансов на государственные и муниципальные в нашей стране приобрело особое юридическое значение после принятия Конституции 1993 года, закрепившей выделение органов местного самоуправления из состава государственного аппарата.

Переходя к рассмотрению системы юридической ответственности в области публичных финансов, следует отметить, что соискатель остается верен себе и дифференцирует такую ответственность опять же по отраслевому (предметному) признаку, выделяя бюджетную, налоговую, банковскую и валютную ответственность. Выше уже говорилось о недостаточной аргументированности при выделении валютной и банковской ответственности. Далее следует остановиться на налоговой ответственности.

Исследуя роль и место финансово-правовой ответственности в системе юридической ответственности, различая между собой финансово-правовую и административную ответственность, Аминат Зайдулаевна пишет: «...финансово-правовая ответственность отличается от административной ответственности по ряду признаков. В частности, ... по целям (в финансовом праве обязательной является восстановительная цель, а в административном – штрафная...)» (с. 22 автореферата). Данный вывод, безусловно, заслуживает внимания, хотя не отличается ни особой новизной, ни достаточной глубиной проработки.

Что касается новизны, то восстановительные цели юридической ответственности в области публичных финансов были

отмечены еще в постановлении Конституционного Суда РФ от 17 декабря 1996 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года “О федеральных органах налоговой полиции”». В названном постановлении, в частности, сказано, что «... неуплата налога в срок должна быть компенсирована погашением задолженности по налоговому обязательству, полным возмещением ущерба, понесенного государством в результате несвоевременного внесения налога. Поэтому к сумме собственно невнесенного в срок налога (недоимки) законодатель вправе добавить дополнительный платеж – пеню, как компенсацию потерь государственной казны, в результате недополучения налоговых сумм в срок в случае задержки уплаты налога. Бесспорный порядок взыскания этих платежей с налогоплательщика – юридического лица вытекает из обязательного и принудительного характера налога в силу закона».

Что касается глубины проработки проблемы восстановительного характера юридической ответственности в области публичных финансов, затронутой в рецензируемом автореферате, то здесь необходимо остановиться на двух обстоятельствах. Во-первых, соискатель говорит только о восстановительной цели финансово-правовой ответственности и ее разновидностей, в то время как более обоснованно говорить о восстановительном характере некоторых видов юридической ответственности в области публичных финансов. Во-вторых, из автореферата не следует, что соискателем была проведено исследование для установления того, все ли виды так называемой «финансово-правовой ответственности» носят восстановительный характер (или, выражаясь языком автора, преследуют восстановительную цель).

Здесь необходимо оговориться, что автор настоящей рецензии является принципиальным противником выделения финансово-правовой ответственности и в целом отраслевого (предметного) признака классификации юридической ответственности. Объединение принудительных мер по от-

раслевному (предметному) признаку является нецелесообразным с точки зрения систематизации правового материала и малоубедительным с точки зрения действующего законодательства. Юридическую ответственность как в целом, так и применительно к публичным финансам следует в первую очередь дифференцировать по характеру на восстановительную и штрафную.

Но отличие между ними не ограничивается исключительно целями.

Основная цель штрафной ответственности – восстановление социальной справедливости. Восстановительная ответственность предполагает восстановление имущественного положения потерпевшего, существовавшего до правонарушения. Различные цели штрафной и восстановительной ответственности определяют отличия и при установлении размера и характера взыскания. Размер и характер взыскания при штрафной ответственности определяются степенью общественной опасности противоправного деяния, в то время как при восстановительной ответственности – размером причиненного вреда.

Таким образом, в области налогообложения существует два отличных друг от друга вида ответственности, присущих исключительно финансовому праву: финансовая ответственность, носящая восстановительный характер и установленная ст. 75 НК РФ в форме пеней, и налоговая ответственность, носящая штрафной характер, применяемая за совершение налоговых правонарушений в форме налоговых санкций (штрафов). Следует отметить, что последняя, если не формально-юридически, то по сути является разновидностью административной ответственности.

Рецензируемое исследование непосредственно посвящено финансово-правовым санкциям, иными словами, мерам юридической ответственности. Даже при достаточно общем представлении о проведенном Аминат Зайдулаевной диссертационном исследовании, а именно только такое представление позволяет сформировать автореферат, становятся очевидными противоречия, лежащие в основе авторской концепции.

Соискатель подчеркивает, что им «...разработано понятие финансово-правовых санкций как мер финансово-правовой ответственности, применяемых уполномоченными на то государственными органами к физическим лицам и организациям за нарушение финансового законодательства, состоящих в возложении на правонарушителя дополнительных обременений личного, имущественного или организационного характера в целях приведения его поведения в соответствие с предъявляемыми законом требованиями. В круге финансово-правовых санкций выделены налоговые, бюджетные, банковские и валютные санкции...» (с. 12 автореферата). Особый интерес в приведенном определении представляет указание на характер финансово-правовых санкций: личный, имущественный или организационный. Далее соискатель пишет, что применение финансово-правовых санкций имеет восстановительную цель (с. 22 автореферата). Закономерен вопрос: каким образом, воздействуя на личность правонарушителя, можно восстановить положение потерпевшего, существовавшее до правонарушения? Ответ может быть только один: никаким. Воздействуя на личность правонарушителя, мы можем достичь только целей штрафных, карательных. Сложнее обстоит дело с организационными мерами. Теоретически можно допустить существование организационных мер, преследующих восстановительные цели. Поэтому необходимо установить, какие организационные меры имеет в виду автор. В тексте автореферата была указана только одна такая мера – отзыв лицензии (с. 14 автореферата). И применительно к ней также очевиден вывод, что служить для восстановления прав потерпевшего она не может.

Отзыв лицензии как правовая санкция требует отдельного разговора. Соискатель относит его к финансово-правовым санкциям, без каких либо ограничений. То есть в автореферате не оговаривается, что отзыв лицензии вообще может и не быть правовой санкцией. А такой случай есть несостоятельность кредитной организации.

Таким образом, к восстановительным санкциям в области публичных финансов следует отнести только меры имущественного характера.

Завершая рассмотрение автореферата диссертации Арсланбековой Аминат Зайдулаевной на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Финансово-правовые санкции в системе мер юридической ответственности», необходимо остановиться также на ряде технических замечаний.

На защиту выносятся восемнадцать положений. Из них первое, второе, шестое, девятое, двенадцатое и шестнадцатое фактически дословно повторяют друг друга. Отличие состоит только в прилагательном, определяющем вид ответственности (юридическая, финансово-правовая, бюджетная, налоговая, банковская, валютная). Аналогичный повтор имеет место и в четвертом, седьмом, тринадцатом и семнадцатом положениях, выносимых на защиту, применительно к правонарушениям, а также в пятом, восьмом и одиннадцатом – применительно к санкциям.

Соискатель отмечает, что финансово-правовая ответственность преследует восстановительные цели (с. 22 автореферата), но почему-то, перечисляя функции финансово-правовой ответственности, карательную (штрафную) функцию ставит перед восстановительной (с. 24 автореферата). Естественно, что каждый из видов юридической ответственности одновременно реализует и карательную и восстановительную функции. Но в зависимости от того, каков характер ответственности, одна из них является основной, а вторая дополнительной. Если соискатель считает финансово-правовую ответственность восстановительной, то тогда почему ее дополнительная функция стоит перед основной?

Соискатель указывает, что им был применен структурно-функциональный метод (с. 9 автореферата). В связи с этим необходимо отметить, что в гуманитарных исследованиях принято применять не структурно-функциональный метод, а структурно-функциональный анализ, что не одно и то же. Кроме того, применение

данной методики не предполагает простого перечисления функций (исходя их содержания автореферата именно это и было сделано). Данная методика направлена на установление роли и места каждого из элементов системы в ее структуре, на основе анализа их функций, а именно данная задача и не была решена в рецензируемом исследовании.

Следует еще раз отметить, что выводы, сделанные в настоящей рецензии, основываются на содержании автореферата, который, может быть, недостаточно полно отражает содержание самого диссертационного исследования. Поэтому вполне возможно, что не все замечания, высказанные здесь в отношении автореферата, относятся и ко всей диссертации в целом.

Хотелось бы поблагодарить Аминат Зайдулаевну за предоставленную возможность задуматься над весьма актуальными финансово-правовыми проблемами.

1. Абанин М.В. Ответственность за преступления в сфере налогообложения: новые изменения в Уголовном кодексе РФ // Право и экономика. 2004. № 2.

2. Батыров С.Е. Финансово-правовая ответственность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

3. Зайцев В.А. Юридическая ответственность за нарушение законодательства о налогах и сборах и процессуальный порядок ее реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

4. Козырин А.Н. Налоговые преступления и проступки опыт зарубежных стран URL : // <http://www.kozyrinn.narod.ru>.

5. Кучеров И.И. Налоговое администрирование и борьба с уклонением от уплаты налогов в Канаде // Налоговый вестник. 2002. № 12.

6. Макарова Н. «Финансовая» ответственность вне закона. URL: // <http://www.gazeta-unp.ru/unp/2002/39/22.htm>.

7. Петрова Г.В. Обеспечение законности в налогово-бюджетной сфере // Законность в Российской Федерации. М., 1998.

8. Сердцев А.Н. Ответственность за нарушения налогового законодательства

(современное состояние проблемы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

9. Сорокин В.Д. О двух тенденциях, разрушающих целостность института административной ответственности // Правоведение. 1999. № 1.

10. Тютин Д.В. Правовые проблемы юридической ответственности налогоплательщиков: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

11. Финансовое право / под ред. А.А. Ялбулганова. М., 2001.

12. Худолеев В.В. Ответственность за нарушение валютного законодательства РФ // Консультант бухгалтера. 2004. № 8.

13. Шилкина В. Уголовная ответственность за налоговые преступления // Нормативные акты для бухгалтера. 2004. № 21.

14. Юстус О.И. Финансово-правовая ответственность налогоплательщиков-организаций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1997.

15. Сердюкова Н.В. Финансово-правовая ответственность по российскому законодательству: становление и развитие: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2003.

16. Мусаткина А.А. Финансовая ответственность в системе юридической ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004.

17. Иванський А.Й. Фінансово-правова відповідальність: теоретичний аналіз: монографія. Одеса: Юрид. лит., 2008.

18. Косолапов Р., Марков В. Свобода и ответственность. М., 1969.

19. Краснов М.А. Ответственность в системе народного представительства. М., 1995.

20. Недбайло П.Е. Система юридических гарантий применения советских правовых норм // Правоведение. 1971. № 3.

21. Назаров Б.Л. О юридическом аспекте позитивной социальной ответственности // Советское государство и право. 1981. № 10.

22. Пятаков Л.В. Ответственность по советскому трудовому праву // Советское государство и право. 1981. № 12.

23. Астемиров З.А. Понятие юридической ответственности // Советское государство и право. 1979. № 6.

24. Кудрявцев В.Н., Лазарев Б.М. Дисциплина и ответственность: пути укрепления // Советское государство и право. 1981. № 6.
25. Кобец Н.Г. Социальная ответственность в системе предупреждения правонарушений на предприятии // Советское государство и право. 1978. № 3.
26. Строгович М.С. Сущность юридической ответственности // Советское государство и право. 1979. № 5.
27. Масленников В.А. Ответственность в структуре правового статуса личности // Правопорядок и правовой статус личности. 1979. № 5.
28. Крылова З.Г. Ответственность при поставках продукции и товаров // Советское государство и право. 1983. № 3.
29. Богданова М.С. Юридическая ответственность: основание, виды, субъекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998.
30. Ковалев М.И. Понятие преступления в советском уголовном праве. Свердловск, 1987.
31. Варул П.А., Грязин И.Н. Некоторые характеристики правовой ответственности // Ученые записки Тарт. ун-та, 1982. Вып. 609: Принцип ответственности в социальном управлении.
32. Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. Теоретические проблемы. М., 1981.
33. Радько Т.Н. Юридическая ответственность как общая форма реализации социальных функций права // Труды Высшей следственной школы МВД СССР. Вып. 9. Волгоград, 1974.
34. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961.
35. Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. Сущность юридической ответственности в советском обществе. М., 1974.
36. Спиридонов Л.И. Теория права и государства. М., 1996.
37. Шаргородский М.Д. Детерминизм и ответственность // Избранные работы по уголовному праву. М., 2003.
38. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974.
39. Гойман-Черванюк В.И. Очерк теории государства и права. М., 1996.
40. Иоффе О.С. Вина и ответственность по советскому праву // Советское государство и право. 1972. № 9.
41. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. М., 2000.
42. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М., 2001.
43. Явич Л.С. Право и социализм. М., 1982.
44. Бахрах Д.Н. Административная ответственность граждан в СССР. Свердловск, 1989.
45. Бахрах Д.Н. Административная ответственность. М., 1999.
46. Санталов А.И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. Л., 1982.
47. Галаган И.А. Методологические проблемы общей теории юридической ответственности по советскому праву // Уголовная ответственность: проблемы содержания, установления, реализации. Воронеж, 1989.
48. Алексеев С.С. Право: опыт комплексного исследования. М., 1999.
49. Алексеев С.С. Проблемы теории права. Т. 1. Свердловск, 1972.
50. Базылев Б.Т. Юридическая ответственность. Красноярск, 1985.
51. Шиндяпина М.Д. Стадии юридической ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996.
52. Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1971.
53. Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963.
54. Недбайло П.Е. Советские социалистические правовые нормы. Львов, 1959.
55. Агарков М.М. Обязательства по советскому гражданскому праву. М., 1969.
56. Малейн Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985.
57. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Вып. 2. Свердловск, 1964.
58. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. 1. М., 1981.
59. Емельянов А.С. Реализация охранительной функции финансового права: дис. ... д-ра юрид. наук. М.: ГУ-ВШЭ, 2005.

60. Козырин А.Н. Публичные финансы: взаимодействие государства и общества. М., 2002.

61. Годме П.-М. Финансовое право. М., 1978.

Summary

1. Methodology, theory and history of state and law regulation

Kuznetsova O.A. Legal effect of the generally accepted principles and norms of the international law in the Russian legal system

The article is devoted to the hierarchical position of the generally accepted principles and norms of the international law in the Russian law. The views are analysed of the scientist on the legal effect of the generally accepted principles and norms of the international law included into the legal system of the Russian Federation. The position of the generally accepted principles and norms of the international law among the Russian legal regulators is defined.

Keywords: generally accepted principles and norms of the international law; legal effect; Russian Federation's legal system; international contract; international legal custom; sources of the law.

Karnaukhova E.V. Principles of systematization of the local regulatory acts

The article is devoted to consideration of rules which is necessary for following at ordering of the local regulatory acts. In it definition is made and three groups of principles of systematization are allocated. The conclusion that the theme demands additional research is drawn.

Keywords: principles, system, systematization, the local regulatory acts.

2. The problems of state and municipal construction

Yaroslavtseva S.V. To a question about concept of judicial activity

In article the author undertakes attempt to consider concept of judicial activity from the point of view of the right, not only proceeding from the basic function of judicial authority – justice realisation, but also considering other important functions realised by judicial system without which high-grade performance by judicial authority of the problems assigned to it is impossible.

Keywords: court, judicial activity, legal activity, judicial authority, justice.

3. Private law, regulation of contracts

Fedchuk V.D. Phenomenon of groups of the companies in the right of England: growth factors

The leading figures of the modern market of England are groups of companies. Such an organization of the large companies' activity is practically justified from legal point of view as well as from economical one. In spite of the rather broad usage of the mechanism of the group of companies the English law of companies is still based but few exclusions on classical principles of the separate entity and limited liability.

Keywords: company, bankruptcy, associated company, corporate group, connected company, holding company, piercing the corporate veil, mergers and take-overs, holdings.

Silina T.B. Legal regulation of separation of the right of the state and municipal property on objects of a cultural heritage

In the article questions of legal regulation of separation of the right of the state and municipal property on objects of a cultural heritage are considered. The analysis of the current legislation and the developed practice of separation of the rights to history and culture monuments between such subjects of civil law as the Russian Federation, by subjects of federation and municipal unions, offers the basic directions of perfection of legal regulation in the specified sphere is carried out.

Keywords: legal regulation; separation of the right of the state and municipal property; objects of a cultural heritage; history and culture monuments; principles of separation of the property right.

4. Criminal legislation and Criminology

Baranchikova M.V. The importance of criminal law principles fixedness

The article discloses fixedness in law as an important criminal law principle. Legislative and practical importance of law-fixed criminal law principles is shown.

Keywords: criminal law principles, law-fixedness, criminal law, importance, criminal policy, lawmaking.

Ahmetov G.B. The decision of criminological problems on the basis of probability theory

In the article are analyzed the possibilities of interaction of mathematical and juridical sciences and on the basis of concrete examples are demonstrated application of theory of chances in the decision of some criminological problems.

Keywords: criminology, probability theory, criminological problems, likelihood knowledge.

Anisimov A.G. About of the reliability of the empirical data of the Information centres of the Ministry of internal affairs of Russia

The subject matter of the article is the analysis of reliability of the empirical data of youth self-interest violent crime which committed on Irkutsk oblast. This article shows us ability of the author to check up reliability of the empirical data.

Keywords: reliability of the empirical data, selected data, Information centres of the Ministry of internal affairs, statistical accounts, self-interest violent crime, youth crime, youth of Irkutsk oblast.

Sorokin A.I. Problems of the Prevention of Recurrent Criminality

The article is devoted to perfection of law-enforcement bodies activity concerning the prevention of recurrent criminality. Taking into account the importance of this orientation of the criminal police the article discloses certain ways and means of resolving the declared problem.

Keywords: Repeated commission; social adaptation; preventive measures.

5. The improvement of the law enforcement agencies' activity in crime detection and crime investigation

Karagodin V.N., Korovin S.V. Tactics of verification of validity of suspecting in the gangsterism

In article on the basis of the data of criminalistics, practice materials (studying of criminal cases) and interrogation of police officers features of tactics of check of validity of suspecting in the gangsterism are investigated. The characteristic is given to separate tactical receptions, use of special knowledge at their application is considered.

Keywords: gang, members of a gang, interrogation, tactics, interrogated, intragroup conflicts.

Petrov S.P. About separate questions of carrying out of inspection purchase of narcotics and employment its results in evidence activity

The problems of documenting criminal activity in the time of carrying out of operatively-search measures are considered in article. The author leads and analyses to the different judicial and investigatory practice about the official registration, the order of carrying out and the legality of operatively-search measure such as the inspection purchase. On basis research of regional practice detectives and investigators employment results during carrying out of inspection purchase of narcotics the author proposes his version of realize the given activity.

Keywords: inspection purchase, narcotic, psychotropic substances, operatively-search actions, official registration, dredging of narcotics, evidence activity.

6. Procedural law, jurisdiction, procedures

Smachtin E.V. Criminalistic's correlation with criminal and criminal proceege law.

The article is devoted to criminalistic's correlation with criminal and criminal proceege law. The author's position about the investigating problem is formed in conclusion.

Keywords: criminalistic, criminal law, criminal proceege law, correlation, empirical level, picture of traces, material traces.

Polovka V.V. Interaction of divisions of criminal investigation department with the consequence at the initial stage of disclosing and gangsterism investigation

The present paper touches upon an issue of interaction between Criminal Search Department and investigation agencies at the preliminary stage of disclosure and investigation of banditry. Along with this, the paper touches upon operative activities of the operative units of the Ministry of Internal Affairs of Russia within investigation groups, while special attention is paid to an issue of proving stability of detection of criminal groups.

Keywords: criminal investigation department, the inspector, interaction, gangsterism, investigation, investigatory-operative group.

7. The problems of legal science and law enforcement practice: young researchers' view

Vasilieva D.R. Studying of criminal personality's data, which is preceding pronouncing sentence on the cases about the personal hostility motivated murder: criminalistics and law aspects

The article is devoted to the problem of criminal's personality at the assize. The author's position about the investigating problem is formed in conclusion.

Keywords: criminalistics, criminal's personality, assize, personality characterizing data, generalization of criminal cases, medical measures of compulsion.

8. The staff training for law enforcement agencies and scientific life of higher education

Pegushin A.A. Modern educational technologies as facility of increasing to efficiency of the education

In a material questions of improvement of quality of training and education through application of modern educational technologies are considered; the sense of a technological orientation of pedagogical activity; the concept of pedagogical or educational technology is given.

Keywords: educational technologies, pedagogical skill, education, forms and methods of the education, scholastic purposes, scholastic process, technical facilities of the education, computerization.

9. Surveys, reviews, criticism

Yemelyanov A.S. About perversity of the concept financially-legal responsibility (on an example of the author's abstract of the dissertation of Arslanbekova A.Z. «Financially-legal sanctions in system of measures of legal responsibility»)

Problems of maintenance of the law and order and financial discipline in the field of the public finance represent serious theoretical and practical interest. During the last years they repeatedly became an object of research of various experts in the field of financial, administrative and criminal law. In the present article in the form of the abstract on doctor's dissertation of A.Z. Arslanbekova author's vision of questions of legal responsibility in the field of the public finance is presented.

Keywords: financial responsibility; financially-legal responsibility; financial sanctions; financially-legal sanctions; financial discipline; the law and order in the field of the public finance; the public finance.

Уважаемые авторы!

Решением Президиума ВАК Минобрнауки от 7 марта 2008 г. № 9/11 «О мерах по повышению эффективности использования Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий» с 1 сентября 2008 г. начата полномасштабная эксплуатация системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Включение нашего издания в систему РИНЦ потребует от авторов представления в редакцию дополнительной информации.

Для опубликования научных статей, сообщений, обзоров, рецензий и иных материалов в журнале необходимо представить в редакцию надлежащим образом оформленные **материалы и заявку**.

Для опубликования научных статей дополнительно требуется **внешняя рецензия**.

Заявка на опубликование представляется в распечатанном или электронном виде либо оформляется на сайте издания (<http://www.naukatui.ru>).

После принятия решения об опубликовании материалов редакция направляет автору (авторам) **лицензионный договор**.

Плата за опубликование материалов в журнале не взимается.

Требования, предъявляемые к оформлению материалов:

1. Материалы представляются в распечатанном (с обозначением наименования файла и подписью автора(ов)) и электронном виде.

Объем материалов: научная статья – до 1 авт. листа, научное сообщение, рецензия, обзор – до 0,5 авт. листа (авторский лист – 40 тыс. печатных знаков, включая пробелы).

2. Материалы набираются в редакторе Word (шрифт – Times New Roman, размер – 14 pt, межстрочный интервал – 1,0 (одинарный), верхнее поле – 20 мм, нижнее – 20 мм, левое – 25 мм, правое – 25 мм).

3. Заглавие (тема) материала набирается прописными буквами.

4. Указываются сведения об авторе(ах) (инициалы, фамилия, место работы, должность, ученая степень, ученое звание).

5. Обязательно наличие списка литературы (в рецензиях список литературы допускается не приводить).

Отсылки к источникам приводятся по тексту в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника в списке литературы и страниц, на которые ссылается автор (например, [2, с. 46], [3, с. 48; 7, с. 25]).

Литературные источники перечисляются в списке в порядке их упоминания в тексте (комплексное описание источников не допускается). Список литературы оформляется в соответствии с прилагаемыми примерами.

В публикуемой рецензии, кроме того, необходимо привести библиографическое описание рецензируемого издания (см. примеры оформления списка литературы).

6. Авторские примечания оформляются как подстрочные (знак сноски – *).

7. В конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

Требования, предъявляемые к оформлению заявки:

Обязательными элементами заявки на опубликование являются:

1. Индекс УДК.

2. Заглавие материала (на русском и английском языках).

3. Сведения об авторе(ах):

– фамилия, имя, отчество полностью (на русском и английском языках);

– ученая степень (полностью), ученое звание;

– должность;

- место работы: полное наименование организации, населенного пункта, почтовый адрес и (или) e-mail (на русском и английском языках);
 - контактная информация (телефон и (или) e-mail автора(ов)).
4. Аннотация (на русском и английском языках).
 5. Ключевые слова – выбираются из текста материала (на русском и английском языках).

Требования, предъявляемые к оформлению рецензии:

Внешняя рецензия содержит традиционные элементы описания рецензируемого труда. В рецензии необходимо указать место работы, должность, ученую степень, ученое звание, фамилию и инициалы рецензента. Подпись рецензента заверяется надлежащей печатью. Рецензия может быть направлена как в распечатанном, так и в электронном виде.

Образец оформления заявки

БЛАНК

(все поля подлежат
обязательному заполнению)

| | | |
|--|----------------------|--|
| ЗАЯВКА на опубликование материала в журнале «Юридическая наука и правоохранительная практика» | | Индекс УДК 343.14 (47) |
| Заглавие материала (на рус. языке) | | |
| Состязательность – условие равноправия сторон в уголовном судопроизводстве | | |
| Заглавие материала (на англ. языке) | | |
| Adversary as equality term for parties involved in criminal procedure | | |
| Фамилия, имя, отчество автора (на рус. языке) | | |
| Корнакова Светлана Викторовна | | |
| Фамилия, имя, отчество автора (на англ. языке) | | |
| Kornakova Svetlana Viktorovna | | |
| Ученая степень (полностью) | Ученое звание | Контактная информация (тел., эл. почта автора) |
| Кандидат юридических наук | – | 8(3952) 24-00-14 Svetlana-kornakova@yandex.ru |
| Место работы (полное наименование организации, населенного пункта), почтовый адрес и (или) адрес электронной почты – на рус. языке) | | |
| Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11 | | |
| Место работы (полное наименование организации, населенного пункта), почтовый адрес и (или) адрес электронной почты – на англ. языке) | | |
| Baikal National University of economics and law, 664003, Irkutsk, Lenina, 11 | | |
| Должность (полностью) | | |
| доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, заместитель декана судебно-следственного факультета БГУЭП | | |
| Аннотация материала (на рус. языке) | | |
| В статье автором рассматривается принцип состязательности, основанный на различии интересов сторон в уголовном процессе, указываются необходимые условия выполнения этого принципа: равенство сторон и независимость суда, делается вывод о том, что состязательность способствует достоверному установлению обстоятельств преступления | | |
| Аннотация материала (на англ. языке) | | |
| In the article the author considers that the principle of adversary is based on the difference of the interests for parties in criminal procedure. Some terms for using of this principle are determined as equality of the parties and court independence. Also the author draws a conclusion that adversary promotes valid ascertainment of the circumstances of the crime | | |
| Ключевые слова материала (на рус. языке) | | |
| Состязательность, равенство сторон, справедливость, истина | | |
| Ключевые слова материала (на англ. языке) | | |
| Adversary, equality term, justice, truth | | |

Примеры оформления списка литературы

1. Отдельные издания.

Книга 1 автора: Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология: монография. М.: Наука, 1982. 287 с.

Книга 2 авторов: Белкин Р.С., Белкин А.Р. Эксперимент в уголовном судопроизводстве: метод. пособие. М.: Инфра-М, 1997. 153 с.

Книга 3 авторов: Бабаев В.К., Баранов В.М., Толстик В.А. Теория государства и права в схемах и определениях: учеб. пособие. М.: Юристъ, 2007. 251 с.

Книга 4 и более авторов: Теория государства и права: учеб. нагляд. пособие / А.И. Числов [и др.]. 2-е изд., доп. Тюмень: Тюменский юрид. ин-т МВД России, 2007. 233 с.

Книга с указанием сведений об ответственности:

Неновски Н. Право и ценности: монография / вступ. ст. и пер. с болг. В.М. Сафронова; под. ред. В.Д. Зорькина. М.: Прогресс, 1987. 248 с.

Многотомное издание: Алексеев С.С. Общая теория права: курс лекций: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1981. Т. 1. 359 с.

Продолжающееся издание: Проблемы философии права и государства: сб. науч. ст. Тюмень: Тюменский юрид. ин-т МВД России, 2003. Вып. 2. 103 с.

Серийное издание: Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3, Экономика. Право. Волгоград, 1996. Вып. 1. 223 с.

Диссертация: Кузнецов А.П. Государственная политика противодействия налоговым преступлениям в Российской Федерации (проблемы формирования, законодательной регламентации и практического осуществления): дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2000. 473 с.

Автореферат диссертации: Маштакова Е.А. Теоретико-правовые вопросы государственного контроля в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. 28 с.

Архивные и неопубликованные материалы: Российский государственный архив древних актов. Ф. 4. Оп. 5. Д. 8. Л. 2 (об.).

2. Составные части издания.

Статья из сборника: Марцев А.И. Понятие и содержание уголовной ответственности // Проблемы борьбы с преступностью: сб. тр. Омской высшей школы милиции МВД СССР. Омск: Омская высш. шк. милиции МВД СССР, 1976. С. 90-112.

Статья из сборника по материалам конференции: Сумачев А.В. Компромисс в уголовно-правовой борьбе с незаконным оборотом наркотиков // Проблемы борьбы с незаконным оборотом наркотиков в Тюменской области: материалы междунар. науч.-практ. конф., Тюмень, 23-24 мая 2001 г. / Тюменский юрид. ин-т МВД России. Тюмень, 2002. С. 34-35.

Статья из журнала: Клеандров М.И. Роль органов МВД России в проверке кандидатов в судьи // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 1 (4). С. 31-42.

Статья из газеты: Лубенченко К.Д. Безработные законы // Известия. 1990. 25 апр.

3. Электронные ресурсы.

3.1. Локального доступа.

Составной части электронного ресурса:

Степное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия [Электронный ресурс] от 5 апр. 1994 г.: ред. от 16 окт. 2006 г. // Консультант Плюс: Высшая школа: учеб. пособие. 2007. Вып. 8. 1 CD-ROM. Загл. с этикетки диска.

Отдельного издания: Консультант Плюс: Высшая школа [Электронный ресурс]: программа информационной поддержки российской науки и образования. 2005. Вып. 3: К весеннему семестру 2005 года. 1 CD-ROM. Загл. с этикетки диска.

3.2. Удаленного доступа.

О Правительстве Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. конст. закон от 17 дек. 1997 г. № 2-ФКЗ: ред. от 2 марта 2007 г. // Консультант Плюс. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=66567;div=LAW;mb=LAW;opt=1;ts=BE95276C46F8994647D4BBD5703C1EAC> (дата обращения: 19 дек. 2008 г.).

3.3. Из локальных сетей, а также из полнотекстовых баз данных, доступ к которым осуществляется на договорной основе или по подписке.

О введении надбавок за сложность, напряженность и высокое качество работы [Электронный ресурс]: указание М-ва соц. защиты РФ от 14 июля 1992 г. № 1-49-У. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

4. Нормативные правовые акты.

О милиции: закон РФ от 18 апр. 1991 г. № 1026-1: ред. от 23 июля 2008 г. // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. 18 апр.; Российская газета. 2008. 25 июля.

Семейный кодекс Российской Федерации от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ: ред. от 30 июня 2008 г. // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16; Российская газета. 2008. 3 июля.

О некоторых вопросах, связанных с квалификацией и установлением требований по обязательным платежам, а также санкциям за публичные правонарушения в деле о банкротстве: пост. Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2006 г. № 25 // Вестник ВАС РФ. 2006. № 9.

Все элементы библиографического описания источников являются обязательными.